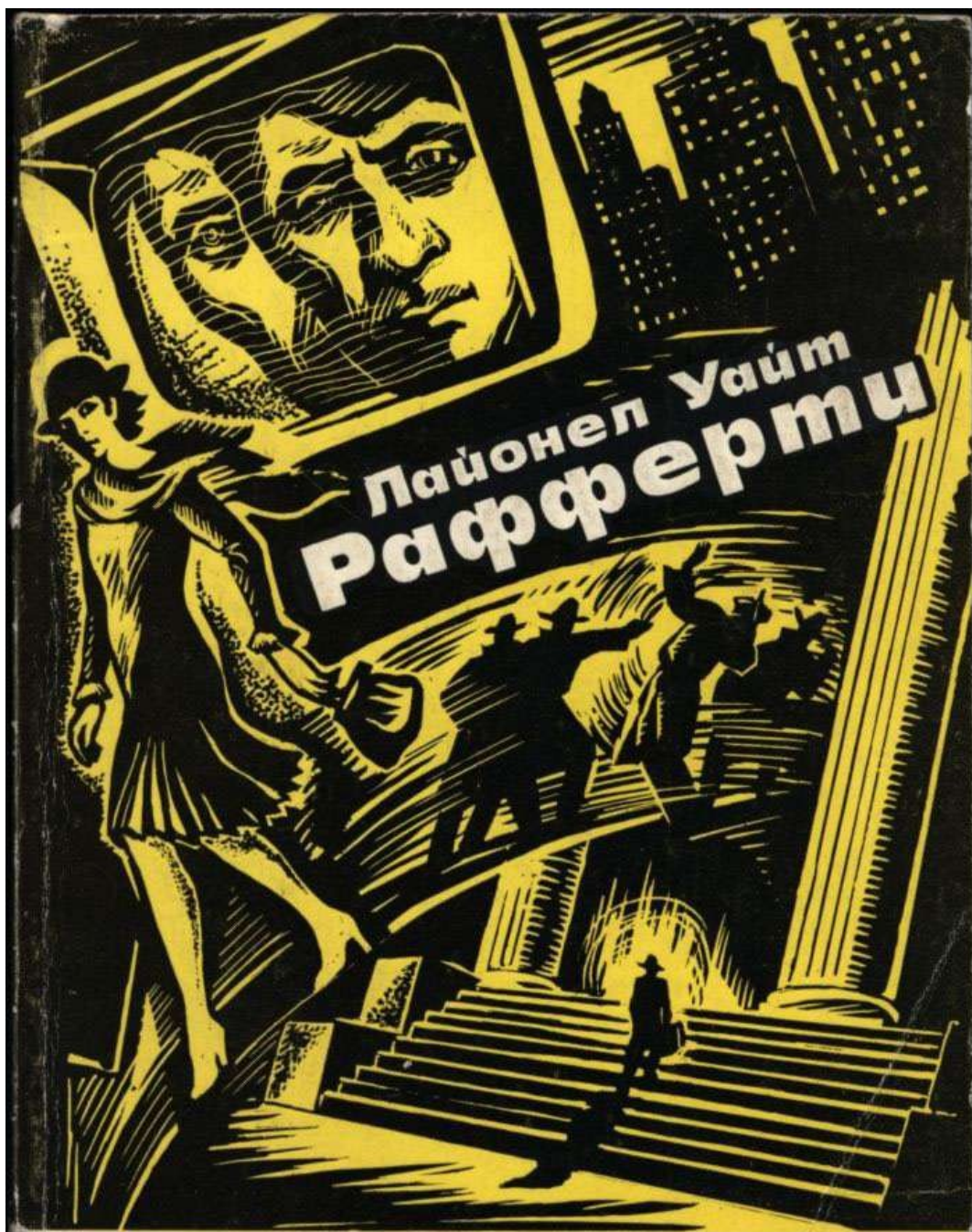




Scan: Larisa_F; OCR&ReadCheck: alexej36 <https://lib.rus.ec/>
«Рафферти»: Профиздат, Москва; 1982

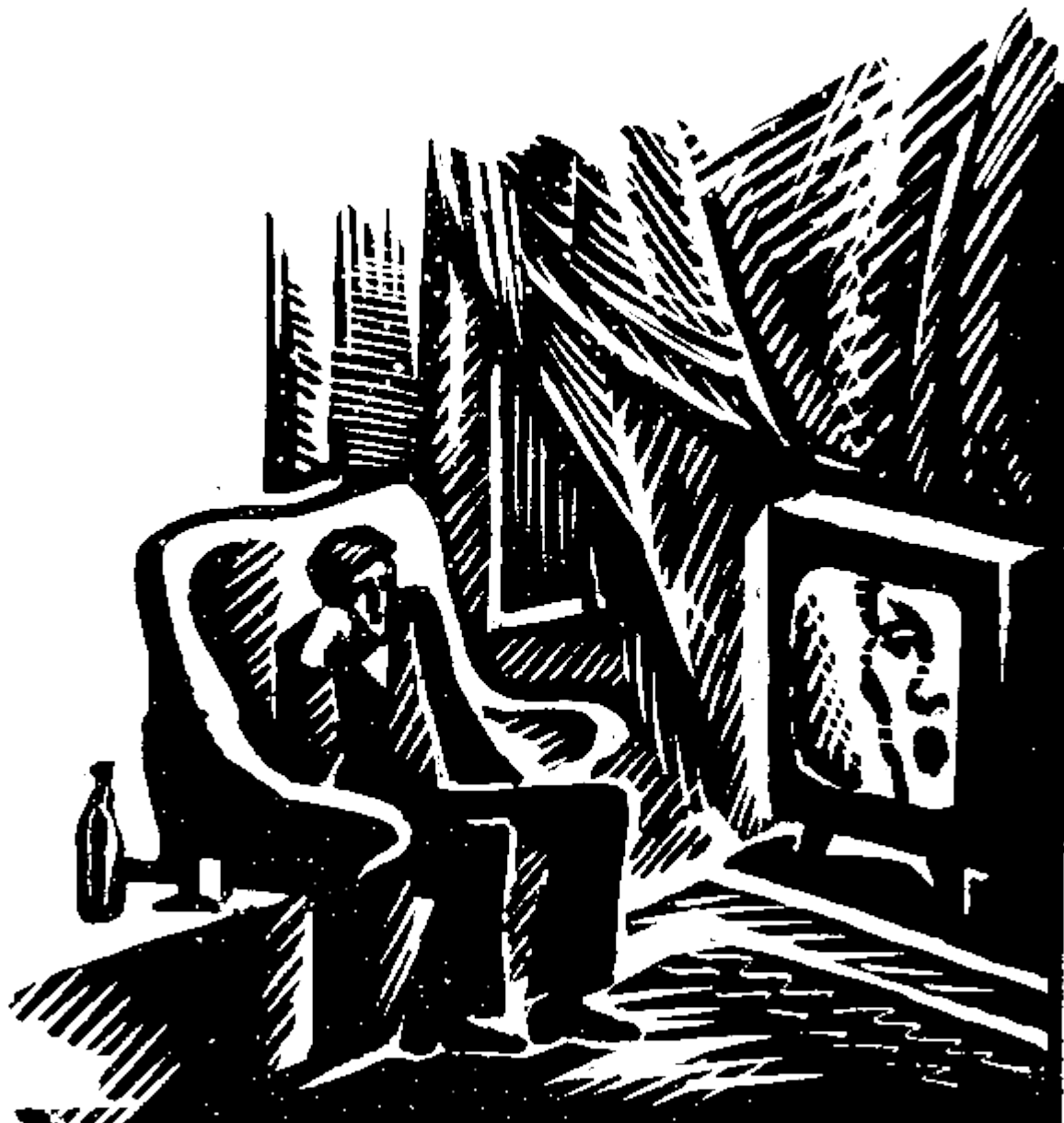
Аннотация

В основу романа американского писателя Лайонела Уайта положена история судебного процесса над крупным профсоюзным боссом Джеком Рафферти, стремившимся возглавить профсоюз транспортных рабочих США. С большим мастерством и острой критической проникновенностью автор разоблачает волчьи законы, царящие в мире капитала, коррупцию и преступность, сопутствующие продвижению западных лидеров к власти.

Лайонел Уайт Рафферти

Роман

Лайонел Уайт
РАФФЕРТИ
Роман



Глава первая

В заключение своей краткой, сугубо деловой речи, лишенной какого-либо намека на сенсационность, председатель комиссии сенатор Орманд Феллоуз сообщил, что следующим будет давать показания свидетель Джон Кэрл Рафферти. На заседании отсутствовал лишь один член комиссии – Хартуэлл Эрли-старший, сенатор от огромного промышленного штата на северо-западе США.

Уже одно то, что Эрли позволил себе не прийти на столь важное заседание, свидетельствовало об его исключительном положении как одного из старейших и влиятельных сенаторов в высшем законодательном органе страны.

Разумеется, Эрли не мог не знать, что главный юрисконсульт комиссии Джордж Моррис Эймс в то утро намеревался приступить к допросу Джека Рафферти. Об этом всю неделю трубили пресса, радио, телевидение, и даже газеты Лондона, Парижа, Брюсселя помещали под большими заголовками сообщения из США о процессе. Никто в огромном зале, где происходило заседание, не сомневался, что Объединенная комиссия конгресса по расследованию деятельности профсоюзов (в прессе ее называли Комиссией по борьбе с вымогательством в профсоюзах) намерена во что бы то ни стало расправиться с Джеком Рафферти.

Длившийся уже две недели допрос свидетелей являлся лишь прологом к главному событию драмы. Показания свидетелей и обширные материалы, тщательно и долго собиравшиеся аппаратом комиссии – бывшими сотрудниками ФБР, бухгалтерами, юристами и профессиональными провокаторами, – должны были послужить определенным фоном для того, что предстояло теперь, то есть для допроса самого Рафферти.

Да, сенатор Эрли должен был знать, что в конце концов Рафферти придется предстать перед комиссией. Однако, как и все зрители, переполнившие утром в понедельник зал заседаний, как все члены миллионного союза Рафферти (профессионального союза транспортных рабочих), как миллионы зрителей телевидения и читателей газет, следивших за ходом следствия, сенатор был уверен, что Джек Рафферти поступит так же, как поступали многие до него: сошлется на право, предоставленное ему пятой поправкой к конституции США, и откажется давать показания.

Старик Сэм Фарроу, президент профсоюза транспортных рабочих, вызванный в комиссию несколькими днями раньше, сослался на эту поправку и отказался отвечать на вопросы, создав тем самым соответствующий прецедент. Невозмутимый, с ничего не выражающим лицом, сидел он на заседаниях целых два дня, не опуская глаз перед гневными взглядами раздосадованных и раздраженных членов августейшей комиссии, вынужденных выслушивать лишь весьма каверзные и хитроумные вопросы, с которыми обращался к свидетелю хотя и молодой, но очень способный главный юрисконсульт.

Все происходило просто, в строгом соответствии с процедурой, используемой в тех случаях, когда применялась пятая поправка. В ответ на вопросы вы называете свою фамилию, адрес, а потом произносите эту вежливую и, казалось бы, ничего не говорящую фразу. Вы ничего не отрицаете и ничего не подтверждаете. Возможно, выглядите вы при этом не слишком достойно, но ведь на этом основании пока еще никого не бросили в тюрьму.

Вот почему сенатор Эрли и не пошел на заседание. Он лежал в постели у себя дома, в Вашингтоне, на шестом этаже гостиницы «Мейфлауэр», и тянул через соломинку подогретый апельсиновый сок. К кровати был придвинут столик с телевизором, и сенатор, подложив под голову еще три подушки и укрывшись тонким байковым одеялом, смотрел передачу.

Опуская на стол стакан с соком, сенатор на минуту – и не без огорчения – задумался. Сэм Фарроу, его хороший и близкий друг, отказавшись на основании пятой поправки давать показания, тем самым положил конец и своей карьере крупного профсоюзного деятеля, и своей популярности во всех уголках страны. Сознательно и бесповоротно он осудил себя на полное забвение (хотя и спасся от нескольких лет тюрьмы). А вот Рафферти, даже если он тоже воспользуется пятой поправкой и откажется отвечать, по всей вероятности, станет его преемником на посту президента союза транспортных рабочих. Ирония судьбы!..

Сенатор Эрли рыгнул, поставил стакан на ночной столик у кровати, тихо вздохнул и закрыл глаза. Такова жизнь: король умер, да здравствует король! Нужно давать дорогу молодым: Сэму Фарроу семьдесят три года, а Джеку Рафферти сорок один. Самому же Хартуэллу Эрли исполнилось шестьдесят девять.

Продолжая размышлять, сенатор вспомнил о выборах, предстоящих осенью в его штате. По крайней мере, хоть тут можно было не беспокоиться – он не сомневался, что сохранит пост сенатора до конца своих дней. Пока он жив, у членов комитета республиканской партии штата не хватит ни смелости, ни наглости выдвинуть на его место более молодого человека. Кто не знал, что сенатор не только крупный государственный деятель (даже его противники из оппозиции, скрепя сердце, признавали это), но и чертовски ловкий политик. Конечно, он поощрял молодежь, любил порой протектировать молодым людям, но был слишком умен, чтобы собственноручно выкармливать своего возможного преемника.

Сегодня Эрли чувствовал себя усталым – вчера вечером покер слишком затянулся, к тому же для человека его лет он выпил лишнего и много курил.

А потому, не сомневаясь, что Рафферти сошлется на пятую поправку и откажется давать показания, сенатор счел за лучшее провести день в постели.

В этот понедельник на утреннем заседании комиссии присутствовали даже те, кто имел лишь косвенное отношение к делу Рафферти. Несмотря на всеобщую уверенность, что Рафферти ни при каких условиях не согласится выступать с показаниями, зал заседаний на

втором этаже огромного здания, отделанного мрамором и гранитом, был переполнен любопытствующими, которые проникли туда с помощью взятки или наглости. Для поддержания порядка пришлось вызвать дополнительные наряды полиции.

Джек Рафферти всегда вызывал у публики жадный интерес. Вот и сейчас, даже если он ничего не скажет и ни в чем не признается, он все равно останется героем спектакля. Через два месяца должны были состояться профсоюзные выборы, и Рафферти предстояло стать очередным президентом профсоюза транспортных рабочих – вопреки враждебной кампании в печати и тому факту, что расследованием его деятельности занимаются конгресс США и различные судебные-следственные органы, готовые приписать ему по меньшей мере пять или шесть уголовно наказуемых деяний. В качестве президента профессионального союза транспортных рабочих (ПСТР) Рафферти предстояло стать наряду с Рейтером и Мини одним из наиболее влиятельных профсоюзных лидеров в стране. Правда, профсоюз этот не был столь многочисленным, как некоторые другие, но его президент считался важной фигурой, даже более важной, чем многие известные профсоюзные руководители, поскольку ПСТР контролировал коммуникации и перевозку всех грузов и тем самым мог влиять на работу других отраслей промышленности.

В дальнем конце зала, там, где находилась комната для свидетелей и их адвокатов, внезапно послышался шум. Сенатор Орманд Феллоуз (он сидел в центре зала на возвышении, за длинным столом красного дерева, чуть склонившись влево, чтобы придать удобное положение плечу, в котором снова проснулась застарелая боль) сейчас же вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит. Однако его внимание тут же привлекла сценка, разыгравшаяся между конгрессменом Махони и главным юрисконсультom Эймсом. Конгрессмен наклонился к Эймсу и что-то оживленно зашептал ему, а тот, словно не замечая, старательно разбирал свои бумаги.

Феллоуз сдвинул густые с проседью брови – сначала, как всегда, одну, а чуть позже другую, скривил тонкие губы под прямым, почти патрицианским носом и отвернулся, успев, однако, заметить, что оператор установленной справа телевизионной камеры навел объектив в дальний конец зала, где два человека с помощью парламентских приставов медленно пробирались сквозь публику к столу комиссии.

Сердитые складки на лбу Феллоуза разгладились, и он удовлетворенно кивнул. Да, на этот раз он добился своего, добился, по правде говоря, без особого труда, на то он и председатель, хотя со стариной Эрли пришлось-таки повозиться. И только тут Феллоуз обнаружил, что Эрли не присутствует на заседании.

Он вспомнил, что сенатор Эрли протестовал против трансляции по телевидению заседаний комиссии, и его можно понять: Эрли не нуждался в телевидении, как и вообще в рекламе, поскольку всегда был уверен в прочности своего положения – он баллотировался в родном, высокоиндустриальном штате и постоянно подчеркивал, что сам был в свое время простым рабочим. Избиратели охотно отдавали ему свои голоса.

Орманд Феллоуз считал себя справедливым и честным человеком. Однако, будучи реалистом, он не мог не признать, что его положение в корне отличается от положения Эрли. Чтобы быть переизбранным, ему приходилось уговаривать избирателей, и теперь он не видел причин, почему бы жителям его штата не убедиться с помощью телевидения, какую большую работу ведет в Вашингтоне их избранник и как он их здесь представляет. Миллионы и миллионы людей – рабочих, служащих, представителей деловых кругов – интересовались ходом расследования. Они имели право знать, что происходит. Эрли же просто старый дурак. Впрочем, как бывший профсоюзный работник он, возможно, считает, что чем меньше широкая публика будет знать о всяких закулисных делах, тем лучше.

Позвольте, но справедливо ли рассуждать так по отношению к Эрли? Уж так ли честен он, Феллоуз, даже наедине с самим собой? Разумеется, Эрли, в общем-то, пустозвон и выскочка, сумевший выбиться в люди, но нельзя не признать, что, несмотря на принадлежность к республиканской партии, он все же честный и порядочный человек. Ведь когда ему, Феллоузу, потребовалось провести через сенат поправку к законопроекту о заповедниках, разве не Эрли помог ему? Разве не Эрли...

Да, но теперь все это не имеет никакого значения. Ему, Феллоузу, все же удалось добиться согласия членов комиссии на трансляцию по телевидению допроса свидетелей. Вот и сейчас находившаяся справа и чуть позади него телевизионная камера была направлена на очередного свидетеля, медленно пробиравшегося через толпу зрителей к столу, установленному перед возвышением, на котором восседали члены комиссии.

Джека Рафферти сопровождал его адвокат, а возможно, кто-то другой, кого Феллоуз принимал за адвоката, – почти совершенно лысый, худой человек со странным, по-младенчески круглым и гладким лицом. Рядом со своим клиентом он выглядел подростком. Сам Рафферти, правда, не отличался высоким ростом, но зато был необыкновенно широк в плечах, и поэтому сейчас, когда он проталкивался через густые ряды любопытных, казался большим и рослым.

Картрайт Минтон, штатный сотрудник вашингтонского бюро «Ассошиэтед пресс», поднял длинное худое лицо и сдвинул со лба на аристократический нос очки в массивной роговой оправе.

– Обратите внимание, – посмотрев по сторонам, обратился он к сидевшему рядом коллеге, – сенатора Эрли до сих пор нет. – И он рассеянно протянул руку к лежащему перед ним листу чистой бумаги.

Джейк Медоу лишь пожал плечами. Смуглый и низкорослый, он прекрасно одевался и, по слухам, платил за каждый костюм не меньше ста пятидесяти долларов. Специальный корреспондент одной из бульварных газет в Нью-Йорке, он по заданиям редакции частенько навещался в Вашингтон.

– Ну и что? – спросил он. – Не иначе старик вчера перепил и теперь дня два будет приходить в себя. – Медоу чуть улыбнулся, но его темные глаза и в этот момент не утратили обычного циничного выражения.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Карл Хэзлит раздраженно взглянул на Медоу, но промолчал и, отвернувшись, стал наблюдать за Рафферти.

Фоторепортер из Чикаго Боскам (никто не знал его имени), который утверждал, будто представляет газету «Трибюн», а в действительности нигде не служил и проник сюда по фальшивому пропуску, поднялся со своего места, чтобы лучше видеть происходящее.

– Кто это с ним? – спросил он, ни к кому не обращаясь. – Его адвокат?

– А кто же еще! – усмехнулся Джейк. – Это Морт Коффман. – Подмигнув Минтону, он дернул Боскама за полу твидового пиджака. – Сфотографируй его. Он любит фотографироваться. Если снимок получится удачным, он отблагодарит тебя бутылкой виски, а то и фотокамерой.

Боскам взглянул на него с недоверием. Хэзлит же, всем видом выражая неодобрение, буркнул что-то невразумительное.

– Тут ему без адвоката не обойтись, – заметил Минтон.

– Глупости! – возразил Роберт Шерман, эксперт отдела профсоюзной жизни газеты «Стар», и покачал огромной косматой головой, делавшей его похожим на стареющую овчарку. – Рафферти не нуждается в адвокатах. Его так часто таскали по разным комиссиям и судам, что он теперь мог бы давать показания даже во сне.

– Похоже, так оно и будет сегодня, – отозвался Джейк. – Всю прошлую ночь он не спал. Вы были на вечере в гостинице «Шорэм»? Давненько я не видывал такой пьянки! Кругом девки, вино рекой... Все перепились, а Рафферти пуще всех.

Хэзлит быстро взглянул на него:

– Вы хотите сказать, Рафферти был пьян?

– Вот именно. – Джейк снисходительно посмотрел на Хэзлита. – Вам бы следовало побывать там, и тогда бы вы узнали, что такое...

– Хватит, Джейк, – перебил его Минтон. – Морт Коффман представляет здесь не профсоюз, а лично Рафферти, не так ли? – спросил он, переводя разговор на другую тему. – Или же профсоюз транспортных рабочих...

– Да, лично Рафферти, – подтвердил Джейк. – Гонорар ему, можете не сомневаться, заплатят рядовые члены профсоюза, но Рафферти не нашел нужным взять с собой на заседание кого-нибудь из юристов профсоюза. Разумеется, Морт Коффман очень ловкий и опытный

адвокат и...

– Не понимаю, – вмешался Богардас, с недавних пор представлявший в столице один из еженедельников, – зачем комиссия вообще тратит время, вызывая сюда Рафферти. Неужто они не знают, что он не будет давать показаний?

– Конечно знают, – презрительно скривился Джейк. – А что еще ему остается делать? Открыть рот и во всем признаться? Рассказать, как и что? Например, как при помощи своих людей и всяких махинаций он пробрался к... Да что там! – Джейк с отвращением отвернулся. – Да, его вызвали для допроса, – продолжал он, – хотя все прекрасно понимают, что он и рта не раскроет. Кстати, членам комиссии безразлично, будет он давать показания или не будет. Все, что им требуется, – внести в протокол вопросы, с которыми они к нему обратятся, а главное – показать себя телезрителям. Они хотят доказать или сделать вид, будто им известно о Рафферти абсолютно все. Комиссия уже израсходовала четверть миллиона долларов и скоро обратится в конгресс с просьбой ассигновать еще столько же. Должны же члены комиссии показать своим избирателям, что они прямо-таки обременены делами.

– Послушайте, – вдруг обратилась Мэри Элен Хеншоу, обозреватель и радиокомментатор, к сидевшей рядом с ней женщине и, приподнявшись со стула, бесцеремонно ткнула пальцем куда-то в противоположный конец зала. – А ведь это, кажется, Джил Харт, а? Ну, любовница Рафферти.

Отчетливый, пронзительный голос мисс Хеншоу, хорошо знакомый многим по ее радиопередачам, услышала по меньшей мере половина собравшихся, и их взоры обратились туда, куда она показывала.

По всей вероятности, слова журналистки слышал и Рафферти, однако ни один мускул не дрогнул на его лице.

Мисс Хеншоу опустила руку и снова уселась на стул.

– Да, это Джил Харт, – заметила она. – Не понимаю, что находят мужчины в таких дешевых и вульгарных...

– Ну, это и я могу вам объяснить, – начал было Джейк Медоу, и взгляд его сонных глаз скользнул с подбородка на плоскую, как доска, грудь Мэри Элен. – Да, я...

– Хватит, Джейк, – снова перебил его Мinton. – Оставьте ее в покое. Эта девица опасна, и если она взорвется, кое-кому не поздоровится. В общем, заткнитесь, не мешайте мне слушать.

Глава вторая

Сидя позади длинного стола, за которым разместились члены комиссии и главный юрисконсульт, старший следователь Честер Дэниэл (временно прикомандированный от министерства финансов) наблюдал за неторопливо приближавшимся Рафферти. Дэниэла восхищали невозмутимость и самообладание этого человека. Правда, размышлял Дэниэл, Рафферти ничего не знает о компрометирующих его материалах, собранных следственным аппаратом комиссии: о подслушанных разговорах в Нью-Йорке, о документах из Чикаго, о выписках из текущих счетов в банках и о многих других более или менее убийственных уликах. Да и не мог он знать об этом...

Однако Дэниэл был слишком опытным следователем, чтобы тут же не отвергнуть свой собственный вывод. Не повторяют ли они ошибки, которую не раз допускали раньше? Разве они уже не попадали впросак, стараясь угадать, что Рафферти что-то известно, а что-то нет. Разве не благодаря этому Рафферти удавалось выйти сухим из воды, когда суд рассматривал его дела и когда, казалось, ему ни за что не выкрутиться? Противники Рафферти постоянно недооценивали его и не хотели признавать, что имеют дело с очень умным и ловким человеком.

Жаль, конечно, что Рафферти воспользуется пятой поправкой. Дэниэл с удовольствием послушал бы, как он станет отвечать на вопросы, столь тщательно подготовленные следственным аппаратом комиссии. Да, Рафферти далеко не хлюпик, как противник он действительно заслуживает уважения. Дэниэл внимательно прочел протоколы других расследований, в процессе которых Рафферти давал показания, и должен был признать, что почти необразованный, грубый Джек Рафферти обладал и хорошо подвешенным языком и острым умом; когда нужно было ответить, он не лез за словом в карман, хотя частенько не знал,

как правильно произнести слово.

На какое-то мгновение Дэниэл даже почувствовал зависть к Рафферти – точнее, не к самому Рафферти, а к тому, чем тот владел. Лучшие частные школы для детей, счета в банках на баснословные суммы (на имя жены, разумеется), шикарные «кадиллаки» и «линкольны» с шофером, не облагаемые налогом, поскольку «признательные» рядовые члены профсоюза содержали их за свой счет, пикантные развлечения, мысль о которых Дэниэл безуспешно пытался гнать от себя.

Дэниэл уже много лет тянул лямку заурядного чиновника и понимал, что после ухода со службы может надеяться лишь на весьма скромную государственную пенсию. Его дети были вынуждены учиться в обычном учебном заведении, хотя он, будь у него средства, предпочел бы отдать их в частную школу.

Очнувшись от размышлений, Дэниэл заметил, что Рафферти сел за стол перед возвышением; его адвокат, положив перед собой портфель, сделал то же самое. Рафферти принес с собой и поставил у ног небольшой плоский чемоданчик. Дэниэл удивился: что могло быть в нем? Скорее всего, две-три бутылки виски, и уж во всяком случае не конспект предстоящего выступления. Рафферти для конспекта хватило бы и самого маленького конверта. Да и адвокат Рафферти в сущности не нужен; Морт Коффман, несомненно, уже тщательно его проинструктировал. Не так уж трудно заучить слова: «Я почтительно отказываюсь отвечать на том основании, что, поступая так...» и так далее.

Морт Коффман прикрыл рот пухлой, почти младенческой ладошкой.

– Так не забудь, – шепнул он, – отвечать нужно только на вопросы о фамилии и адресе. На вопрос о занятиях отвечать нельзя, иначе...

Рафферти покачал головой, вернее, несколько раз резко дернул ею – характерное для него движения.

– Ради бога, Морт, – угрожающе прошипел он, – не лезь со своими советами. Не для того я тебя нанял. Впервой мне, что ли, попадать в такие передрыги? Я же говорил, что ты нужен мне только на тот случай, если у меня возникнет какой-нибудь вопрос. Заруби это себе на носу. Когда понадобится, я сам к тебе обращусь.

Он поднял глаза и, обнаружив, что за ним внимательно наблюдают журналисты и фоторепортеры, улыбнулся и дружески похлопал адвоката по плечу.

Улыбка совершенно преображала Рафферти, меняла выражение его лица. Из серьезного, солидного мужчины сорока с лишним лет, который в жизни мог оказаться кем угодно, он превращался в подростка – искреннего и обаятельного. Сломанный когда-то нос делал его похожим на озорного и лукавого уличного мальчишку, карие глаза становились теплыми, добрыми и доверчивыми. Достаточно было хоть раз увидеть улыбку Джека Рафферти, чтобы понять, почему он нравился почти всем, кто с ним знакомился, почему сразу завоевывал их доверие.

– Я думал... – начал было Морт Коффман.

– А ты не думай, – все еще улыбаясь, ответил Рафферти; ему не хотелось, чтобы решили, будто он позирует перед телевизионными камерами, пусть считают, что если он и улыбается, то только своему адвокату и никому больше. – Не ломай себе голову. Я сам за себя думаю и сам за себя беспокоюсь. А ты сиди и наслаждайся. За тысячу в день, я думаю, можно наслаждаться.

Морт Коффман тоже заулыбался – его улыбка совсем не походила на улыбку Рафферти – и несколько раз торопливо кивнул круглой младенческой головкой.

– Хорошо, Джек, хорошо.

«Сукин сын! – думал он. – Вот сукин сын! И все же какой молодец! Ему предстоит самая трудная в жизни схватка, а он улыбается и уговаривает меня не беспокоиться, да еще платит тысячу долларов в день только за то, чтобы я сидел тут. Что ж, он, наверно, знает, что делает. Сколько таких расследований он уже прошел, а положение его раз от разу становилось более прочным. Скажи какой-нибудь другой клиент ему, Морту Коффману: „Заткнись и не лезь со своими советами“, он бы сейчас же встал и ушел. Да, да, несмотря на тысячу долларов встал бы и ушел. Никому другому он не позволил бы так разговаривать с ним. Черт возьми, именно за то они и платят ему свои денежки, что он думает за них, он хочет зарабатывать деньги, а не брать

просто так. Кроме того, ему надо защищать и свою собственную репутацию. Своего теперешнего положения он добился не тем, что позволял клиентам думать самим. Нет, сэр!»

Коффман так распалился, что спрашивал себя, почему бы ему в самом деле не встать и не уйти. Да, но ведь Джек Рафферти не обычный клиент. Правда, пока он всего лишь председатель лос-анджелесского и регионального комитетов, но скоро станет президентом профсоюза транспортных рабочих, одним из самых влиятельных руководителей профсоюзного движения страны. Нет, от такого клиента уйти нельзя. Нет, подобного клиента Коффман ни за что не бросит. Неприятно, конечно, но Рафферти действительно мог думать сам.

Томми Фаричетти, пристально вглядываясь в зеркало ванной, тщательно попудрил только что выбритые до синевы толстые щеки. Руки у него не дрожали, а в ясных глазах (если только зеркало не обманывало) не угадывалось ни малейших следов пьяной бессонной ночи.

– Фрэнсиз, его уже показывают? – спросил он через полуоткрытую дверь.

– Вот-вот начнут показывать, – ответил Фрэнсиз Макнамара. – Пока его фотографируют газетчики.

Фаричетти быстро закончил туалет, поправил галстук, снял с плечиков и надел прекрасно сшитый пиджак и вышел из ванной, не потрудившись выключить свет.

– Ну и ералаш! – воскликнул он, обводя взглядом дорогой номер гостиницы, оставленные тут и там стаканы с недопитым виски, переполненные окурками пепельницы, неубранную двуспальную кровать в соседней комнате. – Девки уехали?

– Да. Я отправил их обратно в Нью-Йорк. Эта большая блондинка хотела...

– Ну ее к черту! – прервал Фаричетти. – Уехали – и хорошо. – Он вздохнул и поставил стул против телевизора. – Да, не завидую я Джеку, особенно после того, что мне самому пришлось испытать на прошлой неделе. Поиздевалась же надо мной эта комиссия!

– Поиздевалась бы еще больше, если бы ты вздумал отвечать на вопросы, которые тебе задавали.

– Больше?! Это невозможно. А как старался этот проклятый Эймс! И бандит-то я, и гангстер, и вымогатель... Спрашивает меня – понимаешь, меня! – как я себя чувствовал, когда избивал этого парня из гаража. А я сижу и молчу. Уж кто-кто, а ты, Мак, знаешь, что за последние двадцать лет сам я никого не избивал, да и Эймс это знает. Но я был в его власти, он понимал, что я не мог ответить.

– Что верно, то верно, ответить ты не мог, – подтвердил Макнамара. – Впечатление это произвело, конечно, дурное, но ведь другого-то выхода у тебя не было. – Адвокат оглядел его мрачным взглядом. – Помни, Томми, тебя ждет тюрьма. Сейчас ты на свободе под залог. А если бы члены комиссии заставили тебя раскрыть рот, ты бы уже не смог остановиться и наговорил бы столько, что тебя можно было бы засадить на всю жизнь. Еще один привод – и твоя песенка спета.

– Где, по-твоему, комиссия раздобыла все эти материалы?

– Какое это имеет значение? – отозвался Макнамара. – Важно, что раздобыла, и тебе трудненько будет выпутаться.

Фаричетти взял сигарету, закурил ее от золотой зажигалки и раздраженно покачал головой.

– Заседанию уже давно бы пора начаться. Какого дьявола они тянут? – проворчал он, не сводя глаз с экрана телевизора.

– Не торопись, – осадил его Макнамара. – За Джека Рафферти беспокоишься? Побеспокойся лучше о себе.

– Пока у меня за спиной Джек, мне нечего беспокоиться, – ответил Фаричетти. – Не забывай об этом. А с ним комиссии не справиться. Он уже побывал и не в таких переделках, а всегда выходил сухим из воды. Через два месяца он займет место Сэма Фарроу, и тогда никто не посмеет его тронуть.

– За два месяца многое может произойти.

Фаричетти побагровел и сердито взглянул на адвоката.

– Что ты хочешь сказать? Что именно может произойти? Вопрос об избрании Джека давно решен – делегаты съезда и местные профсоюзные организации на его стороне, хотя съезда и не было.

– Да, но нужно дождаться еще окончания работы комиссии, – покачал головой Макнамара. – Не забывай одного обстоятельства: если Рафферти сошлется на пятую поправку и откажется давать показания, а иного выхода я для него не вижу, еще неизвестно, как отнесется к этому общественность...

– Чепуха! Президента профсоюза избирает не общественность.

– Верно, – согласился Макнамара, – но есть решение Американской федерации труда: функционер любого профсоюза, отказывающийся давать показания на основании пятой поправки, механически лишается права занимать какой-либо пост в профорганизациях. Если Рафферти откажется говорить, он тем самым даст понять, что не возражает против исключения профсоюза транспортных рабочих из федерации.

– Ну и что? Ну, исключат нас. Федерация куда больше нуждается в профсоюзе транспортных рабочих, чем профсоюз в федерации. Уж не хочешь ли ты сказать, что Джек начнет колебаться...

– Я только хочу сказать, что такие же расследования проводились и раньше, и никогда еще Джек не отказывался от показаний на основании пятой поправки.

– Но Сэм Фарроу укрылся за пятой поправкой, я укрылся за пятой поправкой, все наши тоже укрылись за пятой поправкой. Такую линию поведения разработал сам Джек. А ты пытаешься сказать...

– Знаешь, Томми, я ведь твой адвокат, а не адвокат Рафферти, и считаю, что он серьезно себя скомпрометирует, если откажется давать показания. И в глазах членов профсоюза и в глазах общественности. Материалов у комиссии, повторяю, более чем достаточно, и хотя кое о чем ее членам приходится лишь догадываться, однако, умножая два на два и получая четыре, они начинают понимать, что происходит.

– Конечно, начинают, – согласился Фаричетти. – А что это им дает? Что они могут доказать? Хорошо, мы организовали несколько липовых отделений нашего профсоюза на местах. Ну и что? Кое-кто из ребят пожадничал и хапнул лишнего. Опять же: ну и что? Так было и так будет, пока существуют профсоюзы.

Фаричетти встал, подошел к окну и, откинув занавеску, посмотрел на улицу.

– Он сейчас приносит присягу, – сообщил Макнамара. – Иди посмотри.

– ...Показания, которые вы сейчас дадите, будут правдой, полной правдой и только правдой, и да поможет вам бог.

– Клянусь, – ответил Джек Рафферти.

Почти неприметно кивнув, он нащупал за спиной стул, осторожно сел и, подвинув стул вперед, положил руки на стол, не спуская с председателя серьезного и спокойного взгляда. Легкий румянец покрывал его щеки, казалось, будто он покраснел, а в действительности он просто провел в Майами последние несколько недель и, как обычно, не загорел, а только покраснел. Лицо у Рафферти было совершенно гладкое, без морщин, держался он свободно и непринужденно, словно человек, который хотя и живо интересуется происходящим, но не имеет к нему никакого отношения.

Сенатор Феллоуз немного помедлил и передвинул лежавшую перед ним пачку бумаг с таким расчетом, чтобы можно было не слишком наклоняться, когда возникнет надобность прочитать одну из них. Посмотрев на Эймса, склонившегося над документами, он снова перевел взгляд на свидетеля.

– Имя и фамилия?

– Джон Кэрл Рафферти.

– Местожительство?

– Лос-Анджелес, штат Калифорния.

– Род занятий?

– Председатель семьсот второго лос-анджелесского комитета профессионального союза транспортных рабочих...

Рафферти замолчал: Морт Коффман сильно и настойчиво потянул его за рукав. Во время этой паузы в зале послышался предгрозовой шорох – зрители, не ожидавшие такого поворота событий, заволновались, задвигались, зашептались.

Сенатор Феллоуз застучал молотком, но шум лишь усилился; Феллоуз постучал второй раз и третий.

– Нет, нет, Джек, ради бога, не нужно! – умоляюще прошептал побледневший Коффман и снова потянул Рафферти за рукав.

Равнодушно, словно отстраняя назойливого нищего, Рафферти стряхнул руку адвоката и, не ожидая, пока зал успокоится, продолжал:

– ...Одновременно я являюсь председателем западного регионального комитета и шестым вице-президентом профессионального союза транспортных рабочих.

В полной тишине, показавшейся тем более глубокой, что она наступила внезапно, из ложи журналистов ясно и отчетливо послышался голос Джейка Медоу:

– Боже, теперь же он обязан давать показания!

Сенатор Феллоуз снова резко постучал молотком и сердито посмотрел на журналистов.

– При повторении беспорядка я распоряжусь очистить зал от посторонних, – объявил он.

– Господин председатель, – обратился к нему Рафферти. – Господин председатель, я прошу разрешения сделать краткое вступительное заявление. Прошу внести его в протокол заседания.

Глава третья

Энн Рафферти, перекинув красивые, чуть длинноватые, как обычно у подростков, ноги в шортах через подлокотник старомодного кресла, пошевелилась, протянула руку и повернула регулятор телевизора, усиливая громкость. Хорошенькая, с такими же, как у матери, рыжеватыми волосами (только не уложенными в узел, а коротко подстриженными), с голубыми глазами, тонкими чертами лица и гладкой, чистой кожей, она очень походила на мать, но унаследовала от отца его непринужденные манеры и обезоруживающую внезапную улыбку.

Энн исполнилось шестнадцать лет, она еще продолжала расти и формироваться. Тонкая полотняная рубашка (позаимствованная у брата Эдди без его ведома) с высоко засученными рукавами на округлых руках прикрывала тугую девичью грудь.

– Мама! – позвала она через открытую на кухню дверь, пытаясь перекричать звучащие с экрана голоса. – Папу показывают! Он хочет говорить, и сейчас попросил разрешения...

– Не слышу, дорогая, – отозвалась Марта Рафферти, продолжая мыть оставшуюся после завтрака посуду. – Этот телевизор... Иди сюда.

Энн уменьшила громкость, вылезла из кресла, подошла к двери, и просунула в нее голову.

– Папу показывают по телевизору. Он хочет говорить.

Мать сполоснула руки и взяла полотенце.

– А почему бы твоему отцу и не говорить? Какие могут быть основания... Постой, Энн, ты что, смотришь телевизор?!

– Смотрю. Ну и что? – удивилась Энн. – Не каждый же день удастся видеть своего отца по телевидению и...

– Энн, но я же говорила, что отец не хочет, чтобы вы, дети, смотрели передачи с этих заседаний. Еще вчера вечером, разговаривая со мной по телефону, он снова сказал, что запрещает вам смотреть телепередачи, когда он будет...

– Перестань, мама! – прервала ее Энн. – В конце концов я уже не ребенок, я имею право знать, что...

Марта Рафферти беспомощно пожала плечами.

– Я только передаю желание отца.

– Да, но отец сейчас в Вашингтоне, – многозначительно возразила Энн. – Не понимаю, почему, несмотря на весь шум, поднятый вокруг него, я не могу...

– Я передаю требование отца. Во всяком случае...

– Послушай, мама, но я же встречаюсь с ребятами и девушками, и все они только об этом и говорят. Почти никто не сомневался, что папа откажется отвечать на вопросы и сошлется на пятую поправку. Если мне придется поспорить с ребятами и защищать отца, я должна буду...

– Защищать отца? А кто тебя просит защищать отца? Джек Рафферти не нуждается в защите. Если бы он только слышал, как его собственное дитя... – Она умолкла и сокрушенно возвела глаза к потолку.

– Мне известно только то, что о нем говорят. А я хочу знать, что происходит на самом деле. Нужно же знать, что папа...

– А вот я ничего не хочу знать, – сурово прервала ее Марта Рафферти, не ожидая, пока дочь сообщит, что «говорят» и что именно происходит. – Я перестала интересоваться делами твоего отца лет двенадцать назад. Он знает, что делает. И меня не беспокоит, что говорят о нем соседи. Но сейчас дело совсем не в этом. Тебе было сказано не смотреть эти телепередачи, и ты должна выключить телевизор.

– Сказано, сказано... Неужели тебе самой неинтересно?! Вот он только что обратился к сенатору с просьбой позволить ему выступить с заявлением. Разве тебе не хочется послушать, о чем будет говорить перед сенатом Соединенных Штатов твой собственный супруг?

Марта оттолкнула дочь, вошла в гостиную и уже протянула руку, собираясь выключить телевизор, но в это мгновение Рафферти заговорил, и ей показалось, будто он обращается непосредственно к ней, только к ней. Держа пальцы на ручке, она впиалась глазами в лицо мужа и стала напряженно вслушиваться в его слова.

Энн Рафферти последовала за матерью. Со странным выражением какой-то детской рассеянности и одновременно озабоченности на лице она уселась на некотором расстоянии от нее и, полураскрыв рот, стала слушать передачу.

Марта Рафферти продолжала стоять; в ту минуту она и не думала, что следующие три дня ей придется провести у телевизора, не спуская глаз с экрана.

Жестом, выработанным длительной практикой, Джек Рафферти придвинул к себе настольный портативный микрофон, взглянул на сенатора Феллоуза и хотел уже заговорить, но в эту минуту Коффман внезапно поднялся с места.

– Сенатор, – заявил он удивительно глубоким и сильным для такого низкорослого человека голосом. – Сенатор, мне необходимо проконсультироваться с клиентом, и я прошу комиссию дать нам необходимое время.

Рафферти холодно взглянул на адвоката и хотел снова заговорить, но председатель опередил его.

– Вы адвокат мистера Рафферти?

– Да, сэр, – быстро ответил Коффман, не обращая внимания на своего клиента.

– В таком случае сообщите комиссии свою фамилию и адрес.

– Мортон Коффман из адвокатской фирмы «Клайн, Бенхардт и Коффман», находящейся в Нью-Йорке на западной Сорок четвертой улице. Я...

– Можете проконсультироваться с клиентом.

Сенатор Феллоуз без всякой в том необходимости постучал молотком, повернулся к Джорджу Моррису Эймсу и что-то зашептал ему, время от времени поглядывая на Рафферти и Коффмана.

– Джек, что с тобой? Что ты делаешь? Я думал...

– Я знаю, что делаю, – сердито, но не повышая голоса ответил Рафферти, не забыв прикрыть рукой микрофон. – Оставь, наконец, меня в покое. Я знаю, что делаю!

– Я думал, ты сошлешься на пятую поправку. Я думал, как все говорили... что... как...

– Меня не интересует, что ты думал и что говорят все. Я поступаю, как нахожу нужным.

– Черт возьми, но почему ты не предупредил меня? Почему не...

– Если бы я собирался сослаться на пятую поправку, не было бы никакой надобности говорить тебе об этом. Больше того, не было бы никакой надобности прибегать к твоим услугам, я мог бы прийти сюда с Макнамарой, или с Леви, или с кем-нибудь другим. Но я не собирался ссылаться на пятую поправку и пригласил тебя, поскольку мне требовался мой собственный...

– Но ты был обязан предупредить меня. Я бы мог подготовить...

– А я и не хотел, чтобы ты что-то готовил. Я не хотел, чтобы кто-то готовился, – ни ты, ни члены комиссии. Вообще никто. Сейчас же садись и успокойся. Слушай и молчи. Нужно будет, я обращусь к тебе. Не сомневаюсь, что, пока все это не кончится, мне не раз придется обращаться к тебе.

Коффман, не переставая изумляться, пожал плечами.

– Вот удивится Сэм Фарроу! – только и мог сказать он.

– Возможно, – согласился Рафферти и мрачно улыбнулся. Затем он повернулся к комиссии и обнаружил, что сенатор Феллоуз смотрит на него. Заметив, что Рафферти готов выступить, Феллоуз вновь постучал молотком.

– Господин председатель, господа члены комиссии, – тихо, но внятно начал Рафферти, не поднимаясь со стула. – Я хочу сказать несколько слов.

Рафферти замолчал и медленно обвел взглядом членов комиссии. Внимание всех присутствующих и миллионов телезрителей было целиком сосредоточено на нем.

– В течение двадцати с лишним лет, с тех пор, как я начал работать на бойне в Лос-Анджелесе штат Калифорния, я состою членом профессионального союза. Большую часть этого времени я был либо профорганизатором, либо занимал тот или иной пост в профсоюзе. Уже тринадцать лет я занимаю пост председателя семьсот второго лос-анджелесского комитета профсоюза транспортных рабочих. Когда меня впервые избрали на эту должность, у нас насчитывалось около четырехсот членов, касса союза была пуста. А сегодня... – он сделал паузу, посмотрел в объективы телекамер и продолжал: – сегодня наш семьсот второй комитет объединяет более двенадцати тысяч человек, и в кассе у нас около миллиона двухсот тысяч долларов. Наша система культурно-бытового обслуживания и пенсионного обеспечения членов профсоюза одна из лучших не только в стране, но и во всем мире.

Рафферти снова умолк, но не ради эффекта, а для того, чтобы слушатели лучше поняли смысл его слов.

– Уже двадцать четыре года я борюсь за права рабочих. Я воевал и воюю с коммунистами – и в рабочем движении, и вне его; я борюсь с несправедливыми и нечестными хозяевами.

Лично у меня нет состояния, живу я в одном и том же доме из шести комнат, который мы с женой купили семнадцать лет назад и до сих пор не выплатили за него всех денег. Жена не держит прислугу и сама стирает наше белье и белье наших троих детей. У нас есть «бьюик», который мы купили уже подержанным.

В полиции имеется досье на меня. Как-то в течение одних только суток меня арестовывали столько раз, что я сбился со счета: в тот день я принимал участие в пикетировании одной из фирм в Стоктоне штат Калифорния, нам пришлось то и дело схватываться с гангстерами, которых наняли хозяева. Меня судили и приговаривали к наказанию за пикетирование, за драку, за оскорбления, за незаконное ношения оружия и по многим другим статьям, – все это явилось следствием моей деятельности в качестве профсоюзного работника. Меня неоднократно избивали нанятые фирмами бандиты, полицейские сломали мне нос, я часто подвергаюсь нападениям и выслушиваю угрозы. В мою машину бросали бомбы, и я просто не в состоянии перечислить, из каких городов и сколько раз меня высылали.

Всю свою жизнь я посвятил борьбе за интересы рабочих и не перестану бороться, пока живу и дышу.

Рафферти остановился и налил стакан воды из графина, но пить не стал. В зале по-прежнему царил глубокое молчание.

– Я не добивался разрешения прийти сюда, на заседание комиссии, – меня вызвали повесткой, предупреждавшей, что явка обязательна. Я не одобряю деятельности вашей комиссии и тактики ваших следователей при допросе свидетелей. Как функционер профсоюза транспортных рабочих я автоматически считаю членом Американской федерации труда. Федерация официально осудила отказ профсоюзных деятелей от дачи показаний на основании прав, предоставляемых пятой поправкой к конституции. Я голосовал против такого решения и до сих пор с ним не согласен. Я твердо считаю, что конституционные гарантии, выработанные нашими предками, должны полностью распространяться на всех граждан нашей страны, чем бы они ни занимались в частной жизни.

Несколько свидетелей, которых комиссия вызвала за последние недели, сослались на первую или пятую поправки и отказались давать показания. Несмотря на решение федерации труда, я лично считаю, что они имели на то полное право. Если я найду, что ответ на тот или иной вопрос, заданный кем-нибудь из членов комиссии, может меня скомпрометировать или послужить впоследствии основанием для привлечения к судебной ответственности, я тоже откажусь давать показания, сославшись на первую или пятую поправку к конституции США.

Впрочем, заканчивая свое выступление, должен сказать, что нет таких вопросов, отвечая на которые я мог бы себя скомпрометировать. Я пришел сюда вопреки своему желанию, глубоко убежденный, что ваша комиссия занимается совершенно не тем, чем следует. Однако я готов дать показания и откровенно ответить на все вопросы; я ни минуты не сомневаюсь, что мне нечего скрывать сейчас и не придется ничего скрывать в дальнейшем. Будь что будет. Спасибо за внимание, господа.

Филипп Хант поджал тонкие, бескровные губы и ядовитым голосом, таким же бесцветным, как тщательно протертые очки на его хрящеватом носу, повторил:

– Будь что будет!

Он отвернулся от огромного, во всю стену, окна с тяжелыми бархатными порттьерами. И эти порттьеры, и толстый ковер на полу, и вообще вся обстановка комнаты стоили больших денег и свидетельствовали о хорошем вкусе, но, очевидно, не самого хозяина, а дизайнера, специалиста по интерьеру. Комната находилась в здании – тоже очень дорогое.

Сэм Фарроу, задумав в свое время перебазировать исполнительный комитет своего профсоюза (уже много лет профессиональный союз транспортных рабочих рассматривали как **его** профсоюз), решил, что самым подходящим местом будет столица страны. А здание, где расположился комитет, стало в известной мере памятником стоимостью в три миллиона долларов, который Фарроу воздвиг самому себе и которым гордился так, словно собственноручно его построил.

Секретарь-казначей исполнительного комитета профсоюза Филипп Хант нервно снял воображаемую ниточку с рукава темного старомодного костюма, сшитого на заказ, и сел на стоявший перед кушеткой стул.

– Да, будь что будет, – еще раз повторил он. – Уж не сошел ли Рафферти с ума? Разве он...

Сэм Фарроу поднял старческую, изуродованную ревматизмом руку. Когда-то она была тяжелой, как окорок, и крепкой, как сталь.

– Хватит, Филипп, – сказал он. – Я сам все слышал.

– Нет, он совсем обалдел! Ты что-нибудь знал об этом, Сэм?

– Мальчик, вероятно, понимает, что делает, – ответил Фарроу, морща лоб и поглядывая на Ханта. – Джек не сделает ничего, что могло бы повредить...

– Сэм, но ты же слышал! Он собирается отвечать на вопросы, хотя тебе и другим советовал совсем другое. Что он вообще намерен сделать? Разрушить все?

– Успокойся, Филипп. Я знаю Джека лучше, чем родного сына. Он мне ближе собственного парня. Восемнадцать лет... – Сэм помолчал, вспоминая прошлое. – Может, ему и следовало бы предупредить нас, но он, наверное, не хотел причинять мне новых неприятностей. И все же я уверен, что Джек поступает наилучшим, с его точки зрения, образом. А раз так он считает, значит, это и в самом деле лучший выход из положения.

– Лучший для кого, Сэм? Для Джека Рафферти?

Фарроу раздраженно передернул плечами, и в глазах у него вспыхнул прежний злой огонек.

– Все, что хорошо для Рафферти, хорошо для нашего союза и хорошо для меня. Я не разрешаю тебе говорить плохо о мальчике.

– Сэм! – Хант беспомощно пожал плечами. – Но сам-то ты отказался давать показания и отвечать на вопросы – или ты забыл об этом? Ты забыл, что сослался на пятую поправку? Забыл о неприятностях, которые переживаем сейчас все мы, в том числе и ты сам?

– Ничего я не забыл, – ответил Фарроу, но его голос, некогда мощный и звучный, прозвучал еле слышно. Это был голос глубокого старика, безнадежно утомленного жизнью. – Помолчи, дай послушать. И задерни шторы, я не вижу, что происходит на экране.

Хант встал и тщательно задернул драпировки на огромном окне.

«Да, – подумал он, – Сэм проиграл. Проиграл решительно и бесповоротно. И это всемогущий Сэм Фарроу, в течение полувека слывший одним из самых авторитетных и уважаемых профсоюзных лидеров, боец, почти не знавший поражений».

Впервые обвинение было предъявлено ему месяцев шесть назад, но и эти обвинения и все последующие неприятности не очень его огорчали. Осложнения с налоговыми органами,

обвинение в заимствовании денег из кассы профсоюза без залога и выплаты процентов, фиктивные сделки, связанные с покупкой недвижимого имущества – все это пахло весьма дурно, но не тревожило Сэма Фарроу. Не слишком волновался он и в тот день, когда из миллионера превратился в обыкновенного, не очень обеспеченного человека. Нет, самые тяжелые переживания начались у Сэма Фарроу после того, как соответствующие органы заинтересовались его попытками увильнуть от уплаты подоходного налога и отношение к нему в правительственных кругах резко изменилось.

До этого старина Сэм твердо верил, что пост в кабинете министров ему обеспечен. Черт побери, разве он не связан личной дружбой с президентом, разве у него нет столько закадычных дружков среди сенаторов и конгрессменов? Разве он не уникал своего рода? Один из старейших профессиональных деятелей рабочего движения, один из его организаторов, он в то же время был близким человеком у боссов.

Еще год назад – нет, меньше года – ни у кого не возникало ни малейших сомнений, да и сам Фарроу ни на минуту не сомневался, что именно он станет очередным министром труда, и это достойно увенчает его поразительную карьеру – карьеру бедного, малограмотного рабочего, когда-то слывшего радикалом даже в «Индустриальных рабочих мира»¹, а позже совершившего трудное восхождение на самый верх.

Да, подобных сомнений ни у кого не возникало. Чего стоили, например, обеды, которые он устраивал для лидеров обеих политических партий страны? А предсказания «Уолл-стрит джорнэл», ежедневных газет и всех этих комментаторов, чья осведомленность, как предполагалось, распространяется на все и всех? И вот буквально накануне того, как должно было появиться официальное объявление о назначении, когда, казалось, уже ничего не могло произойти, всплыла эта история с мошенничеством при уплате подоходного налога.

Правительство делает ошибки, порой очень серьезные, но никогда не рискнет подать руку помощи тому, кто попал в беду. Назначение не состоялось, и Сэм, еще год назад один из наиболее известных в стране людей, превратился в разочарованного, уставшего жить старика. А почти рядом, в трех кварталах отсюда, перед Объединенной следственной комиссией конгресса давал показания Джек Рафферти, лично выбранный Сэмом в качестве своего преемника, его наследный принц, человек, значивший для него больше родного сына.

Хант никогда не питал особых симпатий к Рафферти, но, оставаясь наедине со своими мыслями, честно признавался самому себе, что дело тут, видимо, в обыкновенной зависти. В том, что получилось с ним, нельзя винить только Рафферти или Фарроу. Однако именно Фарроу сообщил ему, какое положение он, Хант, занимает и чего стоит. Хант прекрасно помнил разговор, состоявшийся всего лишь три-четыре месяца назад.

Они обедали вдвоем в ресторане гостиницы «Уолдорф» в Нью-Йорке. За обедом Фарроу сообщил о своем намерении уйти в отставку.

– С меня довольно, Филипп, – сказал он. – Все эти неприятности, расследования и прочее... Самочувствие – хуже некуда. Я не намерен выставлять свою кандидатуру на съезде нынче осенью, когда мы будем переизбирать президента.

– Не намерен? – пробормотал Хант.

– Да, Филипп, не намерен. Чувствую, что постарел, мне не вытянуть еще один срок. Когда-то же надо уходить, как уходит каждый из нас. Неприятно, что говорить, но...

Две мысли почти одновременно мелькнули в голове у Ханта: что Сэм будет получать солидную пенсию – ни много ни мало пятьдесят тысяч долларов в год, и что он не испытывает особого сожаления в связи с уходом Сэма. Кстати, он знал, что Сэм Фарроу принял такое решение не совсем по своей воле. Руководители АФТ явно разочаровались в нем и оказывали на него определенное давление, добиваясь его ухода.

– Возникает естественный вопрос о моем преемнике, – продолжал Фарроу. – Ты, конечно, понимаешь, что с моим мнением не могут не считаться.

Так вот оно что! У Ханта перехватило дыхание, он быстро взглянул на Фарроу. Вот почему Сэм пригласил его на обед и завел такой сугубо доверительный разговор! Что ж, вполне

¹ Прогрессивная рабочая организация.

логично. Почему бы ему и не стать президентом профсоюза? Он уже теперь секретарь-казначей исполнительного комитета, работает в союзе много лет, один из старейших его функционеров. Вот Сэм и пожелал вознаградить его за все эти годы трудной, но добросовестной работы.

– Нам нужна молодежь, Филипп. Я слишком стар... – Фарроу помолчал, рассеянно водя вилкой по столу. – Я стар, – продолжал он, – как стар и Феллоуз из регионального комитета Среднего Запада, формально считающийся моим преемником. Более того, у него сейчас масса неприятностей в штате, его без конца таскают по всяким следственным комиссиям.

– Ну, есть еще Мессини из Чикаго, – заметил Хант, прекрасно осведомленный, что Фарроу терпеть его не может.

– Мессини? Этот макаронник?! Пока мое слово что-нибудь значит – ни за что на свете! Или ты забыл, как он возражал против моей кандидатуры на последних выборах? Нет, нет, я имею в виду совсем не Мессини. Я хочу рекомендовать того, кто всегда был со мной рядом. Пожалуй, подошел бы Хеннесси из северо-западного регионального комитета, но он недавно слег со вторым инфарктом и теперь вообще не сможет работать.

Хант глубокомысленно кивнул. Ему не терпелось, чтобы этот старый мерзавец перестал играть с ним в кошки-мышки и прямо сказал, что выбрал его. Хант понимал, какой пост ему передается, и заранее испытывал признательность.

– Нет, нет, – снова заговорил Фарроу, – я имею в виду не этих двоих, а... По-моему, вот кто самый подходящий человек: Рафферти.

Хант почувствовал себя так, будто его ударили кулаком в лоб. Бледный, потрясенный, он еле удержался, чтобы не вскочить и не плюнуть в гнусную физиономию отвратительного старика. Был момент, когда он мог бы с наслаждением схватить его за глотку и задушить.

Хант хотел бы что-нибудь сказать, он понимал, что должен как-то реагировать, но не мог выжать из себя ни слова и лишь беспомощно смотрел на Сэма.

Фарроу не обращал на него внимания.

– Да, Джек Рафферти, – повторил Фарроу. – По-моему, этот мальчик...

– Рафферти? – хрипло переспросил Хант.

Сэм бросил на него быстрый взгляд.

– Да, Джек Рафферти из Лос-Анджелеса. Я считаю, что...

Он замолчал, только теперь заметив, с каким выражением смотрит на него Хант.

– Так вот оно что! – повторил он и, протянув руку, погладил Ханта по плечу. – Пожалуй, я догадываюсь, о чем ты думаешь, Филипп. Да, да, пожалуй, я знаю. Тебя интересует, почему не ты?

Хант молчал, опасаясь, что у него сорвется голос, если он заговорит.

– Если бы избрание нового президента зависело только от меня, я, безусловно, предпочел бы тебя всем другим. Ты понимаешь? Тебя.

– Так в чем же дело?

– Филипп, ты старый и опытный работник и должен смотреть на вещи здраво. Мы давно работаем вместе, я знаю твою компетентность и лояльность. Никаких сомнений на этот счет у меня никогда не было и нет. Но ты служащий, интеллигент, и всегда им был. Ты начал работать у нас бухгалтером, не водил грузовую машину, не работал грузчиком, сторожем, крановщиком. Ты всегда оставался служащим, интеллигентом. Ты никого и ничего не организовывал, ни разу в жизни не участвовал в пикетировании... – Хант собирался что-то сказать, но Фарроу жестом остановил его. – Знаю, знаю, ты всегда работал, как лошадь, и никогда не забывал об интересах союза. Но для рабочих, то есть для основной массы членов нашего союза, ты всего лишь самый обычный служащий. Хороший, ценный работник – с этим все согласны – но служащий. Рабочим ты никогда не будешь.

– Но функционер профессионального союза в наши дни... – заговорил было Хант, однако Фарроу вновь его остановил.

– Будет тебе! Знаю я этих нынешних профсоюзных «деятелей»! Многие из них вполне сошли бы за президентов правлений фирм, таких, например, как «Дженерал моторс». Разве я вот не миллионер? Разве самые близкие мои друзья не так называемые капиталисты? Но и я не

родился богатым. Посмотри на мои руки. Это руки рабочего. И когда члены нашего профсоюза будут избирать своего президента, они проголосуют только за рабочего или за человека, про которого думают, что он рабочий.

– Но Рафферти...

– Рафферти был чернорабочим, когда я впервые его встретил. Он сидел в тюрьмах, его били и пинали. Именно таких людей имеют в виду, когда говорят о «героях пикетов». И члены нашего профсоюза, будь они прокляты, знают об этом. Они так же верят парням вроде Джека Рафферти, как верят мне.

– А я и не знал, что президента союза избирают сами члены союза, – с нескрываемым презрением и иронией заметил Хант.

Сэм Фарроу несколько разочарованно взглянул на собеседника.

– Но они же голосуют... или хотя бы выбирают делегатов, которые голосуют.

– ...и которыми ты полностью распоряжаешься.

– Верно, многими из них я распоряжаюсь и буду распоряжаться, пока не добьюсь, чтобы вместо меня избрали того, кого я хочу. Кстати, голосами некоторых делегатов распоряжается Рафферти, голосами других – Мессини; у каждого руководителя местного отделения союза и у каждого председателя регионального комитета на съезде будут свои люди. А у тебя, Филипп? Сколько в твоём распоряжении голосов?

– Я функционер центрального аппарата, – растерянно ответил Хант. – От меня нельзя ожидать...

Фарроу похлопал Ханта по плечу.

– Прекрасно понимаю, Филипп, как ты себя чувствуешь, и ни в чем не виню. Слышишь? Ни в чем. Позволь задать тебе вопрос. Ты не хуже меня знаешь наш союз. Ответь мне честно: неужели ты искренне веришь, что тебя могут выбрать, даже если я безоговорочно поддерживаю твою кандидатуру?

Хант мог не задумываться над ответом, он прекрасно понимал, что старик прав, никаких шансов добиться избрания у него нет.

– Видишь ли... ты, очевидно, прав, но почему именно Рафферти? Не слишком ли он молод? А потом, ты же знаешь, как на него навалились все эти комиссии, как его таскают на допросы.

– Знаю и потому хочу видеть его своим преемником. Он боец. Боец, побеждающий в схватках.

– Это верно. Но с какими людьми он общается! Вот, например, Фаричетти – бывший контрабандист, вымогатель, гангстер, осужденный за убийство.

– Перестань, Филипп! Меня не интересует, с кем он общается. Неужели ты думаешь, что можно в белых перчатках нести пикетирование и драться со штрейкбрехерами, хулиганами и полицейскими, которых нанимают хозяева? Неужели ты думаешь, что белоручка в состоянии организовать отделение профсоюза вопреки сопротивлению штрейкбрехеров и профессиональных убийц? Каким образом мы, по-твоему, вовлекли в наш профсоюз свыше миллиона новых членов? Уж не думаешь ли ты, что нам и палец о палец не пришлось ударить после того, как Рузвельт однажды сказал: «Пусть существуют профессиональные союзы»? Нет, дорогой, в драка с мерзавцем, намеревающимся стукнуть тебя по башке дубинкой, судебные повестки и брошюры не помогут. Защищаться нужно тоже дубинкой.

– Я понимаю, Сэм, но мне казалось, что из-за всей этой отвратительной шумихи...

– Шумиха вокруг Рафферти как раз и показывает, что он настоящий боец и как много он сделал для рабочих. Пусть уж лучше Фаричетти и ему подобные работают на нас, а не на хозяев. Ясное дело, этого никогда не поймут разные святоши и благодетели, пытающиеся просвещать нас; этого не поймет банда паршивых социалистов и реформаторов. Но ты-то должен понять! Во всяком случае, члены нашего союза понимают меня. Именно потому-то они всегда поддерживали меня, а теперь будут поддерживать Рафферти. Никто не может отрицать, что Рафферти всегда ставил на первое место интересы членов нашего союза.

Глава четвертая

Джордж Моррис Эймс, тридцатишестилетний главный юрисконсульт следственной комиссии, прежде чем приступить к допросу, еще раз просмотрел лежавшие перед ним заметки. Обладатель приятного, хорошо поставленного голоса, он говорил с чуть заметным бостонским акцентом.

– Мистер Рафферти, а что вы скажете относительно фирмы «М–Д уэрхауз дисберсмент компани инкорпорейтед»? – Эймс старательно выделил каждое слово в названии фирмы, явно давая понять, что он имеет в виду какую-то аферу. – Относительно фирмы, в которой, по вашим же словам, ваша супруга выступает под девичьей фамилией и владеет семьюдесятью пятью процентами акций. Пользуется ли эта фирма трудовыми услугами членов профсоюза?

– Этого я не знаю.

– Позвольте, позвольте, мистер Рафферти! Фирма ведь принадлежит вашей жене...

– Моей жене принадлежит семьдесят пять процентов акций фирмы, но...

– Я спрашиваю, мистер Рафферти, использует ли труд членов профсоюза фирма, принадлежащая вашей жене и жене заместителя председателя семьсот второго лос-анджелесского комитета профсоюза транспортных рабочих Питера Геннона, которые выступают в качестве совладельцев под своими девичьими фамилиями?

– Я уже ответил, – спокойно сказал Рафферти, не сводя взгляда с Эймса.

– Не хотите ли вы сказать, что вам неизвестно...

– Да, именно это я и хочу сказать.

– В таком случае, мистер Рафферти, кто может ответить на мой вопрос? Может быть, миссис Рафферти?

– Миссис Рафферти лишь владеет акциями. Она не имеет никакого представления о фирме и о том, чем эта фирма занимается. Там, полагаю, должен быть управляющий.

– Управляющий есть. Некий. Стивен Деэни. Вы знаете мистера Деэни?

– Знаю.

– И кто же этот мистер Деэни?

– Брат моей жены.

– Правильно, – кивнул Эймс. – Мне это тоже известно. Скажите, мистер Рафферти, вас как функционера профсоюза интересует тот факт, что служащие и рабочие мистера Деэни не состоят в профсоюзе? Иначе говорят, принадлежащая вашей жене и жене одного из ваших заместителей фирма, управляемая мистером Деэни, является единственной в округе фирмой, деятельности которой не препятствует ваш профсоюз, хотя ее рабочие и служащие в нем не состоят.

– Это вопрос?

– Да.

– Тогда отвечаю: этот факт меня очень интересует.

– И вам хотелось бы, чтобы в «М–Д, компани» работали члены профсоюза?

– Мне хотелось бы, чтобы во всех фирмах работали только члены профсоюза.

– Вы согласны, что, поскольку эта фирма уклоняется от приема на работу членов профсоюза, ее следует рассматривать как штрейкбрехерскую?

– Безусловно и безоговорочно.

– Мистер Рафферти, но как же получается, что вы, профсоюзный функционер, не приняли мер, чтобы фирма вашей жены применяла труд членов профсоюза?

– «М–Д компани» находится в городе Сиэтле штат Вашингтон, то есть вне территории, на которую распространяются функции возглавляемого мною комитета профсоюза транспортных рабочих. Профсоюзные организации Сиэтла нам не подчиняются и в мою компетенцию не входят.

– Да? Понимаю, понимаю, – натянуто улыбнулся Эймс. – Следовательно, мы должны сделать вывод, что вас не интересует происходящее в...

– Этого я не сказал, мистер Эймс, я лишь пояснил, что моя юрисдикция не распространяется на Сиэтл. Меня интересует любой населенный пункт – поселок, деревня, город, где имеются или должны иметься местные филиалы нашего профсоюза. – Рафферти

отпил глоток воды из стакана и удобнее уселся на стуле. По его губам скользнула чуть заметная довольная усмешка, однако его лицо тут же приняло невозмутимое выражение.

Эймс принялся перебирать бумага, пока не нашел нужного документа.

– Вы можете назвать сумму дохода «М–Д компании» за прошлый финансовый год?

– Вы имеете в виду сумму оборота или только сумму чистой прибыли? – спросил Рафферти, снисходительно поглядывая на Эймса.

– Чистую прибыль, – терпеливо разъяснил Эймс.

– Нет, не могу.

– А приблизительно?

Рафферти взглянул на потолок.

– Видите ли... – нерешительно начал он, – видите ли, мне не хочется заниматься догадками, но я должен заметить, что фирма получила некоторую прибыль.

– И это все, что вы можете сказать? – удивился Эймс.

– Да, все.

– Скажите, мистер Рафферти, ваша супруга вам доверяет?

Вопрос явно озадачил Рафферти, он начал медленно краснеть; Морт Коффман наклонился к нему и, прикрыв рот рукой, что-то шепнул. Рафферти кивнул, и Коффман, повернувшись к Эймсу, уже собрался было заговорить, но Эймс его опередил.

– Я снимаю свой предыдущий вопрос, – объявил он и заглянул в документ, который держал в руке. – Мистер Рафферти, в процессе расследования мы проверили бухгалтерские книги «М–Д компании» и установили, что чистый доход фирмы за прошлый год после уплаты всех налогов составил пятьдесят шесть тысяч долларов. Доходы фирмы за последние пять лет, опять-таки после уплаты всех налогов, достигли свыше двухсот тысяч долларов. Скажите, мистер Рафферти, вас удивляют эти цифры?

– Ничуть.

– Вы помните, какую сумму уплатила миссис Рафферти, или мисс Марта Деэни, за акции «М–Д компании» пять лет назад, когда фирма еще называлась «Вест коуст просессинг компании»?

– Нет, не помню.

– А чем она расплачивалась за купленные акции?

– Чем расплачивалась?

– Да. Чеком, переводным векселем, наличными или как-нибудь еще?

– Не помню.

– Да? Так вот, по данным бухгалтерии, миссис Рафферти приобрела семьдесят пять процентов всех акций фирмы и уплатила за них шесть тысяч долларов. Иначе говоря, на свое капиталовложение в шесть тысяч долларов она в течение пяти лет получила чистый доход в сто пятьдесят тысяч долларов. Вас это удивляет, мистер Рафферти?

– Что вы! Радует, – улыбнулся Рафферти.

– Еще бы! Ну, а теперь я хотел бы спросить, знакома ли вам фирма под названием «Континентал харвестер компании»?

– Да.

– Имеет ли профсоюз транспортных рабочих договор с «Континентал харвестер компании»?

– Имеет.

– Вы помните, когда был заключен договор?

Рафферти ответил не сразу.

– Видите ли, точных дат я назвать не могу, однако полагаю, что этот наш договор, как и большинство других, представляет собой соглашение, заключенное на двухлетний срок и, вероятно, периодически возобновляемое.

– Позвольте, мистер Рафферти, перефразировать вопрос. Я пытаюсь выяснить, когда впервые был заключен договор между вашим профсоюзом, представляющим семь тысяч рабочих и служащих «Континентал харвестер компании», и фирмой.

Рафферти медленно покачал головой и облизал губы.

– Насколько я помню, договор действует уже несколько лет. Вероятно, лет пять или шесть.

– А кто вел переговоры о его заключении?

- Комиссия, представляющая...
- Вы были членом комиссии, мистер Рафферти?
- Был.
- Точнее говоря, председателем?
- По-моему, да.
- Кто еще входил в состав комиссии?

– Ну, так сразу я сказать не могу, но буду рад навести справки в наших архивах.

– Возможно, я смогу избавить вас от этого. Комиссия состояла из трех членов: вас, Питера Геннона и Джеймса А. Фармера. Мистер Геннон – муж Джинни Геннон, а сама она под своей девичьей фамилией владеет остальными двадцатью пятью процентами акций «М–Д компани». Не поможет ли вам моя информация припомнить кое-что?

– Вы правы.

– Так вот, мистер Рафферти. – Эймс бросил на стол бумагу. – Так вот. А теперь скажите, в каких отношениях находятся «Континентал харвестер компани» и «М–Д компани»?

Если кто-то и рассчитывал, что этот вопрос удивит Рафферти, его ждало разочарование. Ни секунды не колеблясь, Рафферти ответил:

– «М–Д компани» работает по договору для «Континентал», выполняя, по-моему, те самые функции, для которых она и создана, то есть заключение передоверенных контрактов на перевозку и доставку...

– Совершенно верно, – прервал Эймс. – И не является ли договор между «М–Д компани» и «Континентал» единственным договором на выполнение таких работ? Другими словами: помимо договора с «Континентал», есть ли у «М–Д компани» какие-нибудь другие договоры?

– Не знаю.

– А вы знаете, сколько раз перезаключался договор между профсоюзом транспортных рабочих и «Континентал»?

– Я не уверен, но, кажется, раза два-три.

Эймс заглянул в свои заметки.

– Три раза. Вы припоминаете какие-нибудь трудности, возникавшие при перезаключении договора с «Континентал»?

– Ничего конкретного не припоминаю. Мне приходится вести переговоры с разными фирмами о заключении и перезаключении договоров раз сто... нет, раз пятьдесят в год.

– Очевидно, я опять смогу вам помочь. Всякий раз, когда возникала необходимость, основной договор перезаключался с «Континентал» без всяких изменений и дополнений. А в других случаях бывает так же, мистер Рафферти?

– Бывает. Если рабочие получают все, что должны получить, если нет жалоб, а условия, часы работы и ставки...

Эймс поднял руку, пытаясь остановить лавину слов.

– Вы говорите – бывает. И все же трудно себе представить, чтобы профсоюз при перезаключении договора не добивался новых привилегий для своих членов. Ну, а сейчас...

Эймс умолк, заметив, что сенатор Феллоуз подает ему какие-то знаки.

– Конгрессмен Эллисон хочет задать вопрос свидетелю, – объявил Феллоуз. – Слово имеет конгрессмен Харви Эллисон.

– Я хотел бы уточнить это обстоятельство, – звучным, как на сцене театра, голосом заговорил Эллисон. Он сдвинул очки на лоб, наклонился вперед и уперся локтями в стол. – Вы заявляете, что, выступая в качестве представителя профсоюза, вели переговоры о перезаключении трудового договора между принадлежащей вам фирмой и «Континентал харвестер компани»?

Сенатор Феллоуз с нескрываемым раздражением взглянул на Эллисона: «Вот и поработай в этих комиссиях, созданных совместно сенатом и палатой представителей, будь они прокляты! И от своих сенаторов неприятностей хоть отбавляй, а тут еще возись с конгрессменами. Правда, и среди них попадаются интеллигентные люди, но Эллисон... – Феллоуз пожал плечами. – Да и чего ждать от таких, как он? Ну не позор ли, что он не потрудился заранее ознакомиться с материалами или хотя бы внимательно выслушать показания свидетелей? Уж тогда бы он не задавал подобных вопросов».

От Феллоуза не укрылось, что Эймс что-то прошептал Эллисону.

– Я категорически заявляю, что не выступал...

Эллисон кивнул Эймсу и прервал Рафферти.

– Я хочу задать вопрос несколько иначе. Вы говорите, что вели переговоры о перезаключении трудового договора между служащими и рабочими – членами вашего профсоюза, с одной стороны, и «Континентал» – с другой, будучи в то же время владельцем фирмы, имевшей монопольный договор на выполнение работ для «Континентал». Я правильно вас понял?

– Не я владелец фирмы, заключившей договор с «Континентал».

Эллисон, казалось, встал в тупик, но тут же на его лице появилось раздражение, и он решительно сдвинул очки на нос.

– Хорошо, хорошо, я имею в виду фирму, принадлежащую вашей жене.

– Это вопрос?

– Да.

– Что ж, в таком случае я отвечаю: да.

– Неужели вы, мистер Рафферти, полагаете, что можете честно и добросовестно представлять членов своего профсоюза, если принадлежащая вам... я хочу сказать, принадлежащая вашей жене фирма производит деловые операции и получает доход в результате наличия договора с фирмой, которую вы, как представитель союза...

Конгрессмен почувствовал, что запутался, и смутился, однако его выручил Рафферти.

– Да, безусловно, – заявил он. – Одно не мешает другому, между тем и другим нет ничего общего.

– Позвольте, позвольте, мистер Рафферти, – продолжал настаивать Эллисон, понимая, что находится в самом центре внимания, и не желая терять ни секунды драгоценного времени. – Вы профсоюзный функционер или бизнесмен? Я полагаю, что...

– Я одновременно и профсоюзный работник и бизнесмен. Функционер профсоюза, не разбирающийся во всех тонкостях деятельности фирм и предприятий, не в состоянии вести переговоры с бизнесменами. Поймите меня правильно: во всем, что связано с «М–Д компани», я не могу считать себя бизнесменом, поскольку не я владею и не я руковожу фирмой. Но я не питаю вражды к бизнесменам и отношусь к ним с пониманием. Как деятель профдвижения, наделенный трезвым взглядом на вещи и ставящий превыше всего благополучие членов своего союза, я считаю, что хозяева и рабочие должны понимать друг друга и объединять свои усилия во имя блага и процветания нашей великой страны.

– Благодарю вас, мистер Рафферти! – воскликнул Эллисон.

Сенатор Феллоуз постучал молотком.

– Продолжайте, – обратился он к Эймсу.

«Ну и кретин же этот Эллисон! – снова подумал он. – За несколько минут ухитрился свести на нет все, чего нам удалось добиться. Только и забот – покрасоваться перед телекамерами для саморекламы. А Рафферти пользуется этим и произносит пламенные пропагандистские речи в собственное оправдание... Эллисона так и распирает от самодовольства! Думает, наверное, что внес неоценимый вклад в расследование...»

– Ну, а теперь, – заявил Эймс, – я хотел бы просить о приобщении к делу некоторых документов.

Заметив, что Феллоуз снова подает ему какие-то знаки, он наклонился к сенатору, выслушал его и кивнул.

Феллоуз поднялся и постучал молотком.

– Уже первый час. Комиссия объявляет перерыв на ленч. Свидетелю надлежит вернуться сюда к часу сорока пяти, после чего мы продолжим заседание.

Феллоуз повернулся, намереваясь уйти, и тут только заметил, что от двери к столу пробирается Хартуэлл Эрли, сенатор от промышленного штата на северо-западе страны. Изнеможенное, усталое лицо сенатора выражало недоумение. Эрли был раздражен тем, что не пришел к началу допроса Рафферти и, по-видимому, не слышал сделанного минуту назад объявления о том, что заседание комиссии откладывается до второй половины дня.

Глава пятая

Джейк Медоу понимал, что Рафферти постарается уклониться от встречи с журналистами, и потому сразу же, как только объявили перерыв, решил поймать Морта Коффмана и побеседовать с ним. Представитель «Ассошиэтед пресс» Минтон направился прямо к сенатору Феллоузу. Шерман из газеты «Стар» поспешил встретиться с Эймсом – они вместе учились в Гарвардском университете, и он надеялся получить от него подробную закулисную информацию о происходящем.

Мэри Элен Хеншоу не нашла нужным тратить время на членов комиссии или на других главных участников событий и помчалась прямо к Джил Харт. Радиослушателей мисс Хеншоу не интересовали всякие там политические и экономические аспекты расследования – им нужны были чисто пикантные детали из жизни тех, кого допрашивала комиссия.

Один только Карл Хэзлит из «Таймс» даже не попытался побеседовать с кем-либо из участников заседания. После объявления перерыва он немедленно отправился в «Университетский клуб», где еще несколько дней назад договорился о встрече с Филиппом Хантом.

Принимая, хотя и не очень охотно, приглашение на ленч, Хант выдвинул условие: «Вы должны обещать, что никому не сообщите о нашей встрече, не станете рассматривать нашу беседу как интервью и сохраните в тайне ее содержание. Надеюсь, вы понимаете, что другим функционерам нашего союза вовсе не обязательно знать о моих встречах с представителями прессы...»

Хэзлит прекрасно все понял. «Таймс», как и другие главные газеты страны, резко критиковала Сэма Фарроу за отказ давать показания и требовала его устранения с профсоюзной работы. Будучи более консервативной, чем остальные газеты, «Таймс» открыто не называла Фарроу вором, но откровенно на это намекала. Как и другие профсоюзные функционеры, подвергшиеся резкой критике, Фарроу враждебно относился к журналистам. Вот почему Хэзлит предложил встретиться за ленчем в «Университетском клубе». Он был уверен, что здесь они не встретят ни журналистов, ни кого-нибудь из друзей или знакомых Ханта.

Хэзлит распорядился подать виски и для начала завязал разговор на самые общие темы. Заметив, что Хант размышляет над меню, он порекомендовал бараньи отбивные, и его гость с удовольствием предоставил ему возможность заказать обед для обоих. За едой ни один из них не упоминал о заседаниях комиссии, и только за кофе журналист перешел к делу.

– Вы давно знаете Джека Рафферти, – начал он, не то утверждая, не то спрашивая.

– Ну вот, начинается, – Хант бросил на него быстрый взгляд и чуть заметно улыбнулся.

– Пожалуй, да. – Хэзлит тоже улыбнулся. – Буду откровенен. Я бы хотел поговорить о Рафферти – точнее, мне хотелось бы послушать ваше мнение о нем. Я...

– Мистер Хэзлит, – мягко перебил Хант, – прежде всего, давайте условимся еще раз: Джек Рафферти такой же функционер профсоюза транспортных рабочих, как и я, и, следовательно, мы с ним коллеги. Надеюсь, вы не ожидаете, что я начну рассказывать вам...

Хэзлит изобразил на лице возмущение и протестующе поднял руку.

– Прошу вас! – воскликнул он. – Я тоже хочу внести ясность. Я не собираюсь выуживать у вас секреты, не ищу скандальных историй, меня не интересует ни закулисная сторона работы вашего союза, ни материалы, компрометирующие Рафферти. Меня интересует его биография: откуда он, из какой семьи, когда и почему начал участвовать в рабочем движении, что собой представлял двадцать лет назад. Я бы хотел знать, чем он руководствуется в своей деятельности, и потому мне важно понять, каким он был в молодости.

Хант смешно наморщил лоб, отчего на его худом, аскетическом лице появилось почти лукавое выражение.

– Чем он руководствуется?! – переспросил он. – Мистер Хэзлит, вы даже не понимаете, какой вопрос задаете. Многие, включая и меня самого, хотели бы это знать. Я думаю, что и сам Рафферти этого не знает.

– Понимаю, – кивнул журналист. – И все же можно сделать кое-какие выводы, если располагать некоторыми основными данными. Поэтому-то я и пытаюсь собрать как можно больше фактов. Ну, а что, если мы начнем с самого начала? Где и когда вы впервые встретились

с Рафферти? Это было после его вступления в союз?

На лице Ханта появилось новое выражение, и журналист умолк. Молчание длилось довольно долго. Не желая нарушать размышлений гостя, Хэзлит жестом подозвал официанта, показал на пустые чашки и знаком заказал еще кофе для обоих.

– Насколько я припоминаю, – мягко, с легкой грустью о прошлом заговорил наконец Хант, – впервые мы встретились с ним в конце тридцатых годов, когда президентом был Рузвельт. Сэм и я приехали в Лос-Анджелес, где только что возник филиал нашего союза. Приехали мы туда не по какой-то особой причине, а для обычной проверки. Я уже забыл, кто в это время руководил филиалом, но хорошо помню нашу встречу с Рафферти. И вы знаете... – Хант умолк, взглянул на свои пальцы и, словно вспомнив что-то, продолжал: – ...Вы знаете, как это ни странно, но сейчас мне кажется, что тогда, двадцать лет назад, Рафферти выглядел точно так же, как сейчас. Только, конечно, моложе. А так... То же решительное выражение лица, та же приятная внешность. Красивым его никто бы не назвал. Однако и тогда, как и сейчас, у него было умное, живое лицо, и он был наделен способностью вызывать к себе симпатию.

Хэзлит молча кивнул.

– Во всяком случае, при нашей первой встрече не произошло ничего такого, что могло бы остаться в памяти. Он был членом вновь созданной местной организации нашего союза и много сделал для расширения ее рядов. Уже тогда, припоминаю, Рафферти пользовался репутацией непримиримого и решительного бойца, хорошо зарекомендовавшего себя в пикетировании. В то время он занимал какую-то незначительную выборную должность в профсоюзе, собирався уволиться с предприятия и полностью перейти на профсоюзную работу. Сэм Фарроу тогда же заметил, что вот такие люди и нужны союзу.

Мне почти ничего не известно о юности Рафферти и о его семье. По-моему, его родители умерли, когда он был еще ребенком, и он вырос в католическом приюте для сирот в одном из западных штатов. Рафферти считается католиком, хотя вряд ли его можно назвать верующим. Во всяком случае, он называет себя католиком, дети его посещают католические богослужения, и женился он на католичке.

– Этого я не знал.

– Да, да, на дочке старика Джеймса Дезни – атеиста, еретика и анархиста в молодости. Как-нибудь я расскажу вам о нем подробнее. Это был интереснейший человек. Ну, например, несмотря на свои еретические заблуждения, он воспитал дочь Марту доброй католичкой. Однако вернемся к нашей теме. Вы должны помнить одно обстоятельство. Сейчас многие верят, что, поскольку во времена Рузвельта правительство проводило либеральную политику, профсоюзы делали все, что заблагорассудится. Но в действительности дело обстояло не совсем так. Предприниматели ожесточеннее, чем когда-либо раньше, сопротивлялись созданию профорганизаций у себя на предприятиях. Это были очень трудные времена, когда дело не ограничивалось сидячими забастовками, когда приходилось вести ожесточенные, подчас кровопролитные схватки с гангстерами, нанятыми предпринимателями. Это был разгар депрессии, и многочисленные безработные брались за любую работу и за любую плату. Да, правительство благосклонно относилось к профсоюзам и к рабочему движению, но суровая правда заключалась в том, что люди весьма неохотно вступали в союз. Работы было очень мало, а безработных очень много.

Так обстояли дела. В те дни в наших профсоюзах можно было встретить кого угодно: старых социалистов, активистов из «Индустриальных рабочих мира», профессиональных революционеров вроде Большого Билла Хейвуда, Тома Муни – людей, безгранично преданных своим идеалам, если хотите – фанатиков, посвятивших жизнь борьбе за рабочее дело. Джек Рафферти не принадлежал к числу таких людей. Сомневаюсь, знал ли он в то время, кто такой Юджин Дебс², не говоря уже о Карле Марксе.

Нет, Джек Рафферти никогда не был ни радикалом, ни идеалистом-мечтателем, ни гнилым интеллигентом. Он не только не имел ничего общего с коммунистами, но всегда и всюду

2 Дебс – 1855–1926. Президент Американской федерации профсоюзов и кандидат в президенты США от социалистической партии.

активно боролся против них.

Официант подал свежий кофе, и Хэзлит спросил у Ханта, не выпьет ли он рюмку коньяку.

Хант с сожалением покачал головой.

– С удовольствием бы, но... коньяк вызывает у меня изжогу.

Он медленно мешал ложечкой в чашке; Хэзлит терпеливо ждал, не желая его торопить.

– За последние годы, – снова заговорил Хант, – Рафферти не раз обвиняли в том, что он очень близок с гангстерами, бывшими контрабандистами, профессиональными шантажистами и вымогателями и прочими подонками, проникшими в наши профсоюзы. Так это или не так – решайте сами. Могу только сказать, что когда я познакомился с Рафферти, он не был вымогателем. По-моему, самую правильную характеристику в те дни дал Рафферти Сэм Фарроу. Он сказал, что Рафферти – это преданный своему делу профсоюзный функционер, для которого работа в профсоюзном движении стала смыслом жизни.

Уже тогда он доказал, что обладает всем необходимым, чтобы стать крупным деятелем организованного рабочего движения, и он им стал. Разрешите пояснить. Если бы Джек Рафферти происходил из обычной мелкобуржуазной семьи и получил соответствующее образование, он, вероятно, сделал бы неплохую карьеру на государственной службе. Если бы ему удалось получить техническое образование и стать ну, скажем, инженером, он поступил бы в какую-нибудь крупную фирму и тоже, безусловно, преуспел.

Однако Рафферти остался сиротой, никакого технического или гуманитарного образования не получил и с самого раннего детства жил своим трудом. Он начал чернорабочим, потом получил какую-то квалификацию, но мастером так и не стал, а сделался профсоюзным организатором. Отнюдь не потому, что у него болело сердце за угнетенных пролетариев и вовсе не во имя каких-то возвышенных целей. Нет, отнюдь нет; он избрал этот путь, руководствуясь самой прозаической причиной: стремлением к обеспеченной жизни. Вот тут он и обрел крылья.

Если мне не изменяет память, к участию в профсоюзном движении его привлек старик Деэни. Деталей сейчас не помню – не то он снимал у Деэни комнату, не то что-то еще. Как бы то ни было, вскоре о Рафферти заговорили. Насколько я помню, еще до того, как местная профсоюзная организация присоединилась к нашему союзу, он организовал забастовку восьми или десяти рабочих бойни. Следует отдать ему должное – время он выбрал удачное: на бойню как раз должна была прибыть новая партия скота, и администрация, как бы она того ни хотела, не могла остановить работу. Тогда Рафферти получал всего три доллара в день. По слухам, он подговорил небольшую группу рабочих, и они прекратили работу. Администрации не оставалось ничего другого, как удовлетворить их требования. Кстати, в те же дни удалось заставить владельцев боен принимать на работу только членов профсоюза, чего никогда раньше не бывало. Потом эта группа стала филиалом профсоюза транспортных рабочих, и Рафферти избрал чем-то вроде ее секретаря.

Хант снова замолчал и поднес к губам чашку с кофе, но обнаружил, что она пуста.

– А знаете что? – сказал он. – Пожалуй, я все же отважусь выпить рюмку коньяку, только без кофе.

Хэзлит подозвал официанта и заказал коньяк для Ханта и ликер для себя.

– Рафферти начал быстро выдвигаться уже вскоре после того, как перешел на платную работу в профсоюз. Обратите внимание на следующий факт: на прежней работе, до перехода в профсоюз, он получал более высокое жалованье – иными словами, Рафферти пошел на определенную жертву. А потом о нем заговорили как о «бесстрашном борце». В те дни хозяева решали свои споры с рабочими не в белых перчатках, а с помощью наемных бандитов, хулиганов и профессиональных штрейкбрехеров, которые либо подкупали профработников, либо компрометировали, либо избивали и калечили. Рафферти же невозможно было подкупить. Мне кажется, вот таким неподкупным он и остался, что бы о нем ни говорили в связи с последними скандалами. Во всяком случае, в то время он был неподкупен и мужественно боролся и с хозяевами, и с их лакеями. Помню, как только Рафферти попадал в тюрьму или как только суд накладывал на него штраф, в профсоюз начинали стихийно поступать средства с требованиями внести за него залог или уплатить штраф. Я уже говорил, что тогда он был последовательным и решительным бойцом, люди уважали и любили его. Вот так же они относятся к нему и сейчас. Что бы ни показало расследование, рядовые члены союза останутся

о Рафферти самого высокого мнения.

Его известность продолжала расти. Сэм Фарроу, уже занимавший к тому времени важный пост в центральном руководстве всеамериканского союза, всегда проявлял большой интерес к работе местных организаций. Его интерес объяснялся двумя причинами. Он стремился укрепить наш союз и добивался, чтобы ключевые позиции в нем занимали надежные люди. Вы конечно, знакомы с механикой нашей закулисной политики: местные профсоюзные организации избирают делегатов на всеамериканский съезд, съезд избирает должностных лиц исполнительного комитета и так далее. Прошло немного времени, и Рафферти стал крупной фигурой в рабочем движении на Западном побережье, начал, что называется, разворачиваться.

К этому времени он стал другом, или, скорее, протеже, Сэма Фарроу. Рафферти мыслил точно так же, как Сэм. Свою работу в профсоюзе он рассматривал как бизнес и стремился к тому, чтобы бизнес приносил прибыль. А для этого, рассуждал он, нужно обеспечить членам профсоюза определенные преимущества: более высокую зарплату, страхование, лечение, пособия по безработице, пенсии, сократить продолжительность рабочего дня. Социализм его не интересовал, он не проповедовал теорий вроде «передачи трудящимся средств производства». Он добивался лишь увеличения доходов для рабочего и, надо отдать ему справедливость, раньше рабочего соображал, когда и какую прибыль получит предприниматель. Поэтому-то, став крупным профработником, он старался поддерживать с хозяевами хорошие отношения.

Если это не удавалось, Рафферти боролся, а боролся он все время: то с хозяевами, то с фракциями внутри своей организации, с радикалами, с мечтателями, с коммунистами, с другими профсоюзами – с кем и с чем угодно. При всем том Рафферти никогда не забывал основной цели – стать крупным, если не самым крупным, и влиятельным деятелем профдвижения в стране. Это, если хотите, человек, целиком захваченный идеей сделать успешную карьеру на профсоюзной работе. Не удивительно, что Рафферти не останавливался перед некоторыми ну, скажем, странными поступками, например знакомством и даже дружбой с отдельными сомнительными личностями – его связи сейчас расследуются.

Хэзлит зашевелился и украдкой взглянул на часы; его интересовало все то, о чем рассказывал Хант, но он опасался опоздать на заседание комиссии.

– Да, – заметил он, – вот вы говорите, что многие поступки Рафферти кажутся странными. Объясните мне одно обстоятельство. По вашим словам, Рафферти был вынужден так поступать как профсоюзный лидер, защищающий интересы рабочих, – ему волей-неволей приходилось поддерживать тесные связи с некоторыми лицами, идти на определенные сделки... ну, вы понимаете, о чем я говорю. Но возьмите себя. Вы всю жизнь работаете в профсоюзном движении, и эта жизнь – я вовсе не хочу вас обидеть – значительно длиннее жизни Рафферти. Вы секретарь-казначей исполнительного комитета всеамериканского профсоюза. И все же, судя по вашей биографии, вы никогда не совершали ничего подобного, не вступали в контакты с сомнительными лицами.

Хант взглянул на журналиста с чуть заметной усмешкой и кивнул.

– А знаете, – сказал он, – как раз сегодня утром я думал об одном разговоре с Сэмом Фарроу. Он сказал мне то же самое – правда, в несколько иной форме и совсем по иному поводу.

Между Рафферти и мной нет ничего общего. Рафферти действительно делает карьеру и сделает ее, если, конечно, благополучно выкарабкается из последнего переплета. Совершенно верно, я функционер профсоюза, но суть вопроса состоит в том, что я не имею в нем почти никакого влияния. Я занимаю в профсоюзе примерно такое же положение, как наш бухгалтер или юрисконсульт, поскольку выполняю, по существу, чисто техническую, канцелярскую работу. Никто не жаждет занять мое место, да оно и понятно: получаю я всего пятнадцать тысяч долларов в год, работы уйма, а известности и влияния моя должность не дает. К формированию политики я отношения не имею, к участию в делах «внутренней организации», осуществляющей подлинную власть, не допущен. Пожалуй, вы могли бы назвать меня своего рода высокооплачиваемым клерком. Во всяком случае так, видимо, думает обо мне Сэм Фарроу.

В голосе Ханта прозвучала обида, и Хэзлит быстро взглянул на него.

– Многие считают Фарроу человеком жадным на деньги, – заметил он. – Говорят, его состояние уже сейчас оценивается миллиона в два. Вы не думаете, что...

– Я не намерен разговаривать о Сэме Фарроу, – резко ответил Хант и тут же улыбнулся, чтобы смягчить резкость; было совершенно ясно, что он ни при каких обстоятельствах не станет обсуждать поведение своего шефа.

– Я только хотел спросить, – продолжал Хэзлит, – не думаете ли вы, что в этом отношении есть что-то общее между Рафферти и Фарроу. Короче говоря...

– Могу сказать одно, – перебил Хант. – Рафферти начал свою жизнь бедняком – он вышел из бедной семьи и никогда ничего не имел. Сомневаюсь, получал ли он в начале своей карьеры в профсоюзе больше семидесяти пяти долларов в неделю. В процессе последних расследований никто не обвинял его в вымогательстве или в воровстве. Только сегодня утром он сообщил, что по-прежнему живет в том же самом скромном доме и что...

– Да, но его дети учатся в дорогих частных школах.

– Ну, это легко объяснить. По крайней мере в последние годы Рафферти почти все время находился на виду у публики, поскольку был объектом нападок и атак, и не только в печати, а в прямом смысле слова. В его дом дважды бросали бомбы, под капот его машины подложили взрывчатку. Не сомневаюсь, что его дети обучаются в частных школах по одной простой причине: он хочет оградить их от злословия и сплетен, которые они выслушивали бы от других детей, если бы учились в обычных школах. Не забывайте, фамилия Рафферти сейчас стала олицетворением всего дурного.

– А в частных школах дети избавлены от этого?

– Его дети – девочка лет пятнадцати-шестнадцати и мальчики-близнецы, старше ее на год-два, – учатся в школах на Восточном побережье. Маловероятно, чтобы там их высмеивали и травили. На месте Рафферти я поступил бы точно так же.

Хэзлит кивнул.

– Понимаю. Но почему же, будучи, как утверждают, человеком со средствами, получая высокое жалованье и располагая крупными суммами на представительские расходы, Рафферти все же продолжает жить...

– Вы не учитываете одного обстоятельства. Продолжая жить все в том же дешевом доме, в одном и том же районе города, Рафферти отождествляет себя с рядовыми членами профсоюза, голосующими за него на выборах. Одна из отличительных особенностей Рафферти как раз в том и состоит, что профсоюзная масса считает его «своим». Он и сейчас еще, если представляется подходящий случай, принимает участие в пикетировании. Если у Рафферти есть какие-то личные средства (а так ли это, мог бы сказать только сам Рафферти), он не хвастается этим и не транжирит деньги.

Журналист снова кивнул и достал сигарету.

– Ну, а как относительно слухов о молодых женщинах, хористках и подобных им? Что собой представляет миссис Рафферти?

Хант недовольно покачал головой и с некоторым разочарованием посмотрел на Хэзлита.

– Мы ведь договорились не копаться в грязном белье, – заметил он. – Я и так, кажется, наговорил лишнего, чего мне совершенно не следовало бы знать, а тем более рассказывать. Не ждите, что я буду строить всякие догадки о частной жизни Рафферти. Насколько я знаю, миссис Рафферти простая и скромная женщина, хорошая домохозяйка и прекрасная мать. По-моему, она на год или около того старше Рафферти. Говорят, брак оказался удачным. Миссис Рафферти не такой человек, чтобы совать нос в дела мужа. Я встречался с ней раза два-три, не больше, но могу сказать вот что. Несмотря на все сплетни о частной жизни Рафферти, никто не скажет, что он плохой муж, плохой отец и плохой семьянин.

Теперь и Хант взглянул на часы.

– Да, время бежит. Что-то я разговорился. Мне надо идти, да и вам, пожалуй, пора возвращаться на заседание.

Хант поднялся и отодвинул стул.

– Я получил большое удовольствие, – сказал Хэзлит. – Разумеется, разговор останется между нами. Спасибо, что не пожалели для меня времени.

– Не стоит благодарности. Я с удовольствием пообедал.

Хэзлит наклонился над столом, подписал поданный официантом счет, добавил чаевые и проводил Ханта к выходу из зала.

– Мистер Хант, – обратился к нему Хэзлит. – На прощание мне хотелось бы задать вам последний вопрос. Даю слово, я сейчас же забуду ваш ответ. Мне хотелось бы знать: что вы сами как человека, а не как функционер профсоюза и его коллега, думаете о Джеке Рафферти?

Филипп Хант некоторое время молча смотрел на Хэзлита; его неподвижное лицо ничего не выражало.

– Что я думаю о нем? – тихо переспросил он.

– Да. Что вы думаете о нем?

Хант кивнул; его лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

– Думаю, что Рафферти отъявленный, закоренелый мерзавец. Могу добавить, что, по-моему, лишь один-единственный человек на всем свете способен это доказать: сам Джек Рафферти.

Даже не улыбнувшись, Хант повернулся и быстро ушел.

Глава шестая

Марта Рафферти сидела перед телевизором, словно замороженная лицом и голосом мужа, спокойно отвечавшим на бесчисленные вопросы. Она не обратила внимания на Энн, когда та встала и вышла из гостиной, хлопнув дверью так, что вздрогнул весь дом. Марта была целиком поглощена тем, что развертывалось перед нею на экране телевизора – этого чуда электроники. Однако даже подобное чудо, если бы она попыталась понять его, не поставило бы ее в такой тупик, как тот потрясающий факт, что ее муж исчерпывающе и не задумываясь отвечает на многочисленные вопросы совершенно чужого человека.

Марта подумала, что за все последние пятнадцать лет муж не ответил на столько вопросов, как за одно это утро. Вероятно, мелькнула у нее мысль, сама-то она применяла неправильный метод.

Ее муж был очень замкнут и терпеть не мог, когда к нему обращались с вопросами. «Не расспрашивай! Если я и отвечу, ты все равно ничего не поймешь, только больше запутаешься». Лишь богу известно, как не хотелось ей запутываться еще больше, она и так запуталась с этим своим замужеством – к чему же осложнять жизнь?..

Она снова перевела взгляд на экран телевизора и обнаружила, что заседание закончилось или объявлен перерыв. Появился комментатор и стал излагать содержание утренних показаний.

Марта выключила телевизор, опустилась в старое кресло с поломанными пружинами и задумалась.

Марта Рафферти была неглупой женщиной, и все же она не поняла смысла вопросов и ответов. Правда, она удивилась, когда услышала, что является владелицей пакета акций фирмы, о существовании которой узнала только сейчас. Не меньше удивилась она, узнав, что ее брат Стив (Марта всегда считала его шалопаем, большим поклонником спиртного и тотализатора, хотя и то и другое было ему не по карману) состоит управляющим этой фирмы.

И вместе с тем эти факты не очень ее заинтересовали. Да, она удивилась, но и только. И тут же решила, что речь идет об одной из тех комбинаций и сделок, которыми Джек постоянно занимался, заставляя ее подписывать разные бумаги.

«Ничего особенного, – обычно говорил он. – Нужна лишь твоя подпись. Не читай, не трать понапрасну время».

Марта понимала, что поскольку Джек занимает определенное положение в профсоюзе, ему порой удобнее прикрываться ее именем. Она никогда не проявляла любопытства, полагая, что Джек знает, что делает.

Однако тот факт, что «ее» фирма заработала около четверти миллиона долларов, заинтересовал Марту, и теперь она размышляла, где же могут быть эти деньги.

Она обвела взглядом комнату, посмотрела на потрепанный ковер, на старомодную мебель, от которой так и разило дешевой мещанской солидностью, и подумала, с какой пользой можно было бы израсходовать хотя бы часть этих денег.

Надо ли удивляться, что Эдди ни разу не пригласил свою невесту к ним домой? Он учился на втором курсе колледжа в Дартмуте и был помолвлен с очень хорошенькой девушкой из Бостона. Кэрол Уилсон, дочь адвоката, училась на первом курсе Рэдклифского университета.

Марта еще не встречалась с Кэрол, хотя Эдди дружил с ней уже больше года. Марта не раз предлагала сыну пригласить девушку, но Эдди только отмалчивался, и хотя он не говорил этого прямо, мать знала, что ему стыдно и за их маленький домишко, и за район, в котором они живут.

Нельзя сказать, что Эдди не мог вести соответствующий образ жизни, что ему не хватало денег. Только в этом году, точнее говоря, к рождеству, Джек подарил ему новый «форд». Джек постоянно заботился о том, чтобы его дети были хорошо одеты и не стеснялись в расходах. А вот переехать в другой дом не хотел.

По совести говоря, Марту это вполне устраивало. Она была довольна своим домом, а что касается Джека... Ну, если он проводил в семье примерно один день в неделю, это было уже хорошо.

Да, да, дом ее устраивал. Она жила в нем почти с самого замужества и не рвалась переехать в новый. Дети большую часть времени проводили в пансионатах, обзавелись хорошими друзьями и бывали у них в гостях. Раньше она как-то не задумывалась над этим и только сейчас вспомнила, что дети ни разу не пригласили друзей к себе в дом. Она решила сказать об этом Джеку, как только он вернется... А вот, говоря о Джеке, надо прямо признать, что и ее он никогда не стеснял в расходах, особенно за последние годы, когда с деньгами у них вообще стало значительно легче. Не всегда они так жили.

Боже, как летит время! Кажется, только вчера они с Джеком поженились и устраивали свое гнездо. Марта улыбнулась, вспомнив первую встречу и знакомство с Джеком Рафферти.

Очень многие считали старину Джеймса Деэни эксцентричным человеком, если не просто сумасшедшим, но никто не назвал бы его плохим отцом, хотя жилось ему нелегко. Жена Деэни умерла лет тридцати с небольшим, оставив ему двоих детей. Несмотря на ужасающую бедность и разные неприятности, в которые он вечно ухитрялся попадать, семья кое-как перебивалась. Хороший рабочий, формовщик по специальности, Деэни не мог подолгу удерживаться на одном месте. Не окончив даже начальной школы, он страстно любил читать и постоянно что-то изучал. В ранней молодости он порвал с религией и стал тем, кого в те времена называли радикалом и свободомыслящим. Всю свою жизнь он был бунтарем и отступником, однако в личной жизни отличался скромностью, пил мало, был по натуре человеком мягким и добрым. Он ненавидел религию («опиум для народа»), ненавидел хозяев («кровопийцы с Уолл-стрита»), не верил политическим деятелям разных партий («последнее прибежище мерзавцев»), он любил таких же горемык, как сам. Особенно он любил своих детей и выбивался из сил, стараясь облегчить им жизнь.

Будучи безбожником, Деэни, как ни странно, послал Марту в монастырскую школу, а сына Стивена – в церковноприходскую. Он, вероятно, поступил так в память о покойной жене, которую тоже любил, хотя по-своему – буйно и нелепо, – и которая всю жизнь была ревностной католичкой.

Марта пробыла в школе года четыре, а потом вернулась домой вести хозяйство. Брат Марты, старше ее года на три, поступил на службу в военно-морской флот и благодаря этому избежал колонии для несовершеннолетних преступников, куда, несомненно, вскоре угодил бы, если бы полицейский, который вел его дело, не оказался человеком мягким и понимающим. Невзрачный домишко Деэни находился всего в трех кварталах от того места, где Джек Рафферти и Марта позднее приобрели свой теперешний дом.

Деэни любил поговорить. Во второй половине субботы он приходил на Перпшинг-сквер, собирал вокруг себя слушателей и принимался разглагольствовать. Он участвовал в пикетировании только для того, чтобы оказать моральную помощь всем, кто против чего-то или против кого-то бастовал. По этой причине ему часто приходилось потом выпутываться из всяких неприятностей. Впрочем, он не верил, что можно добиться чего-нибудь драками и кровопролитием, и поэтому его ни разу не арестовывали по серьезному обвинению. Деэни часто приводил домой самых странных людей, своих случайных знакомых. Он находил их везде – на скамейках в парках, в дешевых пивных, в пикетах. Пьяницы, бродяги, обездоленные и опустившиеся люди... Он приводил их домой, чтобы накормить, дать выспаться и, если они не возражали, для длинных споров и разговоров, хотя, по совести говоря, ораторствовал главным образом он сам.

Марта быстро привыкла к таким порядкам и, хотя не проявляла особого энтузиазма, когда отец приводил бездомных, терпела их и даже была с ними вежлива. Она лишь требовала, чтобы они не безобразничали и убирали после себя ванную. Иногда они помогали ей мыть посуду или делали что-нибудь по дому. Вообще же она обычно отклоняла такие предложения и, оставаясь одна, с удовольствием занималась своим делом.

Немногие обращали на нее внимание. Она была самой обычной девушкой – не безобразной, но и не красивой, одевалась просто, без вкуса и шика. Однако в восемнадцать лет любая девушка, если она не совсем уродлива, наделена известной привлекательностью, что относилось и к Марте, обладавшей изящной фигуркой, чистой кожей и голубыми глазами. Если дружки Деэни, все эти бродяги и обездоленные, не замечали ее, виновата в этом была не столько Марта, сколько сами эти люди. Они давно уже перестали интересоваться и женщинами и всем остальным, кроме еды и крова на ночь. Но если бы кто-нибудь из них вдруг решился осквернить гостеприимный дом Деэни (предположение невероятное, ибо все уважали доброго старика), вряд ли это выразилось бы в сколько-нибудь откровенной форме. Одного равнодушия Марты оказалось бы достаточно, чтобы охладить самую горячую голову. К тому же девушка вовсе не обладала той роковой красотой, которая, как утверждают, толкает мужчин на безумные поступки. Вот так и получилось, что Деэни и его странные гости большую часть времени сидели, попивая кофе и разговаривая на самые различные темы: о Роберте Ингерсоле³, о гражданской войне в Испании, о философии индуизма, о положении на фондовых биржах, а Марта читала (в те годы ей безумно нравились сердцеприщипательные романы) или шила себе платье, даже не прислушиваясь к беседе. Отца она обожала, считала его умницей, но в то же время находила, что он говорит много чепухи.

Джеймс Деэни привел Джека Рафферти в их маленький домик в районе Хантингтон-парка вечером в тот самый день, когда Марте исполнилось двадцать лет. Этого вечера она никогда не забудет, и не потому, что тогда встретилась с человеком, которому суждено было вскоре стать ее мужем.

Едва выглянув из окна и увидев, что около дома останавливается такси, Марта сразу поняла, что произошло что-то плохое. Вообще-то Марта в тот день часто подбегала к окну. Отец обещал вернуться пораньше (он опять остался без работы, но каждое утро отправлялся в город якобы в поисках места, а на самом деле для встречи с друзьями). Марта знала, что он собирается взять в сберкассе некоторую сумму из их скудных накоплений и купить ей, имениннице, какой-нибудь подарок; она даже приготовила специальный ужин по такому торжественному случаю.

Деэни жили в районе, где появление одного из местных обитателей на такси служило признаком чего-то необычного: либо глава семьи напился пьяным, либо пожаловали важные гости. Точно так же появление разносчика телеграмм могло означать здесь лишь одно: внезапную смерть какого-то родственника.

Таксист вышел и открыл заднюю дверцу. Из машины вылез незнакомый Марте стройный юноша без шляпы. Потом он и водитель помогли выбраться ее отцу. Лицо его было в крови, пятна крови виднелись на белой рубашке и брюках – отец был ранен.

Побледневшая и перепуганная Марта подбежала к двери. Юноша молча расплатился с таксистом, и тот сразу уехал. Отец взглянул на Марту ничего не видящими глазами, и Марта сообразила, что сейчас не время задавать вопросы. Она положила его руку себе на плечо, и вдвоем с юношей они привели отца в гостиную и уложили на кушетку.

– Вызовите врача, – распорядился молодой человек, – да поскорее. Вы же, наверное, знаете какого-нибудь врача здесь, поблизости.

Марта растерянно кивнула и выбежала из дома. Так она впервые получила от Джека Рафферти распоряжение и покорно, ничего не спрашивая, выполнила его.

После того как врач промыл и зашил рану на голове Деэни и дал ему снотворное, он занялся юношей, лицо которого тоже было перепачкано кровью. Кто-то ударом дубинки сломал ему нос. Ничего особенного врач не мог для него сделать, но кое-чем помог.

3 Ингерсол – 1833–1899. Адвокат и лектор, толкователь агностицизма.

Позже, когда Марта готовила на кухне кофе, молодой человек подошел к двери, остановился на пороге и принялся наблюдать за ней.

– Что произошло? – все еще не оправившись как следует, спросила девушка. – Где вы...

– Вы его дочь?

– Да, я его дочь.

– Он рассказывал, что у него есть дочь. Я Рафферти, Джон Кэрл Рафферти.

– Что произошло? – Марта повернулась к юноше и, не сводя с него глаз, повторила: – Что с ним случилось?

– Сначала была демонстрация, потом митинг безработных на площади. Ваш отец не принимал участия ни в том, ни в другом. Во время моего выступления появилась конная полиция, по спинам безработных загуляли дубинки. Двое полицейских загнали меня в угол и принялись колотить. На помощь мне бросился ваш отец. Кончилось это тем, что полицейские избили нас обоих.

Марта в упор смотрела на Рафферти, она видела в нем лишь человека, по вине которого пострадал ее отец.

– Демонстрации, демонстрации... – с ожесточением бросила она. – Мне казалось...

– Ничего, с ним все будет в порядке, – заверил ее Рафферти. – Так сказал доктор. Я, пожалуй, пойду.

– Можете поесть и выпить чашку кофе, если уж пришли. Все равно ужин испорчен. – Она пожала плечами, но ее злость прошла.

– Нет, не хочу. Большое спасибо, мэм, но...

– Меня зовут Мартой. Снимите пиджак – он у вас в крови, умойтесь и приведите себя в порядок. Доктор сказал, что вам нужно успокоиться, если вы не хотите, чтобы у вас снова началось кровотечение. Пойдите умойтесь, а я пока накрою стол.

– Ну что ж, есть так есть! – Рафферти улыбнулся, и Марта только теперь как следует его рассмотрела. Она обнаружила, что он очень молод (вероятно, моложе ее), что у него милые карие глаза и очень хорошие белые зубы, что его иссиня-черные волосы спускаются низко на лоб, что у него вовсе не смуглая кожа, как можно было ожидать, судя по цвету волос, а очень тонкая и очень белая, и румяные щеки.

Рафферти согласился поужинать, а позже Джеймс Деэни, присоединившийся к ним, чтобы съесть тарелку супа, уговорил его остаться переночевать. Тут же выяснилось, что Рафферти все равно негде провести ночь – как раз утром в этот день его выселили из меблированных комнат. Он не только переночевал, но и остался жить в комнате Стива, пустовавшей с тех пор, как брат Марты поступил на службу в военно-морской флот.

Дня через два Деэни устроился куда-то ночным сторожем, а неделю спустя Рафферти снова вернулся домой основательно избитым, с синяком под глазом и с выбитым зубом – он опять участвовал в какой-то демонстрации.

Марта была дома одна, когда пришел Рафферти. На этот раз она не застала знакомого врача, а другого Рафферти не разрешил ей позвать. Марте пришлось самой помочь ему раздеться, умыться и лечь в постель; она перевязала его и, сидя рядом, меняла согревающие компрессы на его распухшем лбу. Девушка немножко всплакнула, а позже, когда измученный юноша погрузился в глубокий сон, долго сидела у постели, разглядывая его и испытывая к нему безграничную нежность и любовь. Но была ли это любовь?

Раны Рафферти скоро зажили, и Марта быстро забыла о своих переживаниях в ту долгую, одинокую ночь. Через несколько дней он встал с постели, а еще через неделю устроился работать на бойню. Он остался жить у Деэни, теперь уже в качестве квартиранта и уносил на работу приготовленный Мартой завтрак.

Через четыре месяца они поженились. Вполне вероятно, что женитьба Джона Кэрла Рафферти на Марте Деэни была единственным крупным событием в его жизни (если не считать смерти родителей и пребывания в приюте), не предусмотренным замыслами, намерениями и планами. Собственно, и для Марты оно явилось в какой-то мере неожиданным.

Старина Джеймс Деэни уходил на свои ночные бдения в шесть тридцать вечера, проводил на дежурстве двенадцать часов и возвращался лишь на следующее утро. Таким образом, Марта и Рафферти все длинные вечера проводили вдвоем. Рафферти работал в дневной смене, но

смена начиналась рано утром, и поэтому к пяти он уже приходил домой. Девушка, ее отец и молодой квартирант ужинали, потом Деэни одевался и, поцеловав дочь, уходил на дежурство. Марта убирала со стола и мыла посуду.

Вскоре Рафферти стал ей помогать, вытирал тарелки, после чего шел гулять или читал в гостиной. Иногда они усаживались друг против друга за обеденный стол и играли в карты.

Все началось примерно через месяц после того, как Рафферти поселился у них.

Отец уже ушел на работу, Марта мыла посуду, а Рафферти ей помогал. За ужином они много шутили и сейчас чувствовали себя прекрасно. Получилось так, что Рафферти протянул руку за полотенцем, собираясь вытереть ножи и вилки, но Марта успела завладеть им первая.

– Уходите, – заявила она. – Сегодня я сама все сделаю.

Рафферти, посмеиваясь, продолжал тянуться за полотенцем, но Марта спрятала его за спину.

– Будет вам, – попросил он. – Отдайте!

– Попробуйте отобрать!

Рафферти, продолжая смеяться, попытался схватить полотенце, но девушка отскочила от него и обежала вокруг стола. Рафферти все же догнал ее, и они принялись барахтаться. Марта была высокого роста, нисколько не ниже Рафферти, но худенькая и изящная, и, конечно, не смогла с ним справиться. В конце концов ей все же удалось вырваться и, задыхаясь от смеха, с растрепавшимися волосами, она умчалась в гостиную.

Здесь юноша и поймал ее. Продолжая бороться, они упали на кушетку, и Марта вдруг затихла, молча и серьезно глядя на Рафферти. У него тоже пропало желание возиться. Он почувствовал сквозь тонкое платье теплоту ее тела, поднял голову и взглянул девушке в глаза. Губы Марты были полураскрыты, горячее лицо покрыто румянцем смущения. Повинуясь порыву, Рафферти склонился над Мартой и прижался губами к ее губам. Девушка обвила его руками и крепко прижала к себе...

Так продолжалось недели три-четыре. Однажды в четверг, часов в десять вечера, когда они, обнявшись, лежали в неосвещенной комнате на кушетке, домой неожиданно вернулся старик Деэни. (Он ушел с дежурства на собрание членов агностического общества, об этом узнали на работе, и его тут же уволили.)

Поднимаясь на крыльцо, Деэни обратил внимание на то, что дом погружен в темноту, и решил, что дети (так он мысленно называл Марту и юного Рафферти) легли спать или ушли в кино.

Он не слишком старался соблюдать тишину, – мягкий по натуре, Деэни и ходил легко, почти бесшумно. Он открыл своим ключом переднюю дверь, прошел по тонкому ковру в гостиную и включил свет. Рафферти и Марта оцепенели. Деэни взглянул на них и осторожно поставил пустую корзинку из-под завтрака на столик возле двери.

– Пойди-ка, Марта, в свою комнату, – не повышая голоса, предложил он.

Сгорая от стыда, Марта вскочила и убежала.

Рафферти сел на край кушетки, пытаясь незаметно, как ему казалось, привести себя в порядок.

Деэни снял кепку и бросил ее на стул. Взглянул на юношу, помолчал, потом спокойно заметил:

– Ну-с?

– Извините, мистер Деэни, – пробормотал смущенный Рафферти. Он всегда обращался так к старику, даже после женитьбы на Марте, вплоть до смерти тестя в конце сороковых годов. – Пожалуй, мне следует уйти.

Деэни сел.

– Ты хочешь уйти?

– Н... нет, – удивился Рафферти. – То есть...

– Ты что, собирався позабавиться с моей девочкой? – Голос Деэни внезапно зазвучал холодно и резко.

– Нет, нет! Что вы! Мы... я... мы, кажется, любим друг друга... – Рафферти вряд ли отдавал себе отчет в своих словах, но понимал, что не должен молчать.

– Что ж, в таком случае ладно, сынок. Я знаю, моя Марта не какая-то там шлюха. Она хорошая девушка, и всегда была хорошей – как ее мать, а лучшей женщины, чем ее мать, просто не бывает... Когда ваша свадьба?

Деэни спросил об этом ровным, тихим голосом, но его обычно мягкий взгляд был пронизательным и настороженным.

Вот так все и произошло. Свадьба состоялась месяца два спустя. С тех пор прошло более двадцати лет, у них уже трое детей, но Марта больше ни разу не испытывала такого влечения к мужу, как в те три-четыре недели, которые предшествовали их свадьбе.

Пронзительный, настойчивый звонок телефона заставил Марту вернуться к настоящему. Она пошевелилась, взглянула на часы на каминной доске и с ужасом обнаружила, что уже почти одиннадцать часов. Боже, она зря потратила целое утро, а ведь у нее миллион дел! Снова зазвонил телефон, и Марта вскочила, но, услышав, что в прихожую побежала Энн, пошла на кухню готовить ленч. Энн поговорила по телефону что-то слишком уж быстро, и Марта крикнула ей:

– Энн, кто звонил?

Девушка промолчала, и Марта сердито покачала головой. Убедившись, что дочери уже нет в прихожей, она подошла к лестнице на второй этаж и окликнула дочь, но Энн снова промолчала. Марта вздохнула и поднялась в ее комнату. Энн лежала на кровати, уставившись в потолок, и, казалось, не заметила появления матери.

– Что с тобой, девочка? Я же спрашивала тебя, кто звонил.

Энн перевела на мать взгляд больших голубых глаз.

– Бадд, – холодно ответила она.

– Бадд? Бадд Эббот? А я думала, ты с ним больше не встречаешься.

– У него новая машина, он собирается покататься и через полчаса заедет за мной.

Марта раздраженно всплеснула руками.

– Я не понимаю тебя! Совсем не понимаю. Ты же сама рассказывала, как он приставал к тебе и все такое... И после этого снова встречаться с ним?!

Энн рывком села на кровати и зло взглянула на мать.

– Тебе, наверное, хотелось бы, чтобы я встречалась с моими благородными друзьями, так? Вроде тех, кого я знаю по школе и у кого богатые родители?

– Что с тобой сегодня? – удивилась Марта. – Почему ты не можешь встречаться с...

– Я скажу тебе почему! – чуть не взвизгнула девушка. – Сейчас я тебе скажу! Потому что мне стыдно, вот почему! Мне стыдно и за район, в котором мы живем, и за этот жуткий дом. Мы могли бы и не жить здесь – я хорошо это знаю. Я слышала по телевидению, что сказал отец. И о фирме, которая принадлежит тебе, и о доходах, которые ты получаешь! А мы живем в этой помойной яме, в этой отвратительной развалюхе. Теперь меня не удивляет, почему отец почти никогда не бывает дома. Да я не удивлюсь, если он вообще перестанет у нас появляться.

– Энн, о чем ты говоришь, подумай! Какое отношение имеет дом к...

Энн поднялась и, с трудом сдерживая слезы, побежала в ванную, повторяя:

– Хорошо, хорошо, мама, забудь, что я сказала! Не обращай внимания! Через несколько минут зайдет Бадд, а я хочу переодеться и привести себя в порядок.

Девушка хлопнула дверью, и Марта услышала шум льющейся воды. Что, в самом деле, происходит с ее дочушкой? Откуда у нее такие настроения? А тут еще встреча с этим Эбботом, словно Энн не знает, что он за парень и как легко молоденькой девушке нажать с ним беду. Вот если бы узнал отец, что его дочка катается с таким парнем в новой машине...

На лестнице Марта вдруг остановилась. На память ей пришли слова Энн о том, что отец почти не бывает дома, об «отвратительной развалюхе», о деньгах, которые якобы зарабатывает ее, Марты, фирма, и обо всем остальном. Стоя посередине лестницы, Марта впервые серьезно задумалась над всем, что услышала сегодня утром во время телепередачи, когда Джек Рафферти отвечал на вопросы Объединенной следственной комиссии конгресса.

Глава седьмая

Уже семь раз подряд избиратели-республиканцы одного из штатов на Восточном побережье страны посылали в сенат Хэмилтона Тилдена. Высокий, плотный, со снежно-белыми волосами и здоровым цветом лица, шестидесятипятилетний сенатор являл собой традиционный тип консерватора-политикана, каким в действительности и был. Тилдену нравилось, когда в прессе его называли одним из последних представителей «старой гвардии», и гордился, если кто-нибудь добавлял к его имени: «республиканец типа Гувера». В комиссию его направили как одного из старейших по стажу членов сената, но он и сам хотел попасть в нее – еще до того, как понял, какие возможности для саморекламы тут заложены.

Сенатор враждебно относился к профдвижению и не скрывал этого. И не только потому, что, по его мнению (конечно, ошибочному), точно так же относились к профдвижению избиратели, которых он представлял, но и в силу своих убеждений. Сенатор соглашался, что рабочие нужны, что без них не обойдешься, однако с пеной у рта возражал против существования «всяких там профсоюзов», считая их такими же, хотя и видоизмененными, монополиями, как все те промышленные гиганты, которые в начале текущего столетия были поставлены под наблюдение правительства в соответствии с законом Уолша.

Несмотря на чванливость и склонность к пустопорожней болтовне, сенатора нельзя было назвать дураком. Наоборот, он обладал и умом и определенными взглядами, хотя вот уже лет двадцать не обновлял и не пополнял свой умственный багаж. Это не мешало ему, однако, оставаться политиком-реалистом, умеющим, когда нужно, пойти на компромисс.

В отличие от некоторых других членов комиссии Тилден тщательно ознакомился с материалами расследования, внимательно изучил результаты работы следователей, не раз подробно побеседовал с главным юрисконсультom. Он хорошо понимал, что трибуну комиссии можно с успехом использовать для резкой критики профсоюзов, всячески раздувая вопиющие злоупотребления профсоюзной верхушки. Впрочем, он понимал и другое: что, вообще-то говоря, это палка о двух концах, поскольку хозяева часто были виноваты в беспорядках не меньше, чем профсоюзное руководство.

Тилден не сомневался, что кое-кто из членов комиссии – особенно сенатор Эрли, сам некогда профсоюзный работник, – приложат все усилия, чтобы не позволить скомпрометировать профсоюзы в целом, и потому готовился любой ценой отстаивать интересы предпринимателей и директоров. Он считался с Эрли, даже, пожалуй, уважал его, несмотря на различие политических взглядов, но собирался всячески мешать ему и тем самым дать возможность Эймсу до конца использовать все без исключения добытые следователями материалы о злоупотреблениях и взяточничестве.

Бывая в Вашингтоне на сессиях в Капитолии, сенатор, когда позволяло время, завтракал в ресторане «Харви» – здесь для него всегда оставляли столик. Обычно он выпивал стаканчик крепкого виски, чуть разбавленного водой, и плотно закусывал, хотя потом частенько страдал желудком.

Однако в тот день сенатор ел совсем мало и вовсе не пил виски: он хотел избежать обычных последствий плотного завтрака и после перерыва обязательно присутствовать на заседании комиссии. Кроме того, он решил вернуться в зал заседаний пораньше и заблаговременно переговорить с председателем комиссии и Эймсом. Сенатор так и сделал, однако ему пришлось просидеть в одиночестве чуть не полчаса, пока в специально отведенной для них комнате не стали собираться члены комиссии.

К счастью, первыми пришли именно Эймс и Феллоуз, и ему удалось побеседовать с ними до возвращения других. Торопливо поздоровавшись, Тилден сразу же заговорил о том, что его интересовало больше всего.

– Какой неожиданный поворот событий! – заметил он. – Совершенно неожиданный.

– Да, да, – довольно равнодушно согласился Феллоуз.

– Меня Рафферти уже давно перестал удивлять, – с некоторым самодовольством заявил Эймс. По обыкновению Тилдену показалось, что главный юрисконсульт держится слишком уж надменно, но на этот раз он подавил чувство раздражения.

– Разумеется, – продолжал Тилден, – нам теперь придется пересмотреть нашу стратегию.

– Вовсе нет, сенатор, – возразил Эймс.

– Видите ли, мой мальчик... – Тилден с трудом заставил себя сохранять дружелюбный тон. – Видите ли, вы должны понять, что положение полностью меняется. Используя согласие Рафферти выступить с показаниями, мы можем получить ответы на многие из вопросов, на которые отказались отвечать предыдущие свидетели. В конце концов он первый профсоюзный деятель, изъявивший такое желание. Полагаю, мы должны пойти ему навстречу и сосредоточить наше внимание на конкретных фактах практической деятельности профсоюзов. Не все материалы, собранные вами с такой компетентностью, имеют в создавшейся ситуации существенное значение. Если я не ошибаюсь, их предполагали использовать лишь потому, что никто не ожидал согласия Рафферти отвечать на вопросы. По-моему, было бы напрасной тратой времени интересоваться, по крайней мере сейчас, его связями с различными бизнесменами и промышленниками. Поскольку Рафферти согласился давать показания, в нашу задачу входит выяснить все, к чему он имел самое непосредственное, самое прямое отношение.

– Мы так и намерены поступить, – подтвердил Эймс, – и, если не ошибаюсь, именно ради этого и создана наша комиссия. Я только не вижу причин, почему мы должны спускаться на тормозах...

– Сенатор Тилден, я убежден, вовсе не предлагает смазать какую-то фазу следствия, – перебил его Феллоуз. – Лично же я, – он повернулся к своему коллеге и слегка улыбнулся, – лично я склонен согласиться с Эймсом и считаю, что нам следует придерживаться уже выработанной стратегии. Согласие Рафферти отвечать на вопросы не дает нам оснований отказываться от нашего первоначального плана.

Сенатор Тилден покраснел и кашлянул.

– Я вовсе не предлагаю спускаться что-то на тормозах, – раздраженно заявил он. – Но нельзя же отрицать, что Рафферти всего навсего дешевый агитатор и мелкий жулик. Все, что он расскажет о своих отношениях с промышленниками и бизнесменами, будет продиктовано чувством предубеждения. Он профсоюзный деятель, и я предлагаю сосредоточить внимание на вопросах, касающихся только профсоюзных дел.

– Мы подробно займемся ими, – согласился Эймс. – Вместе с тем придется выяснить все, что касается отношений Рафферти с промышленниками и бизнесменами, и мы будем заниматься этим, как намечали ранее.

Сенатор Феллоуз, чувствуя назревающую ссору, жестом призвал Эймса к молчанию, повернулся к Тилдену и взял его за руку.

– Дорогой Хэмилтон, – сказал он. – Я знаю, вы полностью доверяете мне и как председателю комиссии, и как вашему старинному другу и коллеге и считаете меня объективным человеком. Так вот, как человек объективный я полагаю, что нам и дальше надо вести следствие в духе наших первоначальных наметок. Разумеется, мы займемся всеми сторонами деятельности Рафферти на посту профсоюзного лидера. Однако его согласие отвечать на наши вопросы не дает нам права игнорировать его деловые связи. Мы располагаем достаточно полными данными о тесных контактах Рафферти с некоторыми недобросовестными бизнесменами в целях...

– Да, да, – прервал его Тилден. – Не сомневаюсь, Орманд, что вы правильно и вполне объективно руководите работой комиссии. Я лишь предложил, учитывая внезапное решение Рафферти...

Сенатор раскашлялся и покраснел еще больше. Он понимал, что ровным счетом ничего не добился, но не хотел признаться в этом из-за Эймса – он считал его мальчишкой, выскочкой, правда, очень неглупым и обладающим всеми данными для блестящей карьеры. На какой-то миг Тилден даже обрадовался тому, что главный юрисконсульт комиссии выходец из Массачусетса и не имеет никакого отношения к его собственному избирательному округу. Сенатор знал, что сразу же после окончания расследования Эймс сделает следующий шаг и выдвинет свою кандидатуру на губернаторских либо на сенатских выборах. Несомненно, это будет грозный противник, и сенатор Тилден радовался, что ему не придется с ним столкнуться.

Но в ту минуту Тилден испытывал раздражение. Как только, решил сенатор, расследование свернет с намеченного пути (то есть как только обнаружится стремление замолчать факты обмана хозяев профсоюзами), он сейчас же вмешается.

К тому времени собрались остальные члены комиссии. Направляясь в зал заседаний, где, толкаясь, рассаживались публика и журналисты, Феллоуз подумал, что его коллега сенатор Тилден может внезапно скончаться: судя по слухам, он, несмотря на повышенное давление, по-прежнему остается великим тревоугодником.

Достаточно было только взглянуть на Джона Кэрола Рафферти, чтобы понять: ленч он провел превосходно. Удобно и свободно рассевшись на стуле, он не сводил с членов комиссии внимательного взгляда. Казалось, ничто на свете не могло повлиять на его безмятежное настроение. В действительности же Рафферти вообще пришлось отказаться от ленча – весь перерыв он разговаривал то с Нью-Йорком, то с Кливлендом, то с Чикаго, успел накоротке побеседовать с Сэмом Фарроу. Поджидая связи с Денвером, Рафферти обдумывал, не позвонить ли домой. История с «М–Д компани» несколько беспокоила его, он знал, что рано или поздно Марта о ней узнает. Все же он не стал звонить, решив, что сейчас разговаривать с женой бесполезно, лучше он объяснит ей все, когда вернется домой, в Лос-Анджелес. Сообщения в печати, даже если кто-нибудь специально обратит на них ее внимание, не выведут Марту из равновесия, она давно уже перестала интересоваться тем, что пишут о нем газеты. Рафферти и в голову не пришло, что Марта могла смотреть телепередачу и слушать его показания.

Сенатор Феллоуз постучал молотком; в зале наступила тишина. Из ложи прессы доносился шелест бумаг. Выждав несколько минут, сенатор протянул руку и взял папку, поданную Эймсом. Другой рукой он достал из нагрудного кармана очки в роговой оправе, небрежно надел их так, что они почти свешивались с его аристократического носа, медленно раскрыл папку и стал просматривать бумаги.

– Здесь у меня, – начал он, – собрано около двадцати чеков на суммы от пяти тысяч до двадцати тысяч пятисот долларов. Они выданы на банки Нью-Йорка, Сан-Франциско, Майами, Лос-Анджелеса и Денвера на имя Джона Кэрола Рафферти и подписаны Хэдном Босуортом. Они выдавались на протяжении трех минувших лет, причем последний из них выписан около девяти месяцев назад. Все чеки оприходованы. Теперь я вручаю их свидетелю для ознакомления.

Феллоуз передал папку клерку, клерк – Рафферти, и тот принялся тщательно рассматривать каждый чек в отдельности. Морт Коффман внимательно следил за ним. По всему было видно, что такой поворот дела явился для Рафферти неожиданностью, хотя сами чеки он знал хорошо. И все же он так долго рассматривал каждый клочок бумаги, что поднаторевшим в подобных делах журналистам стало ясно: Рафферти умышленно тянет время. Но вот он прикрыл микрофон рукой, повернулся к Коффману и о чем-то пошептался с ним. Коффман энергично закивал головой.

– Чеки мне известны, – заговорил Рафферти.

– Скажите комиссии, что это за чеки.

– Они были выписаны Хэдном Босуортом на мое имя, – спокойно пояснил Рафферти.

Феллоуз кивнул.

– Чеки приобщаются к материалам в качестве вещественного доказательства. – Он нагнулся к Эймсу, о чем-то вполголоса спросил его. – В качестве вещественного доказательства номер шестьдесят девять.

Клерк взял у Рафферти папку с чеками и возвратил Эймсу. Эймс встал.

– Предъявленные вам только что чеки выписаны на общую сумму в сто тридцать две тысячи долларов, – медленно заговорил он, особо подчеркнув сумму. – А теперь, мистер Рафферти, сообщите комиссии, кто такой мистер Хэдн Босуорт.

– Хэдн Босуорт, несомненно, хорошо известен комиссии, – чуть улыбнулся Рафферти. – Не далее как на прошлой неделе вы допрашивали его в течение двух дней.

– Отвечайте на вопрос, мистер Рафферти.

Рафферти пожал плечами.

– Пожалуйста. Хэдн Босуорт – страховой маклер и бизнесмен. По договору с профсоюзом транспортных рабочих в ведении его фирмы находятся профсоюзные средства, ассигнованные на культурно-бытовое обслуживание и пенсионное обеспечение членов союза. Контора его фирмы размещается в Нью-Йорке...

– А что представляют собой чеки, выданные вам мистером Хэдном Босуортом? – перебил его Эймс.

– Большое жюри суда в Лос-Анджелесе уже занималось этим вопросом, – устало ответил Рафферти. – К нему неоднократно возвращались газеты, и я не понимаю, какой смысл...

– Отвечайте на вопрос, мистер Рафферти.

Морт Коффман поднял было руку, но Рафферти что-то быстро сказал ему и снова обратился к комиссии:

– Это займы, предоставленные мне мистером Босуортом в разное время.

– Для какой цели?

– Для какой цели?

– Вот именно. Зачем мистер Босуорт дал вам займы свыше ста тысяч долларов?

– Он давал мне займы разные суммы и в разное время, когда я нуждался в деньгах для тех или иных надобностей.

– Для каких именно, мистер Рафферти?

– Ну, вероятно, деньги были мне нужны для моих начинаний делового характера.

– Может быть, вы назовете хотя бы некоторые из них?

– Признаться, я уже не помню сейчас, что именно и в какое время... – с раздражением в голосе начал Рафферти, но Эймс ее дал ему договорить.

– Скажите, фирма «Трайстейт эксплорейшн компани» не была одним из таких ваших деловых начинаний?

– Возможно, была.

– И чем же она занималась?

– Разведкой нефти... Кстати, – Рафферти криво улыбнулся, – нефть мы так и не нашли.

В зале послышались смешки; Эймс тоже улыбнулся.

– А кто были другие совладельцы фирмы?

– Мистеры Хэдн Босуорт и Сидней Филдс.

– Скажите, не тот ли это мистер Филдс, что был вашим партнером по фирме «Мур сити троттинг ассошиэйшн», занимавшейся эксплуатацией ипподрома?

– Тот.

– Мистер Босуорт тоже интересовался бегами?

– Не знаю. Я лишь владел акциями этой фирмы.

– Вы получали дивиденд по ним?

– Нет. Нефти мы не нашли, а ипподром оказался убыточным, так как нам не разрешили открыть на нем тотализатор.

– В какие другие предприятия вы вкладывали деньги, полученные от мистера Босуорта... займы?

– Ну, например... – ответил Рафферти, задумчиво глядя в потолок и почесывая подбородок, – например... в фирму, владеющую прачечными.

– В частности, в фирму «До-Райт» в Калифорнии?

– Да.

– Она имеет какой-нибудь договор с профсоюзом транспортных рабочих?

– По-моему, да.

– Доход она приносила?

– Полагаю, приносила и продолжает приносить. Точно на этот вопрос может ответить мой бухгалтер, и я не сомневаюсь, что вашим следователям ответ уже известен.

– Мистер Босуорт делал какие-нибудь капиталовложения в фирму, владеющую прачечными?

– Не думаю.

Эймс откашлялся и положил на стол бумаги, которые держал в руках.

– Ну, а теперь, мистер Рафферти, скажите, вы вернули мистеру Босуорту деньги, полученные от него займы по этим чекам?

– Да, вернул.

– Каким образом?

– Каким образом?

- Да. Чеком, векселем или...
- Наличными.
- Как вы учитывали эти платежи?
- Мысленно, в голове.

– Мистер Рафферти, – голос Эймса звучал дружески, почти доверительно. – Мистер Рафферти, объясните, пожалуйста, членам комиссии, как вам удавалось вести учет этих платежей... мысленно?

Лицо Рафферти приняло сердитое выражение, но он быстро овладел собой.

– Занимая деньги, причем довольно часто, как вы, несомненно, уже установили, я не забываю о своих долгах, тем более, что беру займы обычно только у близких друзей. Помня о долгах, я помню и о необходимости возвращать их.

- И вы всегда в деловых операциях расплачиваетесь наличными?
- Не понимаю.

– Вы сказали, что уплатили свои долги наличными. Вот я и пытаюсь выяснить, всегда ли вы расплачиваетесь наличными в своих деловых сделках?

– Обычно да. У меня даже нет личного текущего счета.

– Вот как? Значит, вы, мистер Рафферти, не доверяете банкам?

Рафферти покраснел, но снова, хотя и с усилием, сдержался.

– Разумеется, я доверяю банкам. Как вы, очевидно, знаете, я один из директоров банка «Ферст нэшнл ситизенс бэнк оф...».

– Знаем, знаем, мистер Рафферти! А теперь разрешите спросить вот о чем. Прибегаете ли вы к услугам банков, когда речь идет о средствах вашего профсоюза?

– Безусловно.

– Но в своих частных делах вы поступаете иначе. Почему, мистер Рафферти? Разве вы считаете, что банки менее надежны, когда возникает вопрос...

– Я вас не понимаю, – перебил Рафферти, теперь уже не сдерживая раздражения. – Да, я прибегаю к услугам банков в профсоюзных делах. Да, я полностью доверяю банкам, иначе не стал бы обращаться к ним. Что же касается моих частных дел, должен сказать, что нахожу более удобным расплачиваться наличными.

– Было бы удивительно, мистер Рафферти, если бы вы поступали иначе, – с нескрываемой насмешкой заметил Эймс. – Очевидно, средства профсоюза вам куда дороже, чем собственные, не так ли?

Коффман потянул Рафферти за рукав, и тот, прежде чем ответить, нагнулся к нему.

– Джек, он же пытается вывести тебя из терпения! – прошептал Коффман. Хочет, чтоб ты потерял самообладание... Господи, да если у тебя есть какие-нибудь доказательства, что ты вернул занятые деньги, сейчас самое время их предъявить. Если доказательств нет, ты только компрометируешь себя такими показаниями.

– Послушай, – ответил Рафферти, не забыв прикрыть рукой микрофон. – Я не нуждаюсь в доказательствах. Вполне достаточно моего слова и слова Босуорта. Я же сказал, что вернул деньги, а Босуорт еще раньше подтвердил это. Какие еще нужны доказательства? Не беспокойся, ему не удастся вывести меня из терпения. Я понимаю, что происходит.

– Но, Джек, отсутствие доказательств может привести к...

– Перестань! – оборвал его Рафферти. – Не корчи из себя прокурора.

Он повернулся к Эймсу и заговорил. Голос его вновь стал вкрадчивым и спокойным, хотя и без той совершенной дикции, которой обладал главный юрисконсульт, краска смущения исчезла с его лица.

– Я несу полную ответственность за средства профсоюза, – сказал он, – ни сколько не меньшую, чем за свои собственные. Но я не привык пользоваться текущим счетом, просто не выработал в себе такую привычку. У меня никогда не было сколько-нибудь значительных свободных средств, так что я не испытывал особой необходимости открывать текущий счет. Мне нравится расплачиваться наличными – так я всегда и делал. По-моему, тут нет ничего ненормального или незаконного.

– Разумеется, – согласился Эймс. – Однако давайте продолжим. Вы платили мистеру Босуорту проценты по займам, которые вы, по вашим словам, вернули ему?

– Не только по моим словам. Я действительно вернул мистеру Босуорту взятые займы деньги, и мистер Босуорт сам это подтвердил на прошлой неделе, когда давал показания вашей комиссии. Он показал также, что я не платил ему процентов.

– Вы внесли ему что-нибудь в залог?

– Мое слово, мистер Эймс, вполне надежный залог!

Эймс кивнул.

– Конечно, конечно. И больше ничего? Ничего более осязаемого? Ничего такого, что любой банк принял бы в качестве залога?

– Я уже говорил, мистер Эймс, что в своих личных делах вообще не прибегаю к услугам банков. И я сам, и мои кредиторы убеждены, что мое слово – самый надежный залог.

Эймс покачал головой и вздохнул.

– Скажите, в течение последних пяти лет занимал ли мистер Босуорт деньги у семьсот второго лос-анджелесского комитета профсоюза транспортных рабочих?

– По-моему, занимал.

– Примерно около двухсот пятидесяти тысяч долларов, не так ли, мистер Рафферти?

– По-моему, да, – чуть помолчав, ответил Рафферти.

– Деньги были выданы из средств, ассигнованных на культурно-бытовое обслуживание членов профсоюза транспортных рабочих, объединяемых лос-анджелесским комитетом, так?

– Да, так. При условии выплаты шести с половиной процентов годовых.

– Чем мистер Босуорт гарантировал выплату займа? Что он внес в залог?

– Если не ошибаюсь, кое-какие акции и облигации.

– Акции «Трайстейт эксплорейшн компани» и «Мур сити троттинг ассошиэйшн»?

– Весьма вероятно.

– Но разве эти фирмы не обанкротились? Разве их акции не превратились в простые бумажки?

– Когда мистер Босуорт вносил свой залог, фирмы еще не обанкротились, и акции не были простыми бумажками. О положении этих фирм в настоящее время я ничего не знаю.

– Вот именно, мистер Рафферти. Позвольте теперь спросить: не вы ли тот функционер семьсот второго комитета, кто устроил мистеру Босуорту заем и утвердил его представление?

В знак отрицания Рафферти энергично затряс головой.

– Нет. Ни один функционер профсоюзной организации не имеет права самостоятельно решать вопрос о предоставлении займа, а тем более выдавать его. Заем был предоставлен по решению финансовой комиссии.

– Но как председатель лос-анджелесского комитета профсоюза транспортных рабочих членов этой комиссии назначили вы?

– Да.

– Иными словами, мистер Рафферти, члены комиссии являются вашими креатурами?

– Я возражаю против употребления слова «креатура» и против того, что под этим подразумевается, – заявил Рафферти, обращаясь непосредственно к сенатору Феллоузу. – Назначенные мною члены финансовой комиссии в такой же степени мои «креатуры», как мистер Эймс «креатура» человека, назначившего его на должность главного юрисконсульта этой следственной комиссии.

В зале послышался шум, и Феллоуз дважды стукнул молотком.

– Мистер Эймс, я уверен, не хотел сказать ничего оскорбительного, – любезно заметил он. – Но все же, может быть, главный юрисконсульт перефразирует свой вопрос?

Эймс слегка улыбнулся и кивнул.

– Не находились ли члены финансовой комиссии лос-анджелесского комитета профсоюза транспортных рабочих под вашим влиянием?

– Не находились и не находятся. Да и вообще ни один из членов лос-анджелесского комитета, как и любой другой профсоюзной организации, входящей в юго-западный региональный комитет, ни один из членов исполнительного комитета нашего профсоюза не находится под моим влиянием.

Эймс снова улыбнулся, а в зале опять послышался шум. Кто-то в задних рядах засмеялся, и Феллоузу пришлось снова постучать по столу.

– Мистер Босуорт все еще не погасил этот заем? – продолжал Эймс.

– По-моему, нет.

– А бумаги, которые он внес в обеспечение выплаты займа, никакой ценности теперь не представляют. Правильно, мистер Рафферти?

– Я не говорил, что они не представляют никакой ценности, – быстро ответил Рафферти. – Я сказал...

– Позвольте, позвольте, мистер Рафферти! Разве не верно, что заем был краткосрочным и что срок его погашения давно прошел?

– Не знаю. Этот вопрос целиком относится к компетенции финансовой комиссии.

– Но вам известно, что обычно предпринимается для возвращения отданных займы средств? Возбуждено ли судебное дело или приняты какие-нибудь другие меры?

– Не знаю.

– Да? Хорошо, давайте продолжим. Если не ошибаюсь, вы говорили, что мистер Босуорт маклер, через которого проходит пенсионное обеспечение членов лос-анджелесского комитета. Так?

– Так.

– И как маклер он получает значительный гонорар?

На лице Рафферти мелькнуло раздражение.

– Мне не известны гонорары мистера Босуорта, ему платят те страховые фирмы, которые он представляет. Я полагаю... Нет, я уверен, что он получает точно такой же гонорар, как и любой другой маклер.

– Вы не ошибаетесь. Кстати, для вашего сведения: гонорар этот довольно значителен. Однако давайте вернемся к вопросу о чеках, приобщенных к материалам в качестве вещественного доказательства. Как вы утверждаете, это деньги, полученные вами займы от мистера Босуорта и, по вашим словам, возвращенные ему. Однако у вас нет документов, которые подтверждали бы, что вы их действительно возвратили. Во всяком случае, при проверке бухгалтерских книг мистера Босуорта наши ревизоры не смогли обнаружить никаких...

Морт Коффман быстро поднялся с места.

– Я возражаю! – крикнул он. – Я возражаю, господин председатель, против подобной тактики...

– Слово имеет адвокат свидетеля, – объявил сенатор Феллоуз, поворачиваясь к Коффману.

– Я возражаю против намеков главного юрисконсульта комиссии, – заявил Коффман. – Мы не в суде, разбирающем уголовное или гражданское дело. Ни один судья не допустил бы таких намеков и подобной тактики вообще. Если главный юрисконсульт намерен представить какие-то доказательства, он не может не знать о существовании определенной процедуры, предусматривающей...

– Я могу аннулировать последний вопрос, – любезно предложил Эймс.

– Вся ваша линия допроса... – пытался было продолжать Коффман, но его прервал Феллоуз.

– Вопрос снят, – объявил он. – Продолжайте, мистер Эймс.

Расстроенный Коффман медленно опустился на стул.

– Независимо от того, возвращен заем или нет, – заговорил Эймс, – не кажется ли вам, мистер Рафферти, весьма необычным, что бизнесмен дает займы огромную сумму – больше ста тысяч долларов – и не требует ни обеспечения, ни процентов?

– Комиссии известно, что в прошлом я неоднократно занимал у своих друзей крупные денежные суммы. И я никогда не испытывал никаких...

– Это нам совершенно понятно, – не дал ему договорить Эймс. – Мы знаем, вы действительно занимали деньги у близких друзей, многие из которых так или иначе связаны с профсоюзом транспортных рабочих. Однако в данном случае положение несколько иное. Выступая на прошлой неделе перед нашей комиссией, мистер Босуорт под присягой показал, что ваше знакомство носит случайный и чисто деловой характер. Он якобы знает вас лет пять или шесть, причем познакомились вы при посещении частной школы, где учатся ваши дети. Это не так?

– Я не интересовался тем, что сказал или что не сказал мистер Босуорт в своих показаниях. Я лишь заявил, что часто занимал деньги у своих близких друзей.

– И вы считаете мистера Босуорта своим близким другом?

– Да, считаю.

– Только на основании того, что вы познакомились с ним всего несколько лет назад при...

– Если главный юрисконсульт разрешит мне... – заговорил Рафферти, но умолк – сенатор Феллоуз поднялся и дважды с силой стукнул молотком.

– Прошу прощения, я должен прервать заседание, – объявил он. – Мне стало известно, что в сенате сейчас происходит голосование. Объявляю перерыв, чтобы сенаторы, члены комиссии, могли принять в нем участие.

Глава восьмая

Худощавый, но крепко сложенный Хэдн Босуорт поднялся из тяжелого, обитого красной кожей кресла, неуверенно, словно чем-то одурманенный, прошел по комнате, протянул руку к портативному телевизору и выключил звук, оставив лишь изображение. Нерешительно взглянув на экран, он вернулся в кресло у большого дубового письменного стола и только тут заметил, что красная лампочка телефонного аппарата внутренней связи мигает: секретарша давала знать, что кто-то хочет с ним говорить. Он поднял трубку и устало произнес:

– По-моему, я сказал, мисс Драббин...

– Вам сегодня уже третий раз звонит миссис Босуорт, – торопливо проговорила секретарша. – По ее словам, ей нужно сообщить вам что-то важное.

– Свяжитесь с ней и скажите, что я позвоню ей вечером; вернуться домой к обеду я не успею. Скажите, что я просил не беспокоиться.

– Сказать ей, что вы просили не беспокоиться...

Босуорт несколько раз тряхнул головой, пытаясь собраться с мыслями. Он понял, что говорит не то, и с трудом взял себя в руки.

– Да, да, не беспокоиться по поводу того, что не мог переговорить с ней. Объясните, что я задержусь и к обеду домой не приеду. Если у вас ко мне больше ничего нет, вы тоже можете...

– Было еще шесть звонков, мистер Босуорт. Вы хотите знать, кто и зачем звонил?

– Нет, нет, мисс Драббин, спасибо. Позвоните только миссис Босуорт, а потом можете быть свободной. Все равно сейчас уже пятый час.

– Я могу задержаться, мистер Босуорт, если вы...

– Нет, нет, не нужно. Пожалуйста, позвоните миссис Босуорт и можете идти домой. Я еще поработаю. Отключите мой телефон – я не хочу, чтобы мне мешали.

– Хорошо, мистер Босуорт.

– Спасибо, мисс Драббин. До свидания.

Босуорт положил трубку, и красная лампочка погасла. Он долго смотрел на трубку, потом закрыл глаза и длинными нервными пальцами провел по заметно поседевшим за последние недели волосам. Потом уставился на экран, но ничего на нем не видел. Он смотрел на экран, но видел лишь постигшую его катастрофу. С катастрофы началась его жизнь, катастрофой заканчивалась. Он завершил, или почти завершил, полный круг. Босуорт провел рукой по лицу и всмотрелся в экран в поисках Рафферти, но Рафферти там не было. Собственно, Босуорту и не нужно было его видеть.

– Нет, нет, Джек, это же невозможно, – тихо и доверительно шептал он, словно беседовал по душам с кем-то, кто сидел рядом. – Ты никогда так не поступишь со мной, Джек!

Но, пытаясь успокоить себя, Босуорт не верил своим собственным словам. Он много лет знал Рафферти, знал хорошо, и потому прекрасно понимал, что ему не удастся обмануть себя.

Скорчившись в кресле, Босуорт пристально смотрел на экран, ожидая возобновления заседания. Он думал о Джоне Кэроле Рафферти.

Он и сейчас помнил свою первую встречу с юным Рафферти.

В то время ему было лет шестнадцать, и встреча произошла, когда шел его последний год в приюте. Звали его тогда не Хэдн Босуорт, а Поль Кук. С тех пор прошло много времени – более тридцати двух лет, и успехи, достигнутые им за эти годы, нельзя назвать иначе как

феноменальными. По существу, он добился всего, чего хотел. Он рано начал зарабатывать деньги, в которых так нуждался и о которых так мечтал, и очень удачно женился. Его жена, Грейс Ридпат, не только происходила из высшего общества – предмета его зависти и восхищения, – но и отвечала любовью на его любовь.

За долгие годы совместной жизни Босуорт только однажды солгал жене – большая неправда в самом начале долгого пути. Он промолчал о своем прошлом и о родителях, о своей религии и не назвал свою фамилию.

Босуорт был отцом двоих детей – хороших детей, которыми мог бы гордиться каждый, жил припеваючи, состоял членом самых фешенебельных клубов и, как принято говорить, наслаждался всеми благами жизни. Почти с самого начала его второй жизни Босуорту неизменно сопутствовал успех, и вот сейчас круг замыкался.

Все началось лет шесть с половиной назад, когда он вторично встретился с Рафферти.

Однако сейчас Босуорт вспоминал день, когда Рафферти впервые появился в его жизни – свыше тридцати лет назад, в приюте святой Терезы в небольшом калифорнийском городке около Сан-Диего.

...Поль был один в большой квадратной комнате, где жил вместе с тремя младшими мальчиками, порученными его попечению. Всякий раз, оставаясь в одиночестве, Поль упорно занимался, он уже тогда знал, чего хочет, и упорно шел к цели. Так вот, в один из таких дней дежурная сестра-монашенка привела к нему нового воспитанника.

«Поль, – сказала сестра (странно, он не мог вспомнить ее имени, хотя был очень к ней привязан и часто потом вспоминал ее; уже в то время она была пожилой и, очевидно, умерла лет двадцать назад), – Поль, это наш новый воспитанник Джон Кэрл Рафферти. Он будет жить в твоей комнате. Джек, познакомься с Полем, он будет помогать тебе, и ты должен во всем слушаться его».

При появлении сестры Поль вскочил со стула и теперь смотрел на не то испуганное, не то настороженное лицо девятилетнего мальчика, которого сестра держала за руку. Это было своеобразное, почти жестокое лицо с твердым квадратным подбородком, трясущимися губами и мягкими карими глазами, так не идущими ко всему облику мальчика. Расческа, как видно, давно не касалась его черных взлохмаченных волос; низенький и худенький, он уже был одет в унылую серую форму приюта.

Рафферти молча стоял на широко расставленных крепких ногах, словно готовясь отразить внезапный удар.

Поль улыбнулся и протянул руку; некоторое время мальчик стоял в нерешительности, но сестра подтолкнула его, и он в конце концов тоже протянул руку.

«Хорошо, я буду за ним присматривать», – пообещал Поль, и сестра, улыбнувшись, ушла. И он действительно заботился о мальчике – и в течение всего последнего года пребывания в приюте, и позднее, когда уже покинул приют, где Рафферти прожил еще несколько лет, пока не подрос.

Поль чувствовал к нему какую-то странную привязанность. Он хорошо относился ко всем воспитанникам младше себя, но к Рафферти был привязан особенно, хотя тот меньше других нуждался в привязанности и понимании. С самого начала он чувствовал себя вполне самостоятельно. Из всех воспитанников лишь он один не плакал и не тосковал о родителях и, видимо, не скучал о прежней жизни.

Поль попал в приют двенадцатилетним подростком. Он был старше большинства других воспитанников и потому с трудом привыкал к здешним порядкам. Но не только это омрачало его жизнь в приюте святой Терезы. За пять проведенных здесь лет он имел время подумать над мрачными обстоятельствами, которые привели его сюда. Они были совсем не такими, как у других. Главное заключалось не в том, что Поль стал сиротой, а в том, как это произошло.

Поль Кук покинул приют, когда ему исполнилось семнадцать лет. Он уехал в Сан-Франциско и устроился в пекарню упаковщиком на ночную работу. Год учился, заканчивая среднюю школу, и в свободное время частенько навещал Рафферти в приюте.

Из Сан-Франциско Поль перебрался в Канаду и поступил в Макгиллский университет. Он хотел на время покинуть США, надеясь, что там забудут и его фамилию, и то, что сделало его сиротой.

В Канаду он приехал с несколькими долларами в кармане, составлявшими все его сбережения, и ему опять пришлось поступить на ночную работу, на этот раз в прачечную, чтобы зарабатывать деньги для платы за обучение. Он легко находил друзей, товарищи хорошо к нему относились и вскоре приняли его в члены одного из землячеств; работая уборщиком общежития и официантом в столовой землячества, он кое-как оплачивал занятия в университете. Во время летних каникул он продолжал по ночам трудиться в прачечной, а днем работал счетоводом в одной из страховых фирм.

Уже на предпоследнем и последнем курсах Поль стал в свободное время заниматься продажей страховых полисов, причем дело у него сразу пошло на лад. Отчасти это объяснялось его способностью легко и быстро заводить знакомства, но главным было стремление во что бы то ни стало добиться успеха.

К концу обучения в университете Поль ухитрился накопить около тысячи пятисот долларов и с этими деньгами приехал в Нью-Йорк. Он давно готовился к этому событию, разработал подробный план, и тысячи пятисот долларов должно было хватить для его реализации.

Поль Кук перестал существовать при выезде из Канады. На Пенсильванском вокзале в Нью-Йорке из вагона монреальского экспресса вышел некий Хэдн Босуорт. Он явился в «Университетский клуб», предъявил диплом с подделанной фамилией и снял комнату. Уже через неделю Босуорт устроился коммивояжером в страховую фирму на Уолл-стрит. Никакой трудности это не составило. В те дни лишь немногие из окончивших университет поступали на работу в страховые фирмы, хотя там, помимо жалованья, платили комиссионные.

Хэдн Босуорт старался не вспоминать о приюте, о годах учебы и вообще о своем прошлом. Он уклонялся от всяких разговоров о прожитых годах, давая лишь понять, что его родители умерли, что он выходец из Англии, но жил в Канаде, где и получил образование. В Нью-Йорке он стал посещать епископальную церковь (хотя до этого был католиком) и вступил в один из известных спортивных клубов.

Успех сопутствовал Босуорту с самого начала. Он понимал, что его продвижение зависит не только от желания, но и от связей, и пользовался каждым случаем, чтобы заводить новые знакомства. Из деловых и «светских» соображений он вступил в фешенебельный «загородный клуб», а позже в яхт-клуб, приобрел небольшую яхту и иногда участвовал в любительских гонках, играл в гольф не хуже профессионалов, но никогда не играл на деньги.

Через четыре года после приезда в Нью-Йорк Босуорт уже зарабатывал тысяч пятнадцать в год и чувствовал, что твердо стоит на ногах. Его начали приглашать в лучшие дома на Лонг-Айленде, в Уэстчестере и в Коннектикуте. Он был молод, интересен, умен, пользовался популярностью и не давал ни малейшего повода считать себя наглым выскочкой или карьеристом. Разумеется, Джек Рафферти был забыт, как были забыты и все другие воспоминания юности.

Грейс Ридпат и Хэдн Босуорт встретились на теннисном корте в Ньюпорте и осенью того же года поженились, причем их свадьба была «событием сезона». Брак оказался счастливым. Грейс скоро поняла, что муж не любит касаться своего прошлого. Решив, что это объясняется неблагополучной юностью, она научилась сдерживать свое любопытство. К тому же она была слишком счастлива и слишком поглощена настоящим, чтобы задумываться над прошлым.

Теперь они жили в Гриниче; на покупку дома Босуорту пришлось истратить все свои сбережения. Вначале у них родился мальчик, потом девочка. Они принадлежали к лучшим клубам и к так называемому высшему обществу.

Хэдн Босуорт основательно перепугался, когда началась война и он обнаружил, что ничем не может подтвердить свое американское гражданство. Все же он попытался поступить на военную службу, но, к его изумлению, военные врачи на призывном пункте нашли, что у него не все в порядке с сердцем; они высказали предположение, что это, возможно, результат чрезмерного увлечения физическими упражнениями, и на всякий случай забраковали его. Проблема гражданства отпала сама собой.

Были у Босуорта и другие трудные случаи. Однажды он нос к носу столкнулся в клубе с двумя приятелями по университету. Они успели изрядно выпить, шумно выражали свой восторг

по поводу неожиданной встречи, и ему пришлось долго их убеждать, что он не тот, за кого они его принимают. К счастью, как раз в эту минуту к нему подошел знакомый и назвал по имени; только тогда его бывшие приятели, все еще продолжая сомневаться, ушли, бессвязно рассуждая о поразительном сходстве.

Больше он не встречал никого из своего прошлого, пока – шесть с половиной лет назад – в его кабинет в конторе на Уолл-стрит не вошел Джек Рафферти.

Как только секретарша передала Босуорту его визитную карточку, он понял, что встречи не избежать. Последний раз Босуорт посетил приют более двадцати пяти лет назад. Рафферти тогда было лет одиннадцать-двенадцать, и с тех пор они не виделись, однако Босуорт сразу его узнал – визитной карточки тут и не требовалось. Он понимал, что Рафферти тоже узнал его в первую же минуту.

Рафферти подождал, пока за его спиной не закрылась дверь, удостоверился, что они остались в кабинете одни, и только тогда улыбнулся, снова превратившись в мальчишку из Сан-Диего. Он пересек комнату и протянул руку.

– Привет, Поль, – поздоровался он.

Хэдн Босуорт медленно поднялся и машинально повторил жест Рафферти. Несколько мгновений он обдумывал, не следует ли сделать вид, что он не узнает Рафферти, но тут же отказался от своей мысли, знал, что это бесполезно.

– Джек! – воскликнул он. – Джек!

На лице Рафферти расплылась широкая улыбка, он сделал шаг вперед, схватил руку Босуорта и энергично ее потряс.

– Садись, Поль, садись и не волнуйся. Я не призрак!

Он пододвинул стул к письменному столу, уселся и некоторое время внимательно рассматривал Босуорта.

– Поль, – торопливо заговорил он. – Прежде чем ты что-нибудь скажешь, хочу пояснить тебе одно: я пришел сюда вовсе не за тем, чтобы причинить тебе какую-нибудь неприятность. Нет! Мне ничего не нужно, я не хочу ставить тебя в неловкое положение. По старой дружбе я просто зашел поздороваться.

Хэдн Босуорт растерянно кивнул, не зная, что ответить и как поступить.

– Джек! – снова пробормотал он. – Джек Рафферти!..

– Успокойся, Поль, успокойся. Если хочешь, я буду называть тебя Хэдном. Неудобно, конечно, но я привыкну, если так тебе будет приятнее.

Босуорт растерянно кивнул, он все еще не сумел взять себя в руки.

Несколько минут они молчали, исподтишка рассматривая друг друга. Босуорт видел перед собой хорошо сложенного, коренастого, широкоплечего человека лет около сорока, с иссиня-черными волосами, мягкими карими глазами и решительным выражением лица уличного мальчишки с перебитым носом. На нем был сшитый на заказ хороший костюм, дорогая сорочка, скромный галстук в полоску; только ногти на руках были слишком уж тщательно наманикюрены.

– Я не один год слежу за твоей карьерой, – заметил наконец Рафферти. – Но ты, пожалуйста, не беспокойся, Поль. Это ничего не значит, абсолютно ничего! Я понимаю, у тебя, очевидно, были веские причины переменить имя и фамилию.

Босуорт снова кивнул; он по-прежнему выглядел глуповато. Да, «веские причины» у него были, и Рафферти, бесспорно, прекрасно их знал.

Пытаясь преодолеть замешательство, Босуорт взял со стола визитную карточку, снова взглянул на нее, но увидел лишь имя и фамилию: «ДЖОН КЭРОЛ РАФФЕРТИ». Чтобы не молчать, Босуорт заметил:

– Джек... Да, да, Джек Рафферти... Чем же ты занимался эти последние двадцать с лишним лет?

– Видишь ли, Поль, или Хэдн, если это тебе больше нравится, – ответил Рафферти, улыбаясь с некоторым самодовольством, – я все еще живу в Калифорнии, в Лос-Анджелесе. Я женат, у меня трое детей. Все последние двадцать лет я занимаюсь профсоюзной работой, и теперь возглавляю не только семьсот второй лос-анджелесский комитет профсоюза транспортных рабочих, но и юго-западный региональный комитет.

– Замечательно, Джек! Я всегда считал, что ты далеко пойдешь, дружище.

– Но и тебе не на что жаловаться, приятель.

Босуорт бросил на Рафферти быстрый взгляд, но ничего особенного не заметил на его лице – обычный дружеский интерес.

– Да, это верно... Но Расскажи-ка лучше о себе, Джек. Как получилось, что ты стал функционером профсоюза?

С этого, собственно, и начался их разговор; каждый рассказывал о своей карьере и о своей жизни, но ни один не говорил ничего существенного, лишь скользил по поверхности пережитых лет. Оба чувствовали себя неловко.

Так продолжалось около часа. Наконец Рафферти вздохнул и потянулся за шляпой.

– Что ж, приятель, я с удовольствием с тобой повидался. Может, мне удастся уговорить тебя позавтракать вдвоем? – Он взглянул на часы.

Босуорт хотел отказаться, но тут же подумал, что Рафферти пришел не случайно, не по внезапному капризу, а с какой-то определенной целью. Он долго и внимательно смотрел на него, потом сухо, без всякого напускного доброжелательства спросил:

– Джек, зачем все же ты пришел ко мне?

– Хорошо, приятель, пожалуй, я скажу, – улыбнулся Рафферти. – Только прогони поскорее это беспокойство со своего лица. Я же говорю, что не собираюсь ставить тебя в неловкое положение, а тем более причинять неприятности. Дело вот какое. На спортивных страничках сегодняшних утренних газет промелькнуло сообщение, что твой сын – Хэдн Босуорт-младший ведь твой сын, не так ли? – назначен капитаном футбольной команды лицея святого Матвея.

Босуорт бросил на Рафферти быстрый взгляд, покраснел и уже собрался было что-то ответить, но Рафферти опередил его.

– Видишь ли, дружище, – заявил он. – У меня тоже есть два сына, близнецы. Должен тебе сказать, отличные ребята! Я как раз размышлял, в какую бы школу их направить, и тут подвернулась эта заметка о твоём сыне. И я подумал: а ведь, пожалуй, у нас в стране нет лучшей школы, чем лицей святого Матвея.

– Школа замечательная, – осторожно подтвердил Босуорт.

– Вот и я говорю. Мне очень хочется, чтобы мои ребята учились в ней, но я реалист... Конечно, средства у меня есть, за деньгами дело не станет. Но я знаю, как трудно попасть в эту школу. Мальчишка, который хочет пробиться туда, должен иметь блестящие рекомендации. В своих ребятах я не сомневаюсь: учатся хорошо и ведут себя превосходно. Эдди – капитан баскетбольной команды и редактор школьной газеты. Мартин в прошлом году признан самым популярным мальчиком в школе. Оба толковые, сообразительные ребята. И все же я прекрасно понимаю: никаких шансов попасть в хорошую частную школу у них нет, если они не представят первоклассных рекомендаций.

– Но это же не совсем так, Джек. Ты же сделал большую карьеру и...

– Положение большого человека в этой профсоюзной лавочке еще не рекомендация, ребятам она не поможет. Надо реально смотреть на вещи, Поль... Хэнд. Я понимаю обстановку. Моих детей нужно соответствующим образом представить, обеспечить их подходящими рекомендациями. Вот я и подумал, что по старой дружбе ты мог бы...

– О чем толковать, Джек! Конечно, я сделаю все, что от меня зависит. Не сомневаюсь, дети у тебя прекрасные, о них стоит позаботиться.

Как ни странно, Босуорт говорил искренне и вполне серьезно. Он был рад помочь Рафферти, так как по-прежнему сохранял к нему дружеское чувство, возникшее еще в приюте.

Рафферти встал.

– Хэдн, – теперь я буду звать тебя Хэдном, – я хочу, чтобы ты знал, как высоко я ценю такое отношение. Через несколько дней я привезу ребят в Нью-Йорк и познакомлю тебя с ними. Надеюсь, уж тогда-то ты не станешь сомневаться в правильности своего поступка, если найдешь нужным помочь им. И еще одно... – Рафферти замялся, посмотрел Босуорту в глаза и продолжал: – Еще одно. Не такой я человек, чтобы не ценить сделанное мне добро. Добром за добро! Ты занимаешься операциями по страхованию, верно? В таком случае тебе следует знать, что я единолично распоряжаюсь средствами нашего профсоюза, отпускаемыми на культурно-бытовые нужды рабочих и служащих. Свыше полутора миллионов долларов, и мы

обычно помещаем эти средства в различные страховые фирмы. Кроме того, я распоряжаюсь фондом для пенсионного обеспечения более чем тридцати пяти тысяч членов профсоюза...

Вот так все и началось. Но вовсе не так кончилось.

Дети Рафферти в свое время были приняты в лицей святого Матвея, и Хэдн Босуорт впоследствии не мог не признать, что ему ни разу не пришлось сожалеть о своих рекомендациях. Они действительно оказались примерными учениками, и лицей мог гордиться ими. Сын Хэдна Босуорта очень сдружился с ними и во время каникул часто приглашал их к себе домой.

Рафферти не обманул Босуорта и в другом отношении. Вначале он дал ему возможность совершить несколько удачных деловых операций, а потом подобные сделки, все более крупного масштаба, вошли в систему. Естественно, что когда Рафферти, сославшись на срочную необходимость, попросил одолжить ему денег, Босуорт без колебаний выполнил его просьбу. Лишь значительно позже, подсчитав как-то, что Рафферти задолжал ему свыше пятидесяти тысяч долларов, Босуорт сообразил, что дело тут совсем не в «одолжении». Рафферти давал ему возможность очень недурно зарабатывать на операциях со средствами профсоюза и в свою очередь брал у него «взаимы», не собираясь возвращать долг и рассматривая его как причитающееся ему вознаграждение.

На подобных операциях Босуорт зарабатывал больше, чем «одалживал» Рафферти, но он не мог списывать эти «займы» как безнадежные, ему приходилось выплачивать за них большой подоходный налог, как с собственного дохода, и таким образом нести крупные убытки.

Однажды, когда долг Рафферти вырос до семидесяти пяти тысяч долларов, Босуорт решился на откровенный разговор. Во время этой беседы Рафферти и сказал ему о «Трайстейт эксплорейшн компании».

– Перестань ты думать об этих займах, приятель, – заметил он. – Это же просто гроши по сравнению с тем, что я тебе сейчас предложу.

Босуорт поверил. К тому времени он уже знал, что Рафферти располагает многочисленными важными связями в финансовых кругах, и потому согласился стать совладельцем фирмы «Трайстейт», а несколько позже – бегового и скакового ипподрома. Рафферти продолжал брать у него деньги взаимы, хотя Босуорт теперь прекрасно понимал, что не получит их обратно.

Катастрофа наступила неожиданно и поэтому оказалась тем более страшной. Вкладывая средства в финансовые комбинации Рафферти, Босуорт зарвался, и когда фирма «Трайстейт» и ипподром обанкротились, обанкротился и Босуорт, причем без всякой надежды выкарабкаться. В довершение ко всему примерно в то же время приступила к расследованию Объединенная комиссия конгресса.

Босуорт настойчиво умолял Рафферти о помощи, но тот отделялся неопределенными, расплывчатыми обещаниями. Затем комиссия вызвала Босуорта на допрос, и ему пришлось солгать, когда речь зашла о деньгах, которые он одалживал Рафферти. Он сказал, что Рафферти вернул ему деньги наличными. Ответить иначе он не мог, и не только потому, что о таком ответе просил Рафферти. Босуорт не мог сказать, что Рафферти не вернул деньги, поскольку это было бы равносильно признанию в том, что он давал ему взятки за возможность совершать различные махинации со средствами профсоюза.

Как бы то ни было, сейчас все это в прошлом. Со всем этим кончено. Поиски легкого заработка, стремление создать роскошную жизнь себе и своей семье в конце концов привели его к катастрофе. Он обанкротился, по уши залез в долги, у него нет ни малейшей надежды поправить свои дела. А Джек Рафферти сейчас сам дает показания той же следственной комиссии, которая так допрашивала Босуорта не менее двух недель назад.

Как раз в эту минуту Хэдн Босуорт сообразил, что заседание комиссии возобновилось. Он быстро поднялся, прошел по комнате и включил звук телевизора. Джордж Моррис Эймс поднимался с места, собираясь продолжить допрос основного свидетеля – Джона Кэрола Рафферти.

– Ну, хорошо, мистер Рафферти, давайте начнем с того, на чем мы остановились перед перерывом, – заявил главный юрисконсульт. – Вы говорили, что часто занимали деньги у близких друзей и что мистер Хэдн Босуорт – один из таких друзей. Из-за перерыва вы не успели

ответить на мой вопрос: считаете ли вы деловое знакомство с мистером Босуортом в течение пяти-шести лет достаточным основанием, чтобы назвать его близким другом?

Рафферти откашлялся.

– Я знаю мистера Босуорта более тридцати лет, – сказал он.

В зале снова слышались шум, шепот и движение. Сенатор Хэмилтон Тилден поднял голову и уставился на Рафферти: не ослышался ли он? Даже Эймс не мог скрыть удивления.

– Вы сказали, что знаете мистера Босуорта свыше тридцати лет?

– Да.

– Но только на прошлой неделе мистер Босуорт показал...

– Я отвечаю лишь за свои показания. Вы вызвали меня сюда (вопреки моему желанию, могу добавить), чтобы задать некоторые вопросы. Я под присягой обязался говорить правду; именно это я делаю и намерен делать дальше.

– Но тем самым вы хотите сказать, что ваши отношения с мистером Босуортом носят не только деловой характер?

– Да, именно так.

– Вы можете объяснить комиссии характер ваших взаимоотношений?

Рафферти перевел взгляд с Эймса на председателя комиссии.

– Сенатор! – обратился он к нему, и, казалось, в его голосе звучала неподдельная искренность. – Я полагаю, характер моих личных отношений с мистером Босуортом не имеет и не может иметь для расследования никакого значения. Как я уже показал, мы знаем друг друга много лет, мы давнишние друзья. Дальнейшие уточнения никак не повредят мне, но могут повредить другим. Я предпочел бы...

– Мистер Рафферти, – остановил его сенатор Феллоуз, – я должен напомнить вам, что всего лишь на прошлой неделе мистер Босуорт утверждал обратное. Он показал, что вы знакомы пять или шесть лет, но никак не тридцать с лишним. Или вы, или мистер Босуорт лжесвидетельствуете перед нашей следственной комиссией. В связи с этим мы обязаны выяснить вопрос до конца. Продолжайте допрос, мистер Эймс.

– Я снова прошу свидетеля объяснить характер его отношений с мистером Босуортом, – проговорил Эймс.

– Придется тебе ответить, – тихо посоветовал Коффман. – Теперь дело так: либо ты, либо Босуорт. Комиссии ясно, что один из вас лжет, и остается только надеяться...

– Я не лгу, – быстро, но тоже шепотом ответил Рафферти. – Не хочется ставить в трудное положение невинного человека.

– Ты и себя не должен ставить в трудное положение.

Рафферти долго молчал, рассматривая какое-то пятно над головой главного юрисконсульта.

– В детстве, – наконец ответил он сухо и деловито, – мы вместе с Хэдном Босуортом воспитывались в сиротском доме святой Терезы в Сан-Диего штат Калифорния.

На этот раз сенатор Тилден не только во все глаза посмотрел на свидетеля, но, кашлянув, обратился к нему до того, как Эймс успел задать следующий вопрос.

– Уж не хотите ли вы сказать, – крикнул он, – что Хэдн Босуорт, как и вы, был воспитанником колонии для несовершеннолетних преступников?

Тилден был давним другом Хэдна и Грейс Босуорт и просто отказывался верить своим ушам.

– Да, сэр, это так, – подтвердил он. – Только тогда его звали не Хэдн Босуорт, а Поль Кук.

– Что?! Что это значит?

– Я сказал, – повторил Рафферти, – что тогда его звали Поль Кук и мы вместе жили в приюте святой Терезы. Затем он учился в университете в Канаде. Потом Поль переехал в Нью-Йорк и назвался здесь Хэдном Босуортом. Он стал страховым маклером. Несколько лет назад мы возобновили наши отношения и начали вместе заниматься деловыми операциями. Мы давнишние и близкие приятели.

Сенатор Тилден привстал.

– Но как понять ваше утверждение, что он назвался здесь иначе?

– Очень просто. Поль Кук изменил имя и фамилию и стал Хэдном Босуортом.

– Но зачем? Зачем это было нужно? – все еще отказываясь верить, сердито спросил Тилден.

– Я бы предпочел не отвечать на этот вопрос.

Тилден с силой стукнул кулаком по столу.

– Я требую, чтобы свидетель ответил! – заревел он. – Я не верю ни единому его слову, но настаиваю, чтобы свидетель ответил на мой вопрос.

– Я все же предпочел бы... – замялся Рафферти.

– Свидетелю предлагается ответить на вопрос, – безучастным официальным тоном заявил сенатор Феллоуз.

– Поль Кук, – после минутного колебания заговорил Рафферти, – изменил имя и фамилию, очевидно, по той же самой причине, по которой оказался в приюте для сирот. Когда Полку было двенадцать лет, его отец убил свою жену, мать Поля, и был приговорен к пожизненному тюремному заключению.

В зале на несколько минут воцарилось глубокое молчание; зрители, разинув от изумления рот, не сводили глаз с Джека Рафферти.

Первой нарушила тишину Мэри Элен Хеншоу, но, к счастью, ее слышали лишь немногие, так как в следующую минуту в зале поднялся невероятный шум.

– Боже милосердный! – воскликнула она. – Подумать только, дочь Грейс Босуорт – внучка убийцы!

Когда сенатор Феллоуз принялся стучать молотком, пытаясь восстановить порядок, Джейк Медоу уже выбежал из зала заседаний. Он не задержался в вестибюле, чтобы позвонить в редакцию, так как понимал, что там уже все известно – сотрудники газеты смотрят телепередачу. Поймав такси, Медоу помчался в аэропорт, намереваясь как можно скорее вернуться в Нью-Йорк. Однако он напрасно торопился. Медоу еще только садился в самолет, а Хэдн Босуорт уже вынимал из шкафчика флакон со снотворным.

Он хотел оставить жене записку, но решил, что писать-то, собственно, нечего. Совсем-совсем нечего.

Глава девятая

– Я знаю Джека Рафферти лет двадцать, – заметил эксперт газеты «Стар» по продвижению Роберт Шерман, – но до сих пор не могу понять, что им движет. В одном я не сомневаюсь: он искренне предан продвижению и готов всегда и во всем защищать его интересы. Ты согласен со мной, Карт?

Он повернулся и посмотрел на Картрайта Минтона. Они сидели вчетвером в ресторане Национального клуба печати за ленчем на другой день после того, как Рафферти выступил с показаниями о Хэдне Босуорте.

– Я плохо разбираюсь в профсоюзных делах, – пожал плечами Мinton. – Меня обычно держат возле Белого дома. И Рафферти я почти не знаю. Но если исходить из фактов, которые всплыли на заседаниях комиссии, я, пожалуй, не могу целиком и полностью согласиться с подобным утверждением.

– Из того, что я слышал... – заговорил было радиокomentатор Клод Брейден, но Джейк Медоу перебил его:

– Боб, мы твои гости, но ты, прости меня, говоришь глупости. Рассуждать так может либо круглый дурак, либо слепой. Лично я не знаю Рафферти, но я повидал в своей жизни немало воров и...

– Не кипятись, Джейк, – отозвался Шерман. – Я же не утверждаю, что Рафферти честный, порядочный человек, образец этичности, доброты, щедрости и прочего. Я лишь сказал, что он предан продвижению и всегда готов защищать его интересы.

– Ты просто играешь словами, – возразил Джейк. – Он предан лишь одному: интересам Джека Рафферти.

Возможно, для него это одно и то же, но все-таки...

– А вот я, – сказал Брейден, – никак не могу понять, почему он так отвратительно поступил с Босуортом. Почему он...

Джейк с сожалением взглянул на радиокомментатора.

– Скажи мне, приятель, – спросил он, – чем ты занимался в Эн-Би-Эс, прежде чем получил назначение освещать работу комиссии?

– В пятичасовой передаче новостей я комментировал события в мире спорта, а в десять часов вечера...

– Так я и думал! – Джейк повернулся к Шерману. – Боб, объясни мальчугану, почему Рафферти продал Босуорта.

Минтон неодобрительно взглянул на Джейка.

– Позволь, позволь, но при чем тут Рафферти? – возразил он. – Босуорта скомпрометировала комиссия.

Джейк возмущенно всплеснул руками.

– Бог мой! И ты тоже поверил в этот трюк?! Роберт, ты-то хоть разбираешься, в чем дело? Ведь Рафферти как раз и хотел создать у общественности впечатление, что комиссия чуть ли не силой выудила у него эти ответы!

Медоу снова обратился к Брейдену:

– Знаешь, что? Закажи нам еще по стаканчику, и тогда я объясню тебе кое-какие житейские факты. Можешь использовать их в своих передачах... Правда, я сомневаюсь, что твоя радиоккомпания пойдет на это, но я все же объясню. Рафферти оказался в крайне неприятном положении, поскольку в процессе расследования выяснилось, что он занимал у Босуорта крупные суммы. Если верить Рафферти, он полностью вернул долг, однако никаких доказательств не представил. Босуорт еще раньше показал, что деньги ему возвращены, но ничего другого он и не мог сказать, хотя... Теперь это вообще не имеет никакого значения. У всех сложилось впечатление, что Рафферти брал у Босуорта взятки за то, что давал возможность зарабатывать на операциях с деньгами профсоюза транспортных рабочих и устраивал ему займы из профсоюзных средств. Кстати, Босуорт, очевидно, и в глаза не видел денег, которые он якобы получил по этим займам, а может, кое-какие крохи ему и перепали. Не имея возможности как-то подтвердить уплату долгов, а тем более, представить документальные доказательства, Рафферти понял, что попал в тупик и обязан что-то предпринять...

Джейк замолк, чтобы передохнуть, потом поймал за рукав пробежавшего мимо официанта и распорядился:

– Гарсон, еще по стаканчику. За все платит мой богатый друг – владыка эфира.

Он закурил и продолжал:

– Во всяком случае, Рафферти понимал, что серьезно влип, а человек он ловкий и сообразительный, особенно когда дело касается общественного мнения. Представив себе заголовки утренних газет, он сообразил, что они будут далеко не в его пользу, и решил всех перехитрить. С этой целью он поставил дымовую завесу, и заголовки-то оказались не о нем. Он наделал такого шума, что публика позабудет о...

– Подожди, подожди, Джейк! – перебил Минтон. – Ты что, хочешь сказать, что Рафферти просто-напросто придумал всю эту историю с приютом?

– Нет, нет! Ему ничего не надо было придумывать. Он рассказал чистую правду.

– Следовательно, Рафферти рассчитывал на самоубийство Босуорта?

Джейк поднял глаза к потолку и наморщил лоб.

– Кто знает? – задумчиво проговорил он. – Кто знает? Может, рассчитывал, может, нет. Теперь это не столь уж и важно. Рафферти достиг своей цели, как только сказал, что Босуорт воспитанник приюта, а его отец осужден за убийство. Самоубийство Босуорта лишь следствие и, если хотите, маленькое дополнительное обстоятельство. Большой сенсацией, затмившей и расследование, и все сказанное Рафферти на заседаниях комиссии, явился тот факт, что столь хорошо известная в «свете» Грейс Ридпат оказалась женой сына убийцы, что Хэдн Босуорт – фикция и вся его жизнь – сплошная ложь. Эта сенсация и послужила для Рафферти дымовой завесой.

– Не могу поверить, – покачал головой Картрайт Минтон, – что лишь для того, чтобы уйти от ответственности, человек способен умышленно погубить другого человека, поломать жизнь его жене и детям...

– Но так же трудно поверить и в самого Рафферти, – возразил Джейк. – Во всяком случае, мне он представляется совершенно безжалостным человеком, да так оно, наверное, и есть. Как бы то ни было, могу заверить, что именно таковы мотивы его поведения, причем свой план он осуществил очень ловко – протестуя, нехотя, делая вид, что комиссия и Эймс чуть ли не клещами вытягивают из него ответы. А результат? Пожалуйста! Общественное мнение, особенно мнение рядовых членов профсоюза, на его стороне, он, видите ли, изо всех сил старался защитить своего друга, а эта бессердечная комиссия погубила человека. Вот даже Боб Шерман полностью поверил в этот трюк!

– Ну, положим, не полностью, – запротестовал Шерман. – Я только считаю, что у Рафферти, очевидно, была и еще какая-то причина. Возможно, он ненавидел Босуорта, может быть, в прошлом Босуорт нанес ему какую-то обиду или...

– Да не обиду, – прервал его Джейк, – а наоборот: сделал ему одолжение. Люди типа Рафферти – решительные, честолюбивые, рвущиеся к власти – терпеть не могут, когда им делают одолжение. Они считают позорным быть кому-то обязанными.

– Боже мой, Джейк! – воскликнул Мinton. – Какой же ты циник!

– Нет, я не циник. Просто ты и тебе подобные, Карт, ненавидите правду. Когда вам говорят правду, особенно неприятную, вы тут же обвиняете человека в цинизме.

– Может, и так. А чем ты объяснишь, что у Рафферти столько друзей? Ведь сотни людей чуть не молятся на него.

– Друзей Рафферти можно разделить на две группы: тех, кто боится его, и тех, кто надеется что-то от него получить. И все они ненавидят его. Тайно или явно, но ненавидят.

– А Рафферти? Он им отвечает тем же? – поинтересовался Брейден.

– Нет, он презирает их, но использует.

Мinton поднялся и знаком попросил официанта подать счет.

– Ты не совсем прав, Джейк, – заметил он. – Рафферти любит, например, своих детей, особенно дочь, доброжелательно относится к старику Сэму Фарроу и даже к Фаричетти, хотя знает, что Томми – мелкий жулик. Нет, Джейк, по-моему, ты совсем не знаешь Рафферти... Во всяком случае, я хочу вернуться до начала вечернего заседания, чтобы успеть переговорить с Эймсом. Рафферти уже полтора дня дает показания, а я до сих пор не добыл ничего интересного; мое начальство постоянно требует чего-нибудь особенного.

– Ну, а я, пожалуй, пропущу еще стаканчик, – проговорил Шерман. – Как вы, ребята?

– Мне что-то вообще не хочется уходить отсюда, – признался Джейк, – тем более, что Клод специально пришел подоить меня, повыспросить, что означает весь этот «кордебалет», и я обещал его просветить... Хотя, позвольте! Боб, освещать работу профсоюзов – это же твоя область, ты лучше меня ответишь на его вопросы. Моя специальность – люди, а не организация.

Клод Брейден несколько застенчиво взглянул на Шермана.

– Вы понимаете, – сказал он, – вообще-то эти дела не по моей линии, я и сам не знаю, почему редакция направила сюда именно меня. Но коль скоро я здесь, мне кажется...

– Но что же все-таки вы хотели бы знать? – спросил Шерман.

– Ну, например, я совершенно не понимаю разговоров о каких-то фиктивных профорганизациях на местах, о «бумажных» комитетах, о судомойках, мастерах игрушек, продавщицах и еще бог знает о ком. Одним словом, обо всех, кого силой принуждают вступать в профсоюз транспортных рабочих. Это выше моего понимания.

– Иногда и моего тоже, – улыбнулся Шерман. – Однако я все же попытаюсь объяснить. Видите ли...

– Постой, – вмешался Джейк. – Пожалуй, я сам рискну это сделать. – Он повернулся к Брейдену. – Беда в том, что Боб – эксперт и своими объяснениями еще больше вас запутает. К тому же он симпатизирует профсоюзам, а я отношусь к ним объективно. Настолько объективно, что моя объективность часто перерастает во враждебность.

– Послушай, Джейк, – удивился Шерман, – но ты же сам член профсоюза журналистов и даже один из его организаторов. Разве ты...

– Да, верно, и горжусь этим. Но должен добавить, что никто не заставлял меня вступать в союз и никто не угрожал мне, что я не смогу получить работу, если не буду членом профсоюза.

– Значит, по-твоему, нет ничего предосудительного в том, что вы, члены профсоюза, добиваетесь повышения зарплаты и улучшения условий труда, а кто-то, устроившись на работу и отказавшись вступить в союз и платить членские взносы, будет пользоваться завоеванными вами преимуществами?

– А почему бы и нет? Гильдия или профсоюз, выступая от имени своих членов, заключают соответствующий договор с дирекцией или хозяином. А тот, кто не состоит в союзе, заключает контракт самостоятельно. Если его контракт окажется хуже коллективного – пусть пеняет на себя. Я хочу только сказать, что людей нельзя силой вовлекать в союз, но если они захотят сами, милости просим. Однако гораздо хуже такой принудительной вербовки другое: на некоторых предприятиях профсоюзы, наоборот, принимают только «своих» и отказывают в приеме остальным. А в общем... к чертям! На эту тему можно говорить без конца... Вот Клод и пытается понять смысл проводимого сейчас расследования деятельности профсоюзов.

– Вы были на всех заседаниях комиссии? – спросил Шерман.

– Нет, я приехал неделю назад, – ответил Брейден. – Конечно, я имею известное представление об этом расследовании, но меня сбивают с толку показания свидетелей о фиктивных профорганизациях и вербовке в профсоюз транспортных рабочих людей, не имеющих к нему абсолютно никакого отношения.

– Это я, пожалуй, могу разъяснить, но прежде должен дать небольшую историческую справку, – сказал Шерман. – В течение начального периода организованного профдвижения, в самом расцвете деятельности Американской федерации труда, большинство профсоюзов было цеховыми, то есть созданными по цеховому принципу. Существовали, например, союзы железнодорожных кондукторов, плотников, штукатуров, водопроводчиков и т. д., причем каждый из них объединял людей одной профессии. Другой пример – типографский профсоюз, в который входили люди, имеющие отношение к типографскому делу. Однако по мере расширения своей деятельности, по мере роста профсоюзы начали вторгаться в чужие области и вовлекать в свои организации, иногда силой, рабочих и служащих других профессий. Так, союз шоферов грузовых машин стал вербовать складских рабочих, союз каменщиков – штукатуров и прочее. К этому же времени относится возникновение так называемых производственных профсоюзов, которые полностью охватывают рабочих и служащих той или иной отрасли промышленности. Типичен в этом отношении Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности, куда входят не только механики, но и маляры, жестянщики, формовщики и вообще все, работающие на том или ином автомобильном заводе. Конгресс производственных профсоюзов как раз и был создан из профсоюзов, организованных по производственному принципу, – в отличие от цеховых профсоюзов.

В результате каждый профсоюз стал стремиться завербовать в свои ряды всех, кого можно. Характерным примером была местная организация номер пятьдесят семь, созданная Джоном Л. Льюисом, – формально она считалась комитетом Объединенного союза горняков, но фактически включала в себя и фермеров, и конторщиков, и вообще кого угодно.

Как бы то ни было, вскоре возникло положение, когда тот или иной профсоюзный работник сначала получал от профсоюза разрешение на создание местной профсоюзной организации, а потом уже находил какую-нибудь группу неорганизованных рабочих и создавал из них ячейку союза. Пожалуй, активнее всех действовал таким образом лос-анджелесский комитет профсоюза транспортных рабочих (или местная организация номер семьсот два), возглавляемый Джеком Рафферти. Надеюсь, теперь вам понятен смысл показаний о профсоюзных организациях на местах.

– Ну, а эти так называемые фиктивные организации на местах... – проговорил Брейден, задумчиво поглаживая пальцами стакан и поглядывая на Шермана.

– Эти организации, существующие только на бумаге, а порой и в действительности, никакого отношения к союзу фактически не имеют, – ответил Джейк. – Рафферти или кто-нибудь из его подручных выдают разрешение на создание организации такому, например, типу, как Томми Фаричетти, или одному из тех гангстеров, которые на прошлой неделе были вызваны комиссией для допроса и отказались давать показания, сославшись на пятую поправку. Получив от Рафферти или его подручных разрешение, они отправляются искать «организуемых», вербуя кого угодно и где угодно. Это может быть гараж всего с одним

рабочим, или какой-нибудь заводишко в трущобах Нью-Йорка с самыми потогонными условиями труда, или сборщик мусора с двумя грузовиками. Если речь идет об обычном предприятии с несколькими рабочими, «организатор» вступает в сделку с хозяином, и тот предлагает своим людям под страхом увольнения вступить в профсоюз. Рабочих вынуждают платить еженедельные или ежемесячные взносы этому «организатору», теперь уже именуящему себя председателем местного комитета профсоюза, или его секретарем, или казначеем. Это самое настоящее вымогательство, и «организатор» обычно получает деньги не только от рабочих, но и от хозяина. Деньги у рабочих удерживают из зарплаты, а хозяин платит за то, что у него не возникает никаких недоразумений с рабочими; при таком «организаторе» они не осмеливаются требовать повышения ставок, не решаются бастовать и так далее. На жаргоне гангстеров это называется «контрактом по любви». В результате хозяева, хотя бы изредка и на короткое время, получают некоторые выгоды, рабочие же – никогда.

– Ну, это-то мне понятно, особенно после некоторых показаний на заседаниях комиссии на прошлой неделе, – кивнул Брейден. – Неясно другое: что это дает Рафферти и почему комиссия так интересуется этой стороной его деятельности. Зачем ему создавать липовые профсоюзные организации?

Джейк с сожалением взглянул на него и повернулся к Шерману:

– Боб, объясни ему, пожалуйста.

– Видите ли, – заговорил Шерман, – не знаю, так это или не так, но утверждают, что Рафферти стремится занять место Сэма Фарроу и стать президентом профсоюза транспортных рабочих. А президент, кстати, получает сто тысяч долларов в год. И еще надо учесть одно: тот же Фарроу успел стать миллионером, пока занимал этот пост. Во всяком случае, ни для кого не секрет, что Рафферти спит и видит себя на его месте. Но лично я думаю, что его влечет власть, а не деньги.

Осенью нынешнего года должен состояться всеамериканский съезд профсоюза транспортных рабочих. По уставу каждая местная профсоюзная организация посылает на него своих делегатов, избирающих затем состав центрального руководства союза или его исполнительный комитет. Рафферти располагает голосами многих делегатов, однако это еще не значит, что избрание ему уже обеспечено. Следовательно, чем больше Рафферти создаст местных профорганизаций (неважно, фиктивных или настоящих), тем больше у него будет голосов. Комиссия пытается доказать, что Рафферти, действуя через Томми Фаричетти, нанял целую банду профессиональных гангстеров и вымогателей и с ее помощью повсеместно фабрикует профсоюзные организации, делегаты которых потом проголосуют за него. Не так ли, Джейк?

– Да, так думают все и, по-моему, даже старик Фарроу, хотя до последнего времени он оставался глухим и слепым. Надо полагать, правительству тоже известно, что происходит.

– И вы думаете... – начал было Брейден, но Джейк уже встал и отодвинул свой стул.

– Думаю, что если я не хочу, чтобы меня выгнали с работы, мне следует поторопиться и не опоздать на заседание комиссии.

Шерман с беспокойством взглянул на часы, быстро поднялся и направился к выходу; Медоу поспешил за ним.

– Расплатитесь по счету, – бросил он Брейдену на ходу. – Потом сочтемся.

Джек Рафферти лежал, вытянувшись на застеленной покрывалом кровати. Он упорно смотрел в потолок и, разговаривая с собеседником, даже не трудился поворачивать к нему голову.

– Ну хорошо, хорошо, – согласился он. – Закажи все, что хочешь. А я не голоден – мне только содовой и льда. Виски у нас еще есть?

– Есть, и порядочно, – ответил Морт Коффман.

– Вот видишь. Закажи только содовой и льда. Предупреди телефонистку на коммутаторе, черт бы ее побрал, пусть ни с кем меня не соединяет. Это касается абсолютно всех – я ни с кем не хочу разговаривать.

– Но звонила твоя жена и просила тебя позвонить, как только...

– Ничего я ей не могу сказать. Никому ничего не могу сказать. Я хочу полежать и подумать.

– Послушай, Джек, – тревожился Коффман, недоумевающе посматривая на своего клиента. – Ты уверен, что не делаешь ошибки? Может, лучше все же переговорить кое с кем хотя бы по телефону?

– Мне не о чем с ними разговаривать! – повторил Рафферти. – Мало у меня своих неприятностей?

– Джек, я понимаю, почему ты не хочешь разговаривать, например, с Фаричетти. Но Сэм Фарроу! Уж со стариком-то ты мог бы поговорить. Он ведь беспокоится. Он очень встревожен.

Рафферти нахмурился, вытер пот со лба и заерзал, пытаясь устроиться поудобнее.

– Да, у него много причин для тревоги, – заметил он, – но все, что я сейчас могу ему сказать, только еще больше его обеспокоит.

– Так-то оно так, – согласился Коффман, – тем не менее, он почувствует себя гораздо лучше, если ты позвонишь ему и скажешь, что намерен сделать.

Рафферти холодно взглянул на адвоката.

– Черт бы тебя побрал! – воскликнул он. – Откуда я знаю, что мне придется сказать или сделать?! Как я могу его успокоить? Я и сам не ожидал многих вопросов, они оказались для меня такими же неожиданными, как и для всех остальных. Я-то думал, что знаю все, чем располагают Эймс и комиссия, все, о чем они будут спрашивать. Теперь ясно, что эти согладатаи разнюхали много такого, чего, как я надеялся, никто никогда не узнает. Приходится ориентироваться на ходу, иного выхода у меня нет. А потому, пока не прояснится положение, бессмысленно с кем бы то ни было разговаривать.

– Извини за напоминание, но ты сам не захотел воспользоваться пятой поправкой и...

– Что сделано, то сделано, сожалеть бесполезно. Повторяю, иного выхода у меня нет, остается только выслушать вопросы и в меру сил отвечать на них.

– Понимаю, понимаю. Ну, а что ты будешь делать, если тебе начнут задавать вопросы, на которые ты не сможешь ответить?

Рафферти сел на край кровати и долго угрюмо смотрел на своего низенького собеседника.

– Вопросов, на которые я не мог бы ответить, не существует. Пойми это своей башкой, Морт! Вопросов, на которые я не мог бы ответить, просто нет. Конечно, я ничего не стану рассказывать комиссии по собственной инициативе, но не буду и лжесвидетельствовать.

– Джек, – медленно качая головой, заметил Коффман, – ты отдаешь себе отчет, что многие могут пострадать, и пострадать весьма основательно?

– А как же иначе? – резко ответил Рафферти. – Конечно, кое-кто может пострадать. Да и сам я могу пострадать, верно? Но я иду на риск. На такой же риск в свое время пошел Босуорт, и хотя мне его очень жаль, я не чувствую за собой никакой вины. Он понимал, на что идет, когда давал согласие работать со мной, когда получал от меня деньги, принимал различные одолжения, участвовал в некоторых сделках. Каждому из нас приходится рисковать. Я никого не хочу компрометировать, но, черт возьми, не могу же я нянчиться с теми, кому когда-то сделал одолжение. Я никого не обманываю, не обманываю и себя... Да, да, уверяю тебя, я себя не обманываю. Перед явкой в комиссию я знал, что иду вовсе не на пикник. Это давно уже следовало бы понять и всем остальным. Говорить же с ними, успокаивать их... к дьяволу! Сейчас я козел отпущения! Сейчас комиссия пытается во что бы то ни стало разоблачить меня. Мне некогда беспокоиться о других, у меня больше чем достаточно своих неприятностей, и я должен прежде всего побеспокоиться о себе... Ну, если ты все-таки хочешь поесть сегодня, не забудь сделать заказ. Может, ты не хочешь есть? А я вот хочу выпить, только обязательно с содовой и льдом.

Рафферти подождал, пока Коффман делал по телефону заказ, потом встал, потянулся и снова заговорил, но теперь уже значительно дружелюбнее.

– Морт, да перестань ты беспокоиться! Не забудь, именно на этом погорели и Босуорт, и Сэм, и все остальные. Надо было действовать, а они только и знали, что беспокоились. Я поступлю иначе.

Как именно, и сам не знаю, пока не услышу всех вопросов. Во всяком случае, заранее беспокоиться не буду. Я бы никогда не достиг своего нынешнего положения, если бы только

беспокоился и ничего другого не делал. Идет драка, обычная драка, и чем больше бьет противник, тем больше должен отвечать ты. Вот и вся истина.

В дверь постучали, Коффман вздохнул и пошел открывать.

– Конечно, конечно, Джек, – на ходу сказал он. – Правда, в нашем случае есть небольшое исключение. Дело в том, что в этой драке могут пострадать не враги, а друзья.

– Ну и что? Когда на улице идет драка, ведь и среди зевак бывают жертвы, – небрежно ответил Рафферти.

Глава десятая

На этот раз сенатор Эрли решил отступить от своей неизменной привычки и не пошел в столовую сената. Ему предстояло провести весьма важную для дальнейшего следствия беседу с двумя приглашенными на ленч лицами, и он не хотел, чтобы ему мешали. Эрли зарезервировал столик в ресторане гостиницы «Мейфлауэр» и договорился с метрдотелем, что для них найдется уголок, где они смогут чувствовать себя в относительном уединении.

Орманд Феллоуз попытался было уклониться от этого ленча. Днем он обычно довольствовался лишь стаканом молока, а тут к тому же предчувствовал, что Эрли начнет о чем-то просить его. Но Эрли проявил настойчивость, и Феллоуз в конце концов уступил. Он не сомневался, что не удержится и съест больше, чем следует, но вместе с тем не сомневался и в другом: ничто и никто, в том числе и Эрли, не заставит его ни на йоту отступить от процедуры расследования, которую он разработал в качестве председателя следственной комиссии.

Другим гостем сенатора был конгрессмен Харви Эллисон.

– ...Я, разумеется, согласен, – продолжал Эрли, – что его методы недопустимы и противозаконны. Но самое главное, по-моему, – это не давать ему возможности компрометировать организованное профдвижение в целом.

– Совершенно верно, сенатор, – согласился Орманд Феллоуз. – Тут нет никаких сомнений. Однако мы обязаны изгнать паршивую овцу из стада. Освещая ярким лучом гласности махинации Рафферти и ему подобных, мы оказываем неоценимую услугу всем трудящимся и законно существующим профсоюзам.

– Правильно, – кивнул Эрли. – Тем более необходимо со всей определенностью указать общественности на тот факт, что мошенники и обманщики в профсоюзах – не правило, а исключение. Говоря о Рафферти, я все же склоняюсь к мысли, что он, сам того не желая, чрезмерно увлекся осуществлением принципа «цель оправдывает средства», хотя...

– Минуточку, сенатор, – остановил его Эллисон. – Уж не ставите ли вы под сомнение материалы, собранные нашими следователями?

– Никак нет. Более того, без всяких колебаний я первым готов признать, что многие из этих материалов явились для меня полной и весьма неприятной неожиданностью. Ведь я знаю Джека Рафферти уже много лет, а Сэма Фарроу – еще больше. Разумеется, Сэма я считаю честным профсоюзным деятелем. Да, согласен, многие его поступки сейчас кажутся нам сомнительными, и все же он честен, пусть по-своему. То же самое хотелось бы мне сказать и о Рафферти, но... увы!

– Фарроу обманывал налоговые органы и выдоил у рядовых членов своего союза сотни тысяч долларов, – едко заметил Эллисон. – Его счастье, если он не кончит свои дни в тюрьме.

Эрли повернулся к конгрессмену и холодно взглянул на него.

– Полагаю, вы просто не понимаете Сэма Фарроу, – заметил он. – Фарроу сделал для членов своего профсоюза, вероятно, больше, чем любой другой профсоюзный лидер в нашей стране. Я помню, как Генри Форд установил для своих рабочих ставку в пять долларов в день. Для того времени это был неслыханно прогрессивный шаг. Зарботки рабочих сразу увеличились, а сам Форд отхватил сотни миллионов. И ведь одно время никто не находил в этом ничего предосудительного, а Форда считали чуть ли не благодетелем. И никто не возмущался его доходами. Так вот, когда Фарроу пришел к руководству союзом, его члены получали тридцать пять центов в час, а сейчас получают куда больше. Он добился для них восьмичасового рабочего дня и пятидневной недели, пенсий и пособий по временной нетрудоспособности. Самому Фарроу перепало за это время около миллиона долларов –

примерно по доллару с каждого члена профсоюза. По-моему, он вполне этого заслужил.

– Сенатор, мы говорим не о том, – возразил Эллисон. – Я не беру под сомнение вопрос, заслужил он миллион долларов или не заслужил. Я выражаю сомнение в правильности методов, при помощи которых он приобрел эти средства. Что же касается Рафферти, то я не только ставлю под сомнение его методы, но осуждаю их.

– А я и не защищаю Рафферти, – ответил Эрли, – но по-прежнему утверждаю, что наше расследование не должно превращаться в очередную охоту за ведьмами, а его результаты не должны скомпрометировать здоровое профдвижение, и тем более привести к его полному осуждению.

– Но об этом никто и не говорит, сенатор, – вмешался Орманд Феллоуз. – Ни меня, ни других членов комиссии нельзя обвинить во враждебном отношении к профсоюзам. Однако мы должны очистить профсоюзы от гангстеров, шантажистов, жуликов и иже с ними.

– Понятно, – согласился Эрли. – И тем не менее, у меня создается впечатление, что мы уделяем чрезмерное внимание частной жизни Рафферти и его частной предпринимательской деятельности. История с его женой, с Босуортом, полученный нами материал о мисс Харт...

– Сенатор, – снова перебил его Феллоуз, – по-моему, вы не учитываете одного обстоятельства. Все эти данные проливают яркий свет на отношения Рафферти с его профсоюзами и с организациями, представляющими наше организованное профдвижение. Я полагаю, вы понимаете, что Рафферти, как и все другие профсоюзные лидеры, находится, так сказать, на виду у публики. Рабочие сделали его своим избранником, защитником своих интересов. Как и у всякого общественного деятеля, пользующегося доверием публики, его личная жизнь и его деятельность должны быть вне всяких подозрений.

– Рафферти и ему подобные должны быть изгнаны из профдвижения, – повторил Эллисон. Эрли бросил на него ледяной взгляд.

– До сих пор я считал, – сказал он, – что цель нашей комиссии состоит лишь в сборе информации, которая поможет решить, существует ли необходимость в каких-то законодательных актах для урегулирования отношений между рабочими и служащими, с одной стороны, и предпринимателями – с другой. Мы не суд и не прокуратура, а всего лишь следственная комиссия.

Орманд Феллоуз задумчиво посмотрел на своего коллегу. «Пустозвон и лицемер! – подумал он. – Эрли добился своего назначения членом этой комиссии только для того, чтобы не допустить выработки какого-нибудь законопроекта, касающегося профсоюзов. О злоупотреблении в профсоюзах он знает не меньше меня, и о Рафферти и ему подобных тоже. Однако сейчас предпочитает помалкивать об этом.

Ну, а Эллисон? Этот еще хуже! В комиссию пришел только ради саморекламы. Потому-то и не имеет собственного мнения. Держит нос по ветру: „Рафферти преступник? Да, да!.. Рафферти герой? Ну конечно!..“»

Тут Орманд Феллоуз спросил себя, к чему же, собственно говоря, стремится он сам. Ведь и его, как других, можно подозревать в чем угодно. Конечно, и он не отказывается от рекламы, соответствующим образом поданной. Конечно, и ему хочется, чтобы избиратели его округа видели, как хорошо он работает. Да, да, и против известности он не возражает. Глупо критиковать других. Эрли имеет право защищать профсоюзы так же, как Тилден имеет право защищать предпринимателей. Следовательно, он обязан соблюдать объективность и добросовестно выполнять обязанности председателя комиссии.

Весь завтрак Томми Фаричетти состоял из двойной порции крепкого виски без льда, которое он выпил из стакана для полоскания зубов. Рано утром он выехал из гостиницы и остановился в туристском кемпинге на окраине Александрии штат Виргиния, где зарегистрировался у дежурного администратора под фамилией Энтони Рейнджера. Прибыл он сюда в черном лимузине, арендованном на ту же фамилию. На имя Рейнджера Томми заранее запасся и водительскими правами, и всякими другими документами. Весь его багаж состоял из чемодана с чистой сорочкой, сменой белья, бритвенным прибором и несколькими бутылками виски. При нем был еще портативный телевизор; к внутренней стороне задней стенки

телевизора он прикрепил с помощью клейкой ленты восемь тысячедолларовых банкнотов.

Фаричетти сменил местожительство по совету своего адвоката. Френсиз Макнамара полагал, что полиция вот-вот арестует Томми, и очень сомневался, что на этот раз ему удастся взять своего клиента на поруки. Попозже он заехал к Фаричетти в кемпинг и застал его у телевизора: передавали показания Рафферти. Макнамара пробыл у Томми весь перерыв между заседаниями комиссии, и не потому, что так ему хотелось, а потому, что Фаричетти разговаривался.

– Не понимаю, – жаловался Фаричетти, – почему Джек не пытается связаться со мной, даже не звонит. Он же знает, где меня найти – ты ведь говорил ему?

– Конечно. Он прекрасно знает, где тебя найти.

– Тогда почему он не звонит? Почему? Я хочу знать, что мне делать. Я хочу...

– Послушай, Томми. Ну как ты не понимаешь! У Рафферти сейчас своих забот хоть отбавляй. У него есть о чем подумать и без тебя...

– Он обязан подумать обо мне. Он обещал поддерживать со мной связь. Он сказал, чтобы я не беспокоился. Он обещал...

– Он многим кое-что обещал и многим кое-что говорил. Скорее всего, он и Босуорта просил ни о чем не беспокоиться.

– Что ты хочешь этим сказать? – резко спросил Фаричетти.

– А то, что он, попросив Босуорта не беспокоиться, продал его. Выдал и продал. Может, так же он собирается поступить и сейчас.

Фаричетти вскочил и швырнул стакан с недопитым виски в угол комнаты.

– Ты что, спятил, Френсиз? – крикнул он. – Что ты мелешь? Босуорт всегда был ничтожеством. И Джек, и все мы знали это. Ничтожество, пустое место, понимаешь?

– Босуорт был старым другом Рафферти. Они воспитывались в одной школе, верно? – с насмешкой заметил адвокат. – Они знали друг друга с детства, и все же это не помешало Рафферти бросить Босуорта на съедение волкам.

– Это совсем другое дело, – возразил Фаричетти. – Босуорт не был одним из наших ребят.

– А знаешь, дружище, у меня есть для тебя новость, коль скоро ты так настроен. Ты вот молишься на Рафферти, а он ведь тоже не из ваших. Пора бы тебе перестать обманывать себя. Джека нельзя считать чьим-то по одной простой причине: он, Джек Рафферти, всегда был, есть и будет только за Джека Рафферти и ни за кого больше.

– Может, язык у тебя подвешен и хорошо, Френсиз, но в людях ты ни черта не понимаешь. Джек никогда и ни за что на свете не бросал и не бросит своих друзей. Я знаю многих, кто без колебания отдаст за него свою жизнь.

– Босуорт уже это сделал.

– Господи, перестань талдычить одно и то же! – крикнул Фаричетти; он схватил бутылку с виски, жадно отхлебнул и, скривившись, вытер рот ладонью. – Перестань, слышишь? Я знаю, Джек верен друзьям. Меня он не бросит, не в его это интересах. Черт побери, да я столько о нем знаю, что если заговорю, ему крепко не поздоровится.

– А он знает о тебе столько, что ты прямым ходом сядешь на электрический стул.

Фаричетти долго взвешивал услышанное.

– Нет, ты неправ, – наконец тихо сказал он. – Ты ошибаешься. Он никогда меня не предаст. В этом, кстати, нет необходимости, тем более, что у него есть и влияние и связи, чтобы, наоборот, помочь мне, а не предавать.

– Не хотелось бы расстраивать тебя, Томми, – заметил Макнамара, – но ты мой клиент, и я должен быть откровенным. Сейчас Джеку Рафферти самому потребуется все его влияние и все его связи, чтобы выйти сухим из воды. Вряд ли он станет хлопотать о других.

– Нет, нет, – упорствовал Фаричетти, – ты его не знаешь, ты просто не понимаешь, о чем говоришь. Я был с Джеком в номере гостиницы, когда он одного сенатора, как мальчишку на побегушках, послал в аптеку. Я слышал, как он орал на судью, – тот на пять минут опоздал на встречу. Я видел, как один из самых влиятельных в Вашингтоне деятелей минут десять держал его пальто, пока Джек валял дурака с телефонисткой. Нет, у него есть связи, и именно такие, какие нужно!

– Да связи-то у него есть, – вздохнул Макнамара, – однако он не помог тебе, когда тебя привлекли к ответственности. Его связей даже в профсоюзе транспортных рабочих оказалось недостаточно, чтобы организовать тебе поддержку местных профсоюзных организаций. Связи Рафферти не помогли замаять историю в Нью-Йорке, за которую тебя могут засаать в тюрьму на весь остаток твоей жизни.

– Да, верно, – фыркнул Фаричетти, рассматривая носки своих ботинок. – Кто-то растрепался, и я погорел. Но откуда Джеку было знать, что кто-то стукнет на меня в ФБР? В чем тут вина Джека? И все равно он обещал подмазать кого следует и сказал, что мне нечего волноваться, он все уладит. О чем же ты беспокоишься?

– Беспокоишься главным образом ты. Ты не понимаешь, отчего он тебе не звонит. Никак не уразумеешь, почему он, выступая сегодня утром с показаниями, отрицал, что является твоим близким другом... Пожалуйста, пойми меня правильно: конечно, я тоже беспокоюсь. Ты мой клиент, и я обязан помочь тебе избежать ареста и тюрьмы. Я сделаю все, что в моих силах. По правде говоря, я очень беспокоюсь. Меня волнует, что, выгораживая себя, Рафферти топит других. Меня тревожит форма, в какой он дал понять, что ответственность за тебя несет скорее Сэм Фарроу, чем он сам.

Нет, я тебя не виню – ты правильно делаешь, что беспокоишься, – продолжал Макнамара. – Но беспокойся, пожалуйста, о том, о чем следует беспокоиться. Он не звонит нам либо потому, что очень занят, либо из-за того, что за ним очень уж следят. Это как раз меня меньше беспокоит. Меня тревожит, что он вообще решился давать показания. Я по опыту знаю, что если человек начал давать показания, то он не знает где остановиться. А когда говоришь перед комиссией по расследованию, то трудно остановиться, даже если и захочешь. А я, помимо всего, далеко не уверен, захочет ли Рафферти остановиться.

Долгое время Фаричетти молчал. Наконец он поднял голову.

– Френсиз, – задумчиво сказал он, – считаешь ли ты, если все останется, как есть, и если Джек по той или иной причине не сумеет меня выручить, считаешь ли ты, что мне удастся опровергнуть обвинение?

Макнамара присел на край кровати и провел рукой по волосам. Он смотрел не на своего клиента, а себе под ноги.

– У тебя нет ни единого шанса из миллиона, – тихо ответил он. – Ни единого. И я сейчас объясню почему.

Дело вовсе не в том, что случай этот сам по себе трудный. И даже не в том, что если все останется, как есть, я не в силах найти оправдательный материал. Вероятно, где-то в процессе следствия ты сам себя запутал. Теперь тобой интересуется не только нью-йоркская полиция, но и ФБР. На тебя идет охота. Возможно, это за старые дела, а может, ты стал чересчур известным. Не знаю. Но, судя по всему, выбор пал на тебя. У меня предчувствие, что если на этот раз тебя возьмут, то надолго. У тебя уже три судимости в штате Нью-Йорк, а мы-то с тобой знаем, что означает еще одна.

Меня беспокоит не только нью-йоркское дело. И не только присутствие агентов ФБР. Беда в том, что работают они, по-моему, в контакте с полицией и принесут тебя в жертву. Ты понимаешь, почему я так думаю? С Сэмом Фарроу кончено. Его будут судить за уклонение от уплаты подоходного налога и, возможно, за мошенничество. Ничего, конечно, страшного, если не принимать во внимание, что ему за семьдесят. Засааат еще с пяток его подручных, вроде Каменетти, Сэмми Коуна, Ричардса и Голдмена и прочих подонков. Могут притянуть к ответу и еще кое-кого из Лос-Анджелеса и Чикаго. И так пришибляат Рафферти, что он и думать перестанет о председательском кресле в ПСТР. На большее по отношению к нему они не пойдут. А вот ты можешь им здорово пригодиться. Требуется хотя бы одно известное имя, один человек, чтобы показать, на что они способны. Если бы в это дело с ПСТР был замешан такой парень, как Энастазия, – помнишь историю с докерами? – они бы наверняка выбрали его. Но подвернулся ты, и это их тоже вполне устраивает. Вот почему, я думаю, отвечать придется тебе.

Фаричетти слушал своего адвоката, полуоткрыв рот и не спуская с него взгляда.

– И все-таки я не понимаю, Френсиз, – тяжело вздохнул он. – Я же действовал осторожно. Очень осторожно. Ни разу не терял головы и поступал только так, как советовал мне Джек. Я следовал его наставлениям, ты же знаешь. Он бы не дал мне запутаться.

– Он дал тебе запутаться, – буркнул Макнамара. – Пойми ты это, дал, дал. Теперь вопрос только в том, сумеет он выручить тебя или нет. До вчерашнего дня я был уверен, что все будет в порядке. Я не сомневался, что все пройдет гладко. Но теперь, когда он, вместо того, чтобы сослаться на пятую поправку, решил давать показания, я совсем не уверен. Да, не уверен.

– Почему? Что изменилось? Какое отношение...

– Если он не будет говорить правду, его обвинят в лжесвидетельстве, – объяснил Макнамара. – А если он будет говорить правду, тогда...

Снова Томми долго молчал. Наконец он поднял взгляд и, пожав плечами, протянул вперед руки.

– Так что же мне делать? – спросил он.

– Сидеть тихо и следить, как развиваются события. Услышим, что скажет Джек, когда вы встретитесь. Увидим, что принесут нам ближайшие два-три дня. Но я был бы плохим адвокатом и никуда негодным другом, если бы не предупредил тебя, что готовиться надо к худшему. Это может случиться.

– А если случится?

– Сматывай удочки. Убирайся из Америки. Беги на Кубу, в Мексику или обратно в Италию. Но беги.

Фаричетти поднялся с места и прошелся по комнате. Он взял бутылку, но не стал ее откупоривать, а снова сел, держа бутылку между коленями. Он не смотрел на Макнамару.

– Нет, – сказал он. – Нет, я не побегу.

Макнамара взглянул на него и впервые подумал, что Томми Фаричетти уже далеко не молод.

– Мне пятьдесят семь, – сказал Фаричетти, словно отвечая на мысли своего адвоката. – Пятьдесят семь, Френсиз. Я слишком стар, чтобы пускаться в бег. Слишком стар, чтобы ехать на Кубу, в Мексику или Италию. Слишком стар, чтобы начинать все сначала. У меня жена и дети. Семья. Дом в Бруклине, цветочный магазин, акции в компании химчисток. Я не побегу. Не могу. Слишком поздно.

Макнамара покачал головой.

– Тогда...

– Я подожду. Подожду, что скажет Джек. Подожду, пока он скажет мне, что делать. Пока он не выпутается. Я верю ему, он мой друг. Я должен ему верить. Я слишком много для него сделал, слишком долго был с ним связан, чтобы не доверять ему. Мне плевать, как он поступит с остальными, меня не интересует ни Босуорт, ни даже Фарроу. Я забочусь только о себе. И он не может меня предать. Запомни, Френсиз, меня предать он не имеет права.

Он откупорил бутылку и сделал большой глоток.

– Включи телевизор, – сказал он. – Уже два, сейчас начнут. До чего же паршивое изображение из-за этих переносных антенн! – вздохнул он.

Эдди Рафферти поднял взгляд на сестру. Она вбежала в комнату и с размаху бросилась в старое кресло со сломанными пружинами, которое он и Марти не могли поделить, когда им случалось одновременно приезжать домой и спать в одной спальне.

– Как все надоело, – протянула Энн, обиженно выпячивая нижнюю губу. – Просто противно. Обращается со мной, как с ребенком.

Эдди пожал плечами и отвернулся. У него были свои заботы.

– В чем дело? – все-таки пробормотал он.

– Вы, наверное, думаете, что я ничего не понимаю, – продолжала Энн, не отвечая на его вопрос. Она глубоко вздохнула. – Дай сигарету, – потребовала она.

– Сигарету? – Эдди снова обернулся. – Ты прекрасно знаешь, что тебе запрещается...

– Знаю, знаю, – перебила его Энн. – Знаю, что мне запрещается курить. И наверх меня только что отправили потому, что мне запрещается смотреть телевизор. И еще мне запрещается...

– Ты смотришь его уже два дня не отрываясь, – возразил Эдди. – Тебя еще не тошнит?

– Нет, не тошнит, – рассердилась Энн. – Кроме того, сейчас как раз будут показывать эту Харт, и я хочу послушать...

– Не знаю, как ты, – перебил ее Эдди, – а я сыт этим по горло. И не хочу смотреть никаких передач. И читать об этом больше не хочу. Даже думать не хочу...

– Подожди, – перебила его Энн и выпрямилась в своем кресле. – Чем это ты занят?

Только сейчас она заметила, что на кровати лежит чемодан, куда брат бросает свои вещи из комода.

Эдди даже не повернулся к ней.

– Собираю вещи, – пробормотал он, не заботясь, слышит его сестра или нет. – Собираю вещи и ухожу.

С минуту она растерянно смотрела на него, словно перед ней стоял совершенно чужой человек. Смешно: Эдди и Марти близнецы, а ведь они совсем разные. Марти она любила больше. Марти – вылитый отец. А Эдди, худой и высокий, похож на настоящего ирландца, хотя волосы у него рыжеватые, как у матери, и ее черты лица. Эдди вспыльчив, и присущее брату чувство юмора у него отсутствует, он все воспринимает чересчур всерьез. Да, во многих отношениях он для нее чужой. Разумеется, его она тоже любит, просто он какой-то другой. Не такой, как Марти. Марти, который так похож на отца.

Ей было ужасно жаль Марти. Она представляла, как он переживает. Марти отдыхал в летнем лагере вместе со своим лучшим другом Хэдном Босуортом-младшим, когда стало известно с самоубийстве старшего Босуорта. Вчера вечером Марти позвонил и сказал, что уезжает из лагеря. Говорил коротко, без всяких подробностей, но все они поняли, как ему тяжело.

Вдруг до сознания Энн дошел ответ брата.

– Что? – спросила она. – Как это собираешь вещи и уходишь? Какого черта...

– А вот так, – ответил Эдди. – Хватит. Сыт. И выхожу из игры. Мне осточертел и этот дом, и все в нем. И в колледж я тоже не намерен возвращаться. Я ухожу в армию. Мне все равно скоро срок, так уж лучше я пойду прямо сейчас.

Энн смотрела на него во все глаза.

– Что это на вас с Марти накатило? – спросила она. – Тронулись вы, что ли, слегка? Один уезжает из лагеря только потому, что отец Хэдна... Одним словом, ты знаешь. Не понимаю, почему Марти все так тяжело воспринимает. По-моему, это Хэдн Босуорт должен психовать, а не Марти. Его же отец это сделал. А Марти-то чего стыдиться?

– Чего стыдиться? – Эдди резко обернулся, глаза его блеснули. – Дурочка ты, – горько сказал он. – Ей-богу, Энн, порой меня поражает, какая ты...

– Не смей называть меня дурочкой! – крикнула Энн. Она вскочила, подбоченилась, глаза у нее тоже загорелись. – Пусть я глупа, но не настолько же, чтобы не понимать, в чем тут дело. Отец Хэдна Босуорта покончил с собой, потому что потерял все свои деньги да еще стало известно, что он воспитывался в приюте. Ну и что? Наш отец из того же приюта и гордится этим, а не стыдится. Не понимаю, почему?..

Пожав плечами, Эдди снова повернулся к своему чемодану.

– Тебе многое непонятно, сестренка, – сказал он. – Очень многое. Дело вовсе не в приюте, дело в том, как он там очутился. И что случилось давным-давно с его отцом и матерью. Это была его тайна. Он ее тщательно хранил. И что же? Отец лучшего друга его сына, человек, который считался его собственным другом, рассказывает всю эту историю всему миру.

– Папа принял присягу и обязан честно отвечать на вопросы, – упорствовала Энн. – Ты сам прекрасно знаешь...

– Знаю, знаю, – ответил Эдди, – все знаю. Он и сейчас под присягой и, наверное, будет отвечать на все вопросы – тоже честно, не сомневаюсь, – об этой Джил Харт. Как ты думаешь, почему мама отправила тебя наверх? Чтобы ты не слушала его ответы.

Энн покраснела.

– Ты хочешь сказать, что папа и эта женщина...

– Ничего я не хочу сказать, – ответил Эдди. – Ничего и никому я не собираюсь говорить. Я и сам ничего не хочу знать. Мне бы только поскорей собрать свои вещи и выбраться отсюда. Я хочу как можно скорей удрать из этого дома и из этого города. – Он помедлил секунду, потом полез в карман, достал смятую пачку сигарет и кинул сестре. – На, возьми, – сказал он, – и ради бога, уходи отсюда и дай мне закончить мои дела.

Энн, держа сигарету в руке, пристально смотрела на него.

– Значит, ты идешь в армию? – спросила она. – И в колледж не собираешься возвращаться? А как же Кэрол? Разве ты...

– Я ей напишу, – коротко ответил Эдди. – Она, наверное, не очень будет огорчена, – горько добавил он, – после того, что ей довелось услышать про нашу семью за последние дни. Ей и прежде-то было не очень просто объяснить своим, что отец ее жениха – профсоюзный лидер, а что она скажет теперь, когда стало известно, что он якшается с гангстерами и женщинами легкого поведения? Что...

– Папа просто делает то...

– Защищай, защищай его, – сказал Эдди. – Это твой долг. Ты такая же, как он. Всегда поступаешь так, как тебе хочется, а на остальных наплевать. Защищай. А сейчас уходи, беги по своим делам. И, сестренка, – добавил он более мягким тоном, – не говори маме о моем уходе. Я позвоню ей потом. Ей и без того плохо.

В дверях вдруг появилась голова Марты Рафферти.

– Почему мне и без того плохо, Эдди? – спросила она. – О чем это вы здесь толкуете? Такой хороший день, шли бы лучше куда-нибудь. Не понимаю... – Она вдруг замолчала, увидев чемодан на кровати и вещи в нем. – Эдди, что это ты...

Сын покорно повернулся к ней.

– Собираю вещи, – ответил он. – Собираю вещи и ухожу. Я решил пойти в армию. Мне все равно придется когда-нибудь это сделать, так уж лучше я пойду сейчас.

Энн Рафферти стала потихоньку пробираться к дверям, но мать схватила ее за руку.

– Ты останешься здесь, – сказала она; голос ее внезапно обрел твердость. – Эдди, – повернулась она к сыну, – Эдди, ты что, сошел с ума? Что это значит: «пойти в армию»? Ты что, окончательно рехнулся? А как колледж? Ты хочешь сказать, что осенью не вернешься на Восточное побережье, чтобы закончить...

– Я еще успею это сделать. Может, попозже, когда демобилизуюсь...

Марта подошла к кровати и села с краю, беспомощно уронив руки.

– Что с вами случилось? – спросила она, переводя взгляд с одного на другого. – Что на вас всех нашло? Он не вернется в колледж! А что скажет отец? После демобилизации! Ты что, прикидываешься дурачком? Тебе прекрасно известно, что отец ни за что на свете не позволит...

– Отцу сейчас не до меня, – ответил Эдди. – У него и без того хватает забот. Ты извини меня, мама, но будет так, как я сказал. Я уже достаточно взрослый, чтобы самому решать свою судьбу. И я решил, что сейчас мне прежде всего нужно уйти из этого дома и из нашей семьи. У меня есть почти все...

– А чем вам не угодил наша семья, молодой человек? – язвительно спросила Марта. – Чем именно...

– Чем? Посмотри телевизор сегодня и завтра, и ты получишь ответ. А обо мне не беспокойся. Думай лучше об Энн и об этом подонке Эбботе, с которым она шляется. Я сам о себе позабочусь.

– Не трогай Бадда, – кинулась на него Энн. – Сам ты подонок вместе со своей высокомерной девицей из Бостона...

– Дети, дети, – вмешалась Марта, – а ну-ка оба перестаньте. Если бы отец... – Она не договорила.

Сидя на краю постели, она смотрела на своих детей и испытывала чувство беспомощности. Беспомощности и отчаяния.

Глава одиннадцатая

– А теперь, мистер Рафферти, будьте любезны ответить, сколько лет вы знакомы с мисс Харт?

Задав свой вопрос, Джордж Моррис Эймс инстинктивно взглянул туда, где, он знал, сидит Джил Харт. Все присутствующие, за исключением сенатора Феллоуза я самого свидетеля, последовали взглядом за взглядом Эймса.

Джил Харт сидела выпрямившись, ее большие серо-голубые глаза были широко открыты, она смотрела куда-то поверх левого уха главного юрисконсульта, но ничего не видела.

– Около десяти лет, – ответил Рафферти.

– Какого характера отношения у вас были с мисс Харт?

Коффман наклонился к своему клиенту, но Рафферти ответил быстро, не дав адвокату возможности заявить протест.

– У нас были деловые отношения, – объяснил он. – Я бы назвал их отношениями предпринимателя и служащей.

– Кто познакомил вас с мисс Харт?

– Не помню. Это было давно...

– Не Томми Фаричетти?

Рафферти стиснул губы, но ответил быстро:

– Не думаю. Я не уверен даже, знал ли я Фаричетти в то время. Я...

Да, думала она, предприниматель и служащая. Он прав. Он говорит правду. Именно такими были их отношения. Отношения и многое, многое другое.

Странно, думала она. В самом деле, странно. Я, вероятно, единственный человек во всем мире, кто знает и любит его. Любят его, наверное, несколько человек. Может, жена, дети, наверное. Вероятно, Томми Фаричетти. А знают его, конечно, многие. Босуорт знал. Может, и Сэм Фарроу. Знают по-настоящему. Но только я, я одна, сумела и знать его, и любить.

– В то время мисс Харт звали Джейн Кафов, правильно?

– Да.

– Она была актрисой варьете?

– Совершенно верно.

– За какие же достоинства вы приняли мисс Кафов, или мисс Харт, как она себя называет, на работу в комитет профсоюза?

– Мисс Харт стала работать у нас не сразу. Это произошло лишь...

Она сидела с холодным и отчужденным видом, безразличная ко взглядам, безразличная к окружающим, и смотрела лишь вперед, на Эймса, когда он задавал вопросы. Выражение ее лица не менялось. А лицо ее, хотя ей было уже тридцать, с безупречной кожей и без единой морщинки было почти безукоризненно красивым. Бледность ее была заметна, несмотря на тщательный грим, и хотя она, безусловно, чувствовала пристальное внимание окружающих и слышала их шепот, она ни разу не покраснела, ни разу не показала, что вопросы и ответы касаются лично ее.

Ее разум, казалось, раздвоился, мысль работала в двух измерениях. Она сидела и слушала те же самые вопросы, которые только на прошлой неделе задавали ей, когда, стоя на свидетельском месте, застывшими односложными фразами она отказывалась отвечать, ссылаясь на пятую поправку, и назвала только свое имя и адрес. Она слушала вопросы и ответы Рафферти, и они запечатлевались лишь в одной половине ее мозга. А другая была в тысяче миль от этого помещения. В этой половине родились воспоминания о тех десяти годах, в течение которых она была знакома с Джеком Рафферти, а также о том времени, которое прошло до того, как он появился на ее пути.

Те десять лет, которые были связаны с Джеком Рафферти ей помнились превосходно, впрочем все годы ее жизни были в той или иной степени памятными.

Джейн Кафов. Да, так ее когда-то звали. И то, что она стала Джил Харт как раз в то время, когда впервые встретила Рафферти, было просто совпадением. Новое имя не имело никакого отношения к Рафферти, но в какой-то степени знаменовало собой те перемены, которым суждено было произойти. Потому что Джейн Кафов и Джил Харт были совершенно разные люди, и у той девушки, которая стала Джил Харт, кроме внешнего облика, не было ничего общего с той, что была Джейн Кафов.

Джейн Кафов, в сущности, умерла еще десять лет назад, но сейчас, услышав все вопросы, касающиеся Джил Харт, она снова ожила, и та часть ее разума, которая не была отвлечена происходящим, погрузилась в прошлое.

По рассказам она знала, что родилась на Сто второй улице нью-йоркского Ист-энда – так оно, наверное, и было. Но вот вспомнить, когда ей впервые довелось осознать мрачное убожество их квартиры, где не было даже элементарных удобств, она не могла.

Превратившись в Джил Харт, она сознательно старалась вычеркнуть из памяти все воспоминания о своем детстве. Не потому, что ей в те годы было так уж плохо. Только оглядываясь назад, она видела свое детство жалким и безрадостным. А в те времена оно казалось ей вполне обычным и естественным.

Ее отца уже давно не было в живых; он умер, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Она помнила его суровым, вечно всем недовольным человеком, который работал либо слесарем-водопроводчиком, либо уборщиком в тех домах, где они жили. Он никак не мог забыть, что в Европе до переезда в Америку служил в банке, и так и не сумел ни освоиться в Новом Свете, ни выучить чужой язык. Во всех своих бедах он был склонен винить собственную жену, чья жизнь прошла в нищете, тяжком труде и родах. Джейн Кафов не любила отца и мало была привязана к своим четырем братьям, очень похожим на него, но более грубым, безжалостным и гораздо более стойким в борьбе за существование.

Мать ее была еще жива и жила в Куинзе у старшего сына, помогала ему поднимать троих сирот. А брат, громадное, неуклюжее животное, работал грузчиком в порту, очень редко вспоминал о сестре и не одобрял ее занятий. Поэтому Джил неохотно встречалась с родными. Мать тоже по ней не скучала. У них было мало общего, а ту небольшую привязанность, которую Джулия Кафов испытывала к своим детям, пришлось делить на столько долей, что эта привязанность ничего не значила.

Единственное, что вынесла Джейн Кафов из своей среды, это трезвое понимание жестокой действительности с самого раннего возраста. И еще, пожалуй, животный инстинкт самосохранения. Она узнала цену деньгам много раньше большинства своих сверстников. Да и сущность отношений между полами стала ей известна еще тогда, когда другим девочкам неведомо было даже, чем они отличаются от мальчиков.

Когда ей минуло девять лет, она уже понимала, что означает скрип пружин старого сломанного матраца в комнате родителей, где до пяти лет спала вместе с младшим братишкой. Потом их перевели в маленький альков в соседней комнате. Она видела, что отец обычно приходит домой довольно поздно и навеселе, приняв изрядную долю дешевого виски, и тащит мать, невзирая на ее протесты, в спальню. А они, она и ее братья, остаются за дверью, порой лукаво переглядываясь, по большей частью притворяясь, что ничего не слышат. То, что происходит в спальне, понимала она, хочет отец, а мать это ненавидит и сопротивляется.

Она рано повзрослела. К четырнадцати годам, хотя ей и суждено было подрасти еще на пару дюймов и прибавить несколько фунтов веса, она была уже вполне созревшей женщиной. Этому немало способствовало и то, что в том же году ее грубо и жестоко изнасиловали.

Случилось это так, как случается со многими хорошенькими девушками бедных кварталов больших городов. Подобно многим подросткам, среди которых она жила, Джейн Кафов кое-что подрабатывала. Два-три вечера в неделю она сидела с соседскими детьми, получая за это пятьдесят центов в час. Чаще всего ее приглашали в семью, которая жила в том же доме, этажом выше. Мать этих детей была квалифицированная медицинская сестра, которой часто приходилось дежурить по ночам, а ее муж, коротышка с грудью колесом, лет под пятьдесят, без единой кровинки в лице и бесцветными губами, был мясником. Он безукоризненно одевался и каждое воскресенье возил своих пухлых малышей через весь город в Центральный парк. Приятелей у него среди соседей не было, но, встречая кого-нибудь на лестнице или на улице, он всегда бывал до приторности вежлив. В те вечера, когда его жена работала, он не выходил из дома и сам присматривал за детьми. Но иногда просил Джейн подняться к ним и посидеть часа два-три, а сам куда-то исчезал.

Случилось это недели через две после смерти отца. Старший брат Фил, получив отпуск на похороны – он служил в армии – еще был дома, и Джейн не хотелось идти наверх, но Фил настоял. В семье было решено остаться жить в той же квартире, и двум старшим мальчикам,

которые еще учились в школе, предстояло помогать матери в уборке тех помещений, которые раньше убирал отец.

– Хочешь ты этого, Джейн, или нет, а нам всем придется взяться за работу, – сказал Фил. – Раз человек просит, чтобы ты посидела с его детьми, иди. И скажи ему, что он может не спешить домой к одиннадцати или к другому часу. Ты будешь сидеть столько, сколько понадобится. Нам нужны деньги. Каждый заработанный цент. Если бы отец сообразил вовремя застраховаться...

Она отправилась наверх и, хотя в этот вечер у них в школе были занятия, сказала мяснику, что он может не спешить и что она побудет с детьми столько, сколько нужно.

Он коротко кивнул, пробормотал какие-то слова по поводу смерти ее отца, поцеловал детей и ушел. Вернулся он около часу, одежда его была измята, похоже, он где-то упал. Хорошо отутюженные брюки были разорваны, галстук и шляпу он потерял. Светло-голубые глаза его были налиты кровью, и Джейн поняла, что он пьян.

Он едва взглянул на нее, когда вошел в квартиру, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Весь этот вечер она слушала радио и даже немного поспала в большом мягком кресле. На ней был свитер, короткая юбочка и туфли, надетые на босу ногу. Туфли она сбросила. Разбуженная шумом, она еще полулежала в кресле и терла глаза не совсем чистым кулаком, когда он появился в дверях. Она встала, потянулась, потом подошла к приемнику и выключила его.

– Ты нашла сок в холодильнике? – спросил он из другой комнаты.

– Да, спасибо, – ответила она.

– Там еще осталось?

– Да.

– Принеси мне, а я пока приготовлю тебе деньги. И себе возьми тоже, – сказал он. Голос его был хриплым.

Она вошла в кухню и открыла две бутылочки с соком. Когда она вернулась в гостиную, он уже стоял там без ботинок, в одних носках. Он снял также свой испачканный пиджак и рубашку и был в нижней рубашке. Проходя через комнату, она почти бессознательно отметила, что брюки у него расстегнуты. Но это не удивило и не испугало ее. Она знала, что он нередко возвращается домой пьяный и прежде всего идет в ванную. В таком виде ее отец и братья очень часто бродили по квартире.

– Деньги на комод, – сказал он. – Пойди отсчитай, сколько я тебе должен. Я что-то плохо соображаю.

Пожав плечами, она прошла мимо него в спальню.

Она увидела, что мальчик, которому было пять лет, проснулся и сидит в своей кроватке. А девочка, года на два помладше, спит. Она увидела на комод деньги и направилась, чтобы взять их, как вдруг услышала, что дверь захлопнулась.

Не успела она повернуться, как он подхватил ее сзади.

Ни разу в течение последующих десяти – двенадцати минут она не издала ни единого звука. Не было слышно ни слов, ни крика, только детское посапывание, тяжелое дыхание мясника, шорох да старый знакомый скрип пружин матраца. Борьба была короткой, быстрой, сражение шло в полном безмолвии.

Он еще раньше сообразил снять брюки и кальсоны и, войдя следом за ней в спальню, одной рукой поднял ее и, неся на постель, заткнул ей рот, а другой сумел сорвать с нее юбку.

Она боролась изо всех сил, стараясь выцарапать ему глаза, ударить коленом в пах, но он был слишком сильным и тяжелым по сравнению с ней. Когда он очутился на ней, ее маленькие квадратные зубы впились ему в плечо. Тело его было соленым, горьковатым на вкус, и ей стало так противно, что она разжала зубы раньше, чем он вlepил ей пощечину.

Она не переставала сопротивляться и драться в течение всего акта и даже когда вдруг ее пронзила безумная боль, она почти не отреагировала на нее. Только когда все кончилось и он, задыхаясь, замер в неподвижности, ей удалось выползти из-под его тяжелого тела.

Самое странное заключалось в том, что она ни на минуту не испытала страха. Она была потрясена, ей было противно, но не страшно. Она сразу же поняла, что он от нее хочет, что он сделает. Это было то же самое, чего вечно добивались все мужчины и мальчишки.

В ушах у нее стоял звон от пощечины, которую он ей влепил, когда она его укусила, и было больно внутри. Она чувствовала, как теплая струйка крови бежит у нее по ноге. И все-таки страха она не испытывала.

Она прошла по комнате, надела юбку и, не глядя на него, сказала:

– Жирный сукин сын, ты разорвал мне юбку!

Он сел на краю постели и, стараясь скрыть наготу, натянул на себя серую от грязи простыню. Он не смотрел на нее.

– Возьми деньги, – не отрывая глаз от пола, сказал он. – Возьми все и купи себе несколько новых юбок.

Он поднял взгляд, но глаза его были пустыми. Проснулась и заверещала девочка.

– Там сорок долларов, если не больше, – сказал он. – Возьми все.

Она повернулась к комоду. На нем лежали три десятки, пятерка и несколько однодолларовых бумажек. Она не стала высчитывать, сколько он ей должен за сиденье с детьми, а просто схватила пятидолларовую купюру. Остальные деньги она сбросила на пол.

– Свинья! Грязная свинья! – крикнула она и бросилась к двери, схватив свои туфли.

Фил сидел в кухне и слушал радио. На столе перед ним стояло полдюжины пустых бутылок из-под пива. Свою форменную рубашку он снял.

Он едва взглянул на нее, когда она вбежала.

Она бросилась к приемнику, выключила его, села за стол напротив брата и, не проронив ни единой слезинки, рассказала ему все, что произошло.

Он ни одним словом не перебил ее, молчал, пока она не высказалась до конца.

– Он тебе ничего не повредил? – наконец спросил он.

Он не смотрел на нее, но и она сидела неподвижно, уставившись в пол.

– Не знаю, – вспыхнула она. – Все произошло так быстро.

Он встал, свалив со стола початую бутылку с пивом.

– Мерзавец! – сказал он. – Грязная тварь!

И мрачно взглянул на нее с таким видом, будто она была во всем виновата.

– Ложись в постель, – сказал он. – Иди ложись.

Он направился к двери.

– Фил, – сказала она. – Фил, что ты хочешь...

– Я сказал, ложись, – прорычал он.

Дверь захлопнулась, она услышала его тяжелые шаги по лестнице: он шел наверх.

И тут она впервые заплакала. Она сидела за столом, смотрела на дверь. Лицо ее ничего не выражало, но слезы градом струились по бледным грязным щекам.

Он отсутствовал недолго. Порой ей казалось, что она слышит шум наверху. Ей хотелось пойти наверх, постоять у дверей, послушать, что там происходит, но она боялась.

Через полчаса Фил вернулся. Когда он вошел, лицо его было еще более мрачным и угрюмым, чем обычно. В руке он держал деньги, которые, войдя в комнату, сунул себе в карман.

Увидев ее, он остановился.

– По-моему, я велел тебе ложиться, – сказал он.

– Фил, – начала она, – Фил, что...

– Если с тобой что произойдет, – грубо сказал он, – по крайней мере, будет, чем расплатиться с врачом. А теперь – ложись. И еще одно: никому об этом не говори. Ни слова. Ни матери, ни братьям, никому. Понятно? Ты должна молчать.

Она смотрела на него, не понимая.

– Разве полиция...

Он быстро подошел к ней и схватил ее за плечи. Лицо у него было суровое и жесткое.

– Ты слышала, что я сказал? – спросил он, и пальцы его больно сдавили ее руку. – Ты уже и так наделала дел. Что тебе еще нужно? Ложись, я сказал. Ничего с тобой не случилось. Понимаешь – не случилось! И помни – ты должна молчать. Остальное твое дело. Если тебе охота, можешь опять сидеть с их детьми, но про то, что случилось, молчи. Если что будет не так, я о тебе позабочусь. А пока заткнись и отправляйся в постель, не то мать проснется, – сказал он и повернул ее лицом к двери.

Она плакала до тех пор, пока не уснула. Она плакала от боли и усталости, которые испытывало ее хрупкое тело после жестокого обращения. Она плакала от обиды, потому что понимала: раз брат взял деньги у мясника, значит, нанесенная ей обида останется безнаказанной, брат даже не возражал, чтобы она снова пошла в ту квартиру.

Вскоре после того, как ей исполнилось пятнадцать лет, Джейн Кафов ушла из школы и поступила на настоящую работу. Она работала на фабрике, получала неплохое жалованье и каждую неделю отдавала деньги матери. К этому времени у нее был постоянный молодой человек, но, боясь, что он обнаружит, что она уже не девушка, требовала, чтобы он в своих ухаживаниях «не заходил далеко».

В течение последующих двух лет она часто меняла работу: была регистратором, продавщицей у Вулверта, сестрой у зубного врача (ради ее внешности врач примирился с отсутствием у нее опыта), телефонисткой (после того, как врач попытался сделать то, что сделал в свое время мясник, но менее успешно, потому что теперь она уже знала, как в подобном случае защищаться).

Она больше не жила у себя в семье, а вместе с двумя другими девицами снимала квартиру на восточной Одиннадцатой улице, каждую получку посылая матери небольшие деньги. Одна из девушек оказалась манекенщицей, и Джейн захотелось попробовать себя в этой роли. Первое время она совсем не умела одеваться, пользоваться косметикой, позировать, но снимали ее такие фотографы, которые работали в основном для детективных и бульварных журнальчиков – и поэтому она вполне пришлась им по душе. В конце концов ей удалось обрести знакомство в одном из солидных агентств, и она стала настоящей манекенщицей, зарабатывая довольно большие деньги. За это время она научилась очень многому.

Она научилась держаться подальше от тех мужчин, которые имели обыкновение заводить знакомство с красивыми девушками, а потом превращать их в профессиональных проституток. Научилась она избегать и молодых людей приятной наружности, у которых не было ни денег, ни серьезных намерений, а лишь желание развлекаться, пока они не повзрослеют достаточно, чтобы жениться на девушке из своего круга.

Она научилась покупать и носить действительно красивые вещи, ухаживать за лицом и телом, разговаривать так, что люди, с которыми она встречалась и имела дело, и заподозрить не могли, где прошло ее детство.

Но самое важное – она осознала необходимость продвижения по социальной лестнице и обретения определенного положения. Ей хотелось стать актрисой, получать роли, добиться славы и всего, что это дает. Она поступила в театральное училище и изо всех сил старалась овладеть тем мастерством, которому там обучали. Через год ей удалось устроиться хористкой в музыкальный театр, но иллюзий на свой счет она не испытывала. Ее взяли только за свежесть, молодость, красоту и отличную фигуру, а никак не за большой талант. Но это было лишь начало.

Именно тогда она и встретила с Томми Фаричетти. Томми имел обыкновение бывать за кулисами и дружил с труппой и администрацией. Все знали, что он вложил в театр немалые деньги, его сомнительная репутация тоже не была ни для кого секретом. Говорили, что раньше он был гангстером, замешан в каком-то деле, связанном с шантажом. Ей, конечно, и прежде доводилось встречать гангстеров и рэкетиоров, этих сторонников методов принуждения, которые терлись вокруг театрального бизнеса. Но Фаричетти отличался от них. Он был старше, вел себя сдержанно, не приставал к девушкам, не был сводником, не торговал наркотиками, как большинство тех темных типов, что постоянно болтались за кулисами, и все к нему хорошо относились. Одевался он солидно и со вкусом, говорил вежливо, не повышая голоса, и никогда не пользовался своим положением.

Когда Фаричетти предложил ей пойти с ним после репетиции пообедать, Джейн согласилась сразу. Ему было сорок восемь лет, но к тому времени она поняла, что возраст отнюдь не решающий фактор, что люди немолодые более симпатичны и с ними легче договориться. Кроме того, рестораны они выбирали посolidнее и водили на отличные спектакли.

Томми пригласил ее раза три-четыре, а затем решил высказать свои намерения. Джейн уже знала, что очень ему нравится, – он «клянул на нее», как он выразился, – и не была этим

удивлена. Ее поразило лишь то хладнокровие, с которым он объяснялся. Они сидели друг против друга за маленьким столиком в полуосвещенном ночном клубе. Он потянулся к ней, взял ее за руку и поглядел прямо в глаза. До этого он не сказал ни единого слова.

– Я тебе нравлюсь, девочка? – спросил он.

Она спокойно, не моргнув и глазом, смотрела на него. Высокий, худощавый, с темными волосами, поседевшими лишь на висках, узким смуглым с острым подбородком лицом, черными глазами, чуть искривленным носом и еле заметными шрамами на лбу, он был весьма недурен собой и выглядел вполне моложаво.

– Разумеется, – ответила она. – Разумеется, вы мне нравитесь, Томми.

Он кивнул и улыбнулся, обнажив два ряда белоснежных зубов.

– И ты мне, – сказал он. – Ты мне очень нравишься, девочка. – Он отпустил ее руку и, глядя чуть поверх ее плеча, добавил: – Но тебе, вероятно, известно, что я женат.

– Я так и думала.

– Правильно. Женат и имею детей. По правде говоря, я уже дед. У меня есть дом в Бруклине, где я живу большую часть времени. Меня такая жизнь устраивает, и я не собираюсь ее менять.

– Вот и хорошо, – заметила она.

– Я просто хочу сразу же внести ясность в наши отношения, – объяснил он. – И еще одно. Я не люблю играть по большой. Иногда – можно. Если я чувствую, что в руки идет что-то верное. Но когда ничего серьезного нет, я стараюсь, чтобы в семье у меня было тихо. Со шлюхами я дела не имею. Не хочу сказать, что я ангел безгрешный, но во всяком случае за юбками не бегаю.

Она кивнула, не совсем понимая, куда он клонит, и не очень этим интересуясь.

– Вот так обстоят дела, – сказал он. – Тебя я знаю недавно и сравнительно мало. Но кое-что мне известно. Ты не пьешь, в этом я уверен. И деньги для тебя не главное. Скажи мне: у тебя есть постоянный кавалер?

Она покачала головой.

– У меня нет на это времени, – ответила она.

Он хмыкнул.

– Отлично, – сказал он с улыбкой. – В таком случае делаю тебе предложение.

Она вопросительно подняла бровь.

– Как я уже сказал, ты мне нравишься. Я не потерял от тебя головы, не влюблен или что-то вроде этого, но ты мне нравишься. Чем-то ты мне напоминаешь мою дочку. – Тут он чуть усмехнулся. – Правда, иной раз я позволяю себе такие мысли о тебе, каких, клянусь богом, никогда не позволил бы о ней. Мне хочется пойти и лечь с тобой в постель. Наверное, не я один хочу этого.

Она снова спокойно кивнула.

– Многие, по-моему.

– Вот, значит, как? – закусил он нижнюю губу. – Тогда, может, ты разрешишь снять тебе квартиру? Работу можешь продолжать или бросить, как хочешь. Я дам тебе деньги и буду оплачивать твои счета. Иногда я буду у тебя оставаться, иногда уходить. Будешь решать сама, по крайней мере, остаться мне или нет. Я от тебя ничего не потребую. Единственное, я не хочу чтобы кто-нибудь еще...

Она потянулась через стол и в свою очередь взяла его за руку.

– Насколько я понимаю, Томми, вы предлагаете взять меня на содержание, сохранив в Бруклине все, как есть. Правильно?

– Именно так, девочка.

Несколько секунд она задумчиво смотрела на него.

– Спасибо, – наконец произнесла она. – Я и вправду благодарна вам. Я не шучу. А теперь позвольте мне сказать, что я думаю об этом. Вы сказали, что я не шлюха. И что вас проститутки не интересуют. По крайней мере, так я вас поняла. А если я позволю вам снять мне квартиру и оплачивать мои счета, значит, я буду брать у вас деньги. Вы ведь хотите со мною спать. Значит, что я такое? Беру у вас деньги и за это отдаюсь вам. В какое положение это ставит меня? Да и вас тоже?

– Не совсем так, – улыбнулся он, – пожав плечами. – Как я уже сказал, ты мне по-настоящему нравишься. Я, конечно, не знаю, какие чувства ты испытываешь ко мне, но ей-богу, не такой уж я плохой человек. И это совсем не то...

– Томми, – сказала она, – не обманывайте меня и не обманывайтесь сами. Если я буду спать с вами за деньги, если я позволю вам содержать меня, значит, я не лучше и не хуже любой проститутки. А я не хочу быть проституткой, не хочу испытывать то, что испытывают они. Я не хочу, чтобы меня содержали, пока не явится тот, для кого я буду единственной в жизни. Я не хочу брать деньги за то, что мне, быть может, придется не по душе, и уж тем более за то, что мне может полюбить. Я знаю, вы говорите от чистого сердца, но я тоже говорю, что думаю. Прежде всего я хочу чего-то добиться для себя. Если удастся, стану актрисой, если нет, то все равно останусь в театре. Я знаю, вы готовы хорошо ко мне относиться, готовы обо мне заботиться, но как раз сейчас мне не нужны ничьи заботы. Я хочу сама о себе заботиться.

Он еще долго смотрел на нее в раздумье, когда она кончила говорить. Потом еще раз пожал плечами и улыбнулся.

– Ладно, девочка, – сказал он, – ладно. Я тебя ни в чем не виню. И надеюсь, ты сумеешь кое-чего добиться. Уверен, что добьешься. Останемся друзьями?

– Конечно, Томми.

Они просидели в ресторане до самого закрытия, и впервые в жизни она выпила больше, чем до сих пор позволяла себе в течение одного вечера. Она даже чуть опьянела. Когда они вышли из ресторана, она позволила Томми отвезти ее в отель, снять там номер, где и провела с ним ночь. Он очень удивил ее своей нежностью и внимательностью, но пробудить в ней чувство не сумел. У нее уже были в жизни мужчины, она знала, что нужно делать, но на этот раз ничем не смогла ответить на чувство своего партнера. Правда, в отношениях с другими она ни разу не испытала настоящей страсти, но с ними, по крайней мере, было приятно, хотя это ощущение чем-то было связано с чувством легкой вины. А с Томми Фаричетти она не испытывала ничего, кроме утомления, граничащего со скукой. Это ее даже несколько напугало, она подумала, не случилось ли что с ней. Не принадлежит ли она к холодным женщинам?

Утром, когда она собралась уже встать, он снова притянул ее к себе, и она покорно позволила ему делать все, что он хочет. Но он понял ее мысли и отпустил ее. Он не рассердился и не обиделся.

– Я, наверное, не подхожу тебе, девочка, – сказал он. – Тем не менее, ты прелесть, и спасибо тебе за все. Не хочешь быть мне любовницей, оставайся, по крайней мере, другом, а я возьму тебя под свое крылышко.

Когда она в тот вечер пришла в театр, ее ждали два десятка роз и красивая коробочка с маркой известных ювелиров. В коробочке лежали платиновые часы.

Так началась их дружба, которая продолжалась очень долго. Порой он вел себя с ней как родной отец. Ни разу больше он не просился к ней в постель, зато довольно часто возил в рестораны, бары, на хоккей и бега.

Несколько раз он просил ее сопровождать его на приемы, где присутствовали политики и бизнесмены, а раза два – в качестве особого одолжения – пойти на свидание с незнакомым человеком, но сам тоже при этом присутствовал.

– Делать тебе ничего не нужно, – объяснял он. – Будь мила с этим парнем, и пусть он думает, что может добиться всего, чего ему захочется. Он нужен мне, девочка, а тебе беспокоиться нечего. Это уж моя забота, чтобы с тобой ничего не случилось и чтобы ты вернулась домой живой и невредимой.

Она была рада услужить ему в ответ за его доброе отношение.

Таким образом она и встретила с Джеком Рафферти.

Глава двенадцатая

Она сидела как раз на середине между выходом и свидетельским креслом, поэтому ей хорошо был виден Рафферти. Слегка наклонившись вперед и не сводя взгляда с Эймса, он невозмутимо отвечал на задаваемые ему вопросы. На нем была тонкая полотняная рубашка, сшитая вручную за границей, сделанный на заказ без единой морщинки костюм, за который, она

знала, заплачено не менее двухсот долларов, и двенадцатидолларовый приглушенных тонов галстук, свидетельствующий о хорошем вкусе. Знала, что брюки у него не на ремне, а на подтяжках, на пиджаке однобортного покроя столько пуговиц, сколько полагается, а туфли, в которые были обуты его ноги, сделаны по его собственной колодке в Лондоне и стоят сто десять долларов. Волосы у него сзади были аккуратно подстрижены, а гладкое лицо, она не сомневалась, чисто выбрито и в самую меру припудрено.

Тихим, ровным голосом Рафферти спокойно отвечал на вопросы, лишь изредка используя в речи жаргонные выражения. Десять лет. Фигура у него не изменилась: невысок, чуть тяжеловат, но толстым его не назовешь. Лицо гладкое, и даже редкие морщины, что появились вокруг глаз, были едва приметны. Волосы, все еще разделенные пробором с правой стороны, были без единой сединки и лишь чуть поредели над невысоким лбом. А вот руки, хоть маникюр и был сделан безупречно, все равно оставались руками рабочего. За эти десять лет он совсем не состарился, даже не изменился. И по-прежнему мало чем отличался от провинциала. И все же человек, который сейчас выступал перед комиссией, был вовсе не тот, кого она встретила десять лет назад. Совсем другой человек. Может быть, выглядели они одинаково, но и одежда, и манеры, и даже голос были разными. Да, может быть, выглядели они одинаково, нынешний Джек Рафферти и Джек Рафферти десятилетней давности, – все равно это были разные люди. Совсем разные. Даже сейчас она помнила все подробности, все...

Томми позвонил ей в театр во время антракта. Мюзикл шел всего неделю, и на этот спектакль возлагали большие надежды. Джил впервые получила сольную партию, но уже сумела преодолеть первые страхи и волнения, неизбежные в таких случаях. Она знала, что голос у нее небольшой, но публике – и что еще важнее, режиссеру, – она как будто нравится, и чувствовала себя отлично. Перед премьерой ей изменили имя на Джил Харт и под этим именем ее стали объявлять. Нет, не на больших афишах, пока только в программах. Поет Джил Харт.

Ее зовут к телефону, сказал ей помощник ведущего. Она вошла в кабинку возле выхода.

– Привет, девочка, – сказал Томми. – Как жизнь?

– Великолепно, – ответила она. – Просто великолепно, Томми.

– Ну и прекрасно, – сказал он. – Послушай, девочка, ты свободна после спектакля?

Джил ответила не сразу – только что договорилась с двумя хористками пойти вместе в ресторан.

– Послушай, – повторил он, не ожидая ответа, – что бы там ни было, отмени, ладно? Мне нужно, чтобы ты помогла мне в одном деле.

Она опять ответила не сразу, но в конце концов согласилась. Ведь это Томми помог ей получить роль. И посоветовал переменить имя – начать новую жизнь с этой новой роли.

– Пожалуйста, Томми, – сказала она. – Ты же знаешь, все, что могу.

– Дело это важное, девочка, – пояснил он. – Ко мне явился один парень с Запада, птица немалая. Я хочу устроить для него небольшую пирушку. Вчера мы были у вас на спектакле, он потом сказал мне, что ты ему очень понравилась. Вот я и решил сделать ему небольшой сюрприз. Он мне позарез нужен. Пригласи кого-нибудь из ваших девиц, мы после спектакля за вами заедем. Сходим куда-нибудь поужинать, а потом посидим у тебя.

– Хорошо, Томми, – согласилась она. – Мне бы только не хотелось, чтобы это дело затянулось допоздна да еще закончилось скандалом. Нам завтра рано на репетицию. Тут затеяли кое-какие изменения в последнем...

– Конечно, конечно, – перебил ее Томми. – О чем говорить, девочка? Никакого скандала. Не тот человек Рафферти, можешь быть уверена. Значит, ищи подружку, а мы приедем.

– Не назовешь ли ты сам, кто тебя интересует, Томми?

– Нет, девочка. Выбирай любую, но, конечно, не очень уж страшную. Она проведет вечер со мной, а ты будешь развлекать Рафферти.

Он повесил трубку, она пошла на сцену, и только когда занавес упал в последний раз, вспомнила об этом разговоре. Найти подходящую девушку среди хористок особого труда не составляло.

Когда Джил и ее приятельница Мейвис, высокая худая блондинка, около половины двенадцатого вышли из театра, их уже ждали. Но Рафферти она заметила, лишь когда Томми,

шагнув вперед, с улыбкой представил его.

Рафферти стоял в свете уличного фонаря. Джил никогда не забудет того впечатления, которое он произвел на нее в эту их первую встречу.

Шляпу он держал прямо перед собой, стиснув в руках. На нем был измятый темный костюм, стоптанные коричневые ботинки, а рукава его голубой рубашки сантиметров на пять, по меньшей мере, высывались из-под рукавов пиджака. Пестрый галстук, завязанный нелепым узлом, был схвачен огромной булавкой с его инициалами. Постричься ему тоже не мешало бы, но выбрит он был чисто. Пока Томми представлял его, лицо Рафферти оставалось совершенно безучастным. Он был типичный провинциал, похожий, как две капли воды на тех, кого ей доводилось встречать, и она почти не сомневалась, что вот-вот он залетится краской и начнет заикаться. Но он только молча поклонился. И еще она заметила, что он, не отрываясь, смотрел на нее своими задумчивыми темными глазами, ни разу не поглядев в сторону Мейвис.

– Я обещал Джеку пошататься по городу, – весело сказал Томми. – Вы, девочки, наверное, тоже проголодались, поэтому куда бы нам направиться? В «Линди» или «Сарди», а может, вы сами...

– «Медный брус» не устроит? – предложила Мейвис, глядя на Рафферти.

Томми ответил ей неприязненным взглядом, и Джил поспешила вмешаться. Она знала, что, кто бы ни был этот человек, Томми он нужен, а ей хотелось помочь Томми. Тихонько толкнув Мейвис ногой, она сказала:

– Нам все равно куда, Томми. Может, вы что-нибудь предложите, мистер Рафферти?

– Здесь Томми хозяин, – пожав плечами, отозвался Рафферти.

Тогда Джил назвала один ресторанчик в восточной части города. Заведение это славилось отличной едой, но актеры туда ходили редко, потому что огни там всегда были притушены и нельзя было различить, кто сидит за соседним столиком. Ей хотелось угодить Томми, но очень уж не радовала возможность появиться в более фешенебельном месте в сопровождении его приятеля. Попадись я в сопровождении такого типа полицейским, подумала она, не миновать мне штрафа за приставание к мужчинам на улице.

Томми подозвал такси.

К тому времени, когда они устроились за столиком и Томми заказал бутылку шампанского, Мейвис немного повеселела, и даже Джил решила, что вечер может оказаться приятным. За ужином Рафферти говорил очень мало. Когда принесли счет, Томми поспешил расплатиться сам и, шлепнув Рафферти по плечу, не позволил дожидаться сдачи.

– А теперь, – сказал он, – мы можем поехать в ночной клуб или, если вы не против, к Джейн. Посидим, выпьем, послушаем музыку. Что скажешь, Джек?

– Я не очень люблю ночные клубы, – ответил Рафферти. – А разве вы не Джил? – без улыбки обратился он к ней.

– Еще на прошлой неделе я была Джейн, – засмеялась она. – Джейн Кафов. Но Томми придумал мне новое имя. Теперь я Джил Харт. Томми решил, что в театре имя должно быть благозвучным.

– А как же мне называть вас: Джейн или Джил?

– Называй ее «милочка», – захохотал Томми.

– Джил, – ответила она. – Теперь это мое единственное имя. Навсегда.

– Идет, – согласился Рафферти. – Буду называть вас Джил.

– А я вас Джек.

– Отлично, – рассмеялась Мейвис. – Джек и Джил. Что случилось? Кто кого заворожил?

Джил тоже хотела было засмеяться, но, подняв глаза, увидела, что Рафферти вдруг покраснел. Когда они вышли из ресторана и пошли впереди, он бережно держал ее под руку.

Вечер обещал оказаться одним из самых тоскливых в ее жизни.

Играл проигрыватель, Томми и Мейвис танцевали, а Рафферти, сидя на диване, пил виски с содовой и почти все время молчал. Виски, по-видимому, не оказывало на него никакого действия, он оставался таким же сдержанным. Джил пригласила его танцевать, но он помотал головой – не умеет. Он устал, сказал он, лучше он посидит и послушает музыку.

Когда Джил была на кухне, туда вошел Томми, закрыв за собой дверь.

– Что с ним? – спросила она, кивнув в сторону комнаты. – Можно подумать, что у нас тут поминки.

– Не беспокойся за него, девочка, – ласково обняв ее, тихо сказал Томми. – Можешь мне не верить, но это действительно большой человек. По-настоящему большой. Председатель лос-анджелесского комитета профсоюза транспортных рабочих. А придет время, и он станет одним из самых крупных боссов в стране.

Ей и раньше доводилось встречать профсоюзных лидеров, но ни один из них не был похож на Рафферти. В большинстве своем это были пронырливые и вместе с тем непокладистые итальянцы или ирландцы, которые отлично ориентировались в Нью-Йорке и на Бродвее чувствовали себя как дома. Она знала, что у Томми какие-то дела с профсоюзниками, и, хотя никогда не задавала ему вопросов, а он сам очень редко рассказывал ей о своих делах, профсоюзы и рэкет казались ей тесно связанными и, естественно, ассоциировались с нарушением закона. По крайней мере, те профсоюзные лидеры, с которыми ее знакомил Томми, ничем не отличались от гангстеров и рэкетиров.

– Он всегда такой разговорчивый? – насмешливо спросила она.

Томми взглянул на нее с самым серьезным видом и покачал головой.

– Это один из умнейших людей, которых я когда-либо знал, – сказал он. – Не ошибись, малютка, Джек Рафферти очень неглуп. Может, с виду он и кажется простачком, но в действительности голова у него золотая. Большой он человек, а будет еще больше. Он может сделать мне много добра, девочка, много добра. Вот почему я прошу тебя быть с ним любезнее.

– Я стараюсь, – ответила она, – но только никак не могу разгадать его желаний. Он совсем не обращает на меня внимания, сидит, слушает музыку и пьет. С Мейвис он и тремя словами за весь вечер не обмолвился.

– Он всегда такой. Но ты ему нравишься. Я это вижу. Ты ему нравишься, девочка.

– Странная у него манера выказывать свои симпатии, – заметила она.

– Послушай, девочка, – принялся убеждать ее Томми, – этот человек значит для меня немало. Он важная персона. Очень важная. Через несколько минут я исчезаю, и ты скажи Мейвис, чтобы она ушла вместе со мной. Если Джек пожелает остаться, пусть остается. Мне нужно, чтобы ты...

Отпрянув, она в недоумении уставилась на него.

– Что? Ты хочешь уйти и оставить этого типа со мной? Еще чего? Меня совсем не устраивает...

Приложив палец к ее губам, он схватил ее за плечо.

– Слушай, девочка, он тебя не изнасилует, не бойся. Не такой это человек. Мне просто нужно, чтобы ты...

– Я не боюсь, что меня изнасилуют, – перебила она. – Я боюсь умереть со скуки.

– Все будет в порядке, – успокоил ее Томми. – Не бойся. – Он опять стал серьезным. – Я же сказал тебе, что для меня это важно. Он может оказаться чертовски полезным, а если говорить честно, мне самому пока не удалось расположить его к себе. Вот я и прошу, чтобы ты мне помогла. Ты ему, по-видимому, нравишься, мне нужно, чтобы ты была с ним любезнее. Он, наверное, помалкивает из-за нас с Мейвис. Эти ребята с Запада все какие-то чудные. Так или иначе, сделай это для меня, малютка, идет?

– Пожалуйста, Томми, – согласилась она. – Я буду стараться изо всех сил. Но если желаешь знать мое мнение, то больше всего ему, по-моему, сейчас хочется добраться до постели в своем отеле.

Вслед за Томми она вошла в гостиную и увидела Рафферти возле проигрывателя: он менял пластинку. Поймав взгляд Мейвис, она увела ее в ванную.

– Томми хочет через несколько минут смотаться, – сказала она, – и просит, чтобы ты ушла вместе с ним, ладно?

Мейвис свистнула.

– Не возражаю, – ответила она. – А как насчет этого парня? Он остается?

– Не спрашивай и делай, что велит Томми, – ответила Джил.

Мейвис выразительно передернула плечами.

– Твои друзья – мои друзья, милочка.

Через полчаса Томми, допив стакан, встал и потянулся.

– Мне пора, Джек, – сказал он. – А ты можешь остаться с девушками, если хочешь. Они ведь до зари не ложатся.

Рафферти был в нерешительности.

– Может, мне тоже лучше...

– Ночь только начинается, – сказала Джил, стараясь подавить зевок. – Сидите, куда спешить. Я налью вам еще виски.

Он отдал ей стакан и снова уселся на диване.

Когда Джил вернулась из кухни, Томми в комнате уже не было. Исчезла и Мейвис.

– Она ушла с Фаричетти, – объяснил Рафферти, принимая стакан. – Сказала, что ей пора, и они отправились вместе. – Он чуть помолчал, глядя на свой стакан. – Может, мне тоже лучше уйти?

Она стояла перед ним, смотрела на него сверху вниз и думала: боже мой, он ведет себя, как мальчишка. Он и вправду выглядел молодо, но она догадывалась, что ему не меньше тридцати лет. Должно быть, столько, раз Томми сказал, что он важная птица. Впервые с той самой минуты, как их познакомили, она посмотрела ему в глаза, улыбнулась, а потом, рассмеялась.

– А может, вам лучше остаться? – спросила она, усаживаясь на диван рядом с ним. – Вы ведете себя, как маленький мальчик, который в чем-то провинился. А может, вы и вправду маленький мальчик?

Он тоже посмотрел ей прямо в лицо и в свою очередь улыбнулся. Эта улыбка совершенно преобразила его лицо. И не только лицо, а весь его облик. Она придала ему обаяние, непосредственность, живость.

– Нет, мэм, – ответил он, – я не маленький мальчик. Я уже давно вырос.

– Расскажите мне о себе, – попросила она.

– Меня зовут Джек Рафферти. Я живу в Лос-Анджелесе. Я... – Он помолчал несколько секунд, внимательно глядя на нее. – Я женат, у меня трое чудесных ребят. В Нью-Йорк я приехал на несколько дней. Я возглавляю городской комитет профсоюза транспортных рабочих. А теперь вы расскажите о себе.

– У меня, как вам уже известно, два имени. Но мы остановимся на Джил. Родилась я в Нью-Йорке, выросла в Нью-Йорке и люблю этот город. Я не замужем, и мне двадцать лет. Работают в театре. Живу одна и надеюсь, если научусь не спотыкаться на сцене, в один прекрасный день стать актрисой. Настоящей актрисой. Если сумею петь немного лучше, может, стану певицей. Пью я немного; должна следить за фигурой. Из всех видов спорта люблю, пожалуй, только бейсбол. Вот и все. И хватит обо мне. Давайте говорить про вас. Вам нравится Нью-Йорк? Вы здесь впервые?

Рафферти поставил свой стакан и повернулся к ней.

– Нет, – ответил он, – я часто бываю в Нью-Йорке. Я был здесь много раз. Я, вероятно, – он снова улыбнулся, и ее снова удивило, как улыбка преобразила весь его облик, – я, наверное, кажусь вам жутким провинциалом, – продолжал он, – а ведь я каждые две недели провожу день-два в Нью-Йорке. Просто я всегда очень занят. У меня нет времени на ночные клубы или что-либо подобное.

Он чуть отодвинулся и повернулся к ней лицом. Секунду он смотрел ей прямо в глаза, и она еще раз убедилась, что он не лишен привлекательности. Лицо у него было простоватое, не красивое и не уродливое, но глаза прозрачные, широко расставленные, а чуть искривленный нос подчеркивал силу его характера. Взгляд открытый. Впервые она обратила внимание на его руки: большие и мускулистые, ногти безупречной чистоты и коротко подстрижены. Это были сильные выразительные руки, они находились в постоянном движении, не лежали спокойно. Руки рабочего, но рабочего, который уже не занимался физическим трудом.

– Вы давно знаете Фаричетти? – спросил он.

– Это мой старый друг. А почему вы спросили?

Он снова ответил не сразу и вопросительно поглядел на нее. Заговорив, он продолжал смотреть ей в глаза.

– Он сказал мне, что, если я захочу, я могу спать с вами. Это правда?

Вопрос был настолько неожиданным, что секунду она сидела неподвижно, ошеломленная его бесцеремонностью. Он же продолжал смотреть на нее все с тем же непроницаемым выражением.

– Что ж, – наконец произнесла она, – боюсь, ваш приятель Томми Фаричетти немного ошибается. Как могли вы подумать...

– Я ничего не думаю, – перебил ее он. – Просто вы сказали, что он ваш друг. Вот я и передал вам его слова. Я увидел вас вчера на спектакле и сказал ему, что вы мне нравитесь. Он ответил, что знаком с вами и что, если я хочу, он может устроить это для меня. Я просто передаю его слова, нечего на меня обижаться. Я решил узнать, правда это или нет.

Она ужасно разозлилась на Томми, но в то же время разговор ее чем-то позабавил. Если это новый подход, то уж определенно в нем есть своеобразие. Она-то ожидала, что, оставшись с ней наедине, он немедленно обнаружит свои желания, и была уверена, что ей будет не так уж трудно поставить его на место. Но от такой прямоты она просто растерялась. И главное, Рафферти, по-видимому, несколько не был этим смущен.

– Томми следовало бы знать меня лучше, – сказала она. – И вам, кстати, тоже не мешает. За кого вы меня принимаете? Вы что, думаете, раз девушка работает в театре, значит, она готова спать с первым встречным? Вы думаете...

– Ничего я не думаю, – повторил Рафферти по-прежнему ровным голосом. – И, честно говоря, до вас я не знал ни одной актрисы. Вы первая. Я просто передал вам то, что сказал Томми. Если вы говорите, что он ошибается, я охотно вам верю.

– Конечно, ошибается, – подтвердила она. – Можете мне поверить. Очень даже ошибается. Просто не могу понять, как у Томми повернулся язык сказать такое...

– А я могу, – перебил ее он. – Я очень нужен Фаричетти в делах, в которые до сих пор не хотел вмешиваться. Вот он и пытается мне услужить или, по крайней мере, думает, что оказывает услугу.

– Но это не услуга мне, – резко сказала Джил.

– Вот как? – рассмеялся он, но не сделал попытки дотронуться до нее. – Вот как? Ну, не так уж я плох.

Она вдруг тоже рассмеялась.

– А я этого и не сказала.

– Вы не обидитесь, если я задам вам еще один вопрос?

– Задавайте, – позволила она. – Я ведь обижена не на вас, а на Томми. Я никогда не умела обижаться одновременно на двух людей.

– Вы живете с Томми?

– Что вы хотите этим сказать?

– Ну, вы же понимаете...

Она встала и подошла к проигрывателю.

– Нет, – ответила она, – не понимаю. Разрешите мне сразу кое-что вам объяснить. Прежде всего о себе. У меня нет привычки спать с первым попавшимся. Я не проститутка и не ищу развлечений, если вы понимаете, что это значит. У меня были друзья, будут, наверное, и дальше. Но какие у меня с ними отношения, это мое личное дело. Томми я никогда не любила, но он для меня добрый и верный товарищ. Он многое для меня сделал и был мне почти – я знаю, это звучит банально, – он был мне почти отцом. Обещая меня вам, он, конечно, допустил ошибку. Наверное, вы действительно очень нужны ему.

Сказав это, она вдруг сообразила, что если бы Томми убедил ее, что это дело крайней важности для него, она бы наверняка переспала с этим человеком. Но Томми не имел права хвастаться и обещать...

– Я же сказал, что я ему нужен, – подтвердил Рафферти. – Ладно, забудем Фаричетти. Наверное, он ошибся. Поэтому я хочу кое-что вам сказать. Можете считать меня дураком, но я рад, что он ошибся. Вы кажетесь мне славной девушкой. Чертовски славной. А теперь, если вы нальете мне еще стаканчик, я выпью и пойду. Постараюсь добраться до своего отеля и поспать хоть парочку часов. В восемь утра у меня деловое свидание.

– А у меня репетиция в девять, – сказала Джил. – Но я налью вам и выпью вместе с вами.

Через двадцать минут он поднялся, взял шляпу, и Джил пошла к двери проводить его. Тут она впервые заметила, что он всего на два-три дюйма выше нее, но что если научиться покупать вещи, то будет выглядеть вполне респектабельно.

Уже взявшись за дверную ручку, он на секунду замешкался, и вдруг протянул ей руку.

– Приятно было познакомиться с вами, – сказал он. – Спокойной вам ночи.

У него были крепкие сильные пальцы, и она ощутила непривычную дрожь, когда он пожал ей руку. Через минуту он ушел, и она вернулась в комнату.

Рафферти пробыл в Нью-Йорке еще шесть дней, и они виделись ежедневно. Так начались их отношения, странные, необычные отношения, в которых она до сих пор не разобралась. На следующий же день после их первой встречи он повел себя как любовник. Когда она утром пришла в театр, за кулисами ее ждала дюжина алых роз. На карточке было только имя: «Джек».

Днем он позвонил ей. Ему повезло, она оказалась дома. Он не назвал себя – в течение всех десяти лет их связи он ни разу, когда звонил, не назывался, считая, по-видимому, что никто другой ей звонить не может, – а просто поздоровался.

Она ответила, и наступило долгое молчание.

– Можем ли мы встретиться сегодня после спектакля? – наконец спросил он.

Она сразу поняла, кто говорит, хотя впервые слышала его голос по телефону, но на всякий случай спросила, кто.

– Рафферти, кто же еще, – ответил он, словно удивляясь, как она может спрашивать.

Она поблагодарила его за цветы, и снова наступило молчание.

– Так как насчет сегодня? – наконец выдал он.

– Пожалуй, да, – ответила она, сама удивляясь себе. Но согласилась сразу, не колеблясь, и прежде чем успела передумать, он, сказав «спасибо», повесил трубку.

Она недоумевала, почему он даже не сказал ей, заедет ли он за ней в театр или на квартиру, и откуда он знает номер ее телефона. Позже, когда они познакомились получше, она сообразила, что он запомнил его, когда был у нее дома. Он всегда все замечал и запоминал – это было в его характере.

Он ждал ее у дверей театра. На этот раз на нем был синий костюм с искрой, но те же стоптанные коричневые ботинки. Рубашка у него опять была голубая, только чуть иного оттенка. Они пошли в тот же ресторан, что и накануне.

Но если в день их знакомства Рафферти был необщителен и молчалив, то на этот раз с ним определенно произошла какая-то перемена. Болтал он без умолку. И в течение всех последующих встреч на той же неделе продолжал говорить. Он рассказывал ей о своей семье, о жене, дочери и двух сыновьях, рассказывал о своей жизни в Лос-Анджелесе и работе в профсоюзе. Он рассказывал о своем детстве и о годах, проведенных в приюте.

Но, рассказывая все это, он говорил словно не о самом себе, а о ком-то постороннем – вот что было странно. Он вел рассказ от первого лица, но ей все время казалось, что речь идет о каком-то другом человеке. Может, это ощущение возникало из-за его манеры рассказывать. Он перечислял события и факты, называя места и даты, но ни разу не позволил себе выразить собственное отношение к тому, о чем говорил, внести в свое повествование какие-то эмоции. Ей он больше не задавал никаких вопросов. Его, казалось, вполне удовлетворяло ее присутствие, то, что она сидит напротив него за столиком в ресторане или рядом с ним на диване в ее собственной гостиной.

Каждый день он посылал ей цветы, а когда она говорила, что этого не нужно, что это просто глупо, он лишь смеялся и отвечал, что ему хочется так делать. Но ни разу он не попытался заговорить о своих чувствах, ни разу не перевел разговор на то, во что выльются их отношения. Однажды, когда она не смогла с ним встретиться, так как у нее на этот день еще задолго было назначено свидание с кем-то еще, его голос по телефону звучал разочарованно и обиженно, но при очередной встрече на следующий день он даже не упомянул об этом и ни о чем не расспрашивал.

Вечером накануне его возвращения в Лос-Анджелес он впервые за все время заговорил о Томми Фаричетти. Они сидели за ужином в маленьком ресторанчике на Ист-сайде, куда она водила его все пять вечеров, в том самом ресторане, где они были в день своего знакомства, – к этому времени она убедилась, что всем остальным блюдам он предпочитает кровавый бифштекс

с жареным картофелем, – и молчали, после того как он сказал, что на следующий день должен ехать домой. Наконец он поднял на нее взгляд и улыбнулся.

– Мне бы хотелось попросить вас кое о чем, – сказал он.

Она посмотрела на него с любопытством, недоумевая, в чем может состоять его просьба, и кивнула.

– Насчет Томми Фаричетти, – сказал он.

– Вот как?

– Да. Мне бы не хотелось, чтобы вы часто с ним встречались, – сказал он. – Он ведь бандит.

Она не смогла скрыть удивления.

– Но мне казалось, он ваш знакомый?

– Да. У меня много таких знакомых. Приходится иметь дело с ними по работе.

– Понятно. Но разве Томми не имеет отношения к профсоюзам?

– Имеет.

– А вы?

Он посмотрел на нее смущенно, словно не зная, что ответить.

– Это разные вещи, – принялся он объяснять. – Вам не понять. Я не бандит и не гангстер. Моя работа – это моя жизнь. Это самое важное для меня на свете. Вам не понять. Это довольно сложная штука, и объяснять надо долго. А Томми – он славный парень, я знаю, – добавил он, когда она было открыла рот, чтобы возразить, – Томми Фаричетти уже был рэкетиrom, когда пришел в профсоюз. Я же был рабочим. Я прошел все ступени. Я никогда не был бандитом.

Объяснение это было весьма своеобразным, но он неоднократно излагал ей его в течение их десятилетнего знакомства и от своего убеждения ни разу не отказался.

– Во всяком случае, – добавил он, – вы молоды и только начинаете свою жизнь, и, по-моему, вам совершенно незачем якшаться с людьми, вроде Томми Фаричетти.

– Вот это мне нравится, – усмехнулась она. – Познакомил нас, кажется, он? И, кроме того, какое вам дело? Кто я вам?

Несколько секунд он пристально смотрел на нее.

– Не знаю, – пожав плечами, ответил он. – Ей-богу, не знаю.

Похожим на первую неделю оказался весь год. Непонятно было только, насколько серьезны его намерения. Ни разу в течение года он не попытался ни объяснить ей в любви, ни стать ее любовником. Ни разу не сделал попытки превратить их дружбу в более близкие отношения. Но, приезжая в Нью-Йорк, ежедневно посылал ей цветы и старался каждую свободную минуту проводить возле нее.

Он ухаживал за ней с пылкой страстью любовника, но если это была любовь, то очень уж странная и непонятная. Он ни разу не написал ей ни одного письма, но обязательно накануне приезда телеграфировал. Дважды делал ей небольшие подарки, преподносил какие-то недорогие безделушки. Он никогда не спрашивал ее, чем она занималась или с кем виделась в его отсутствие, но зато, когда бывал в Нью-Йорке, безумно ее ревновал, требуя, чтобы она отдавала ему все свое время.

Они ходили на стадион и порой, но довольно редко, бывали на бегах. Он любил самые незамысловатые забавы. Ему нравилось ездить с ней на Кони-Айленд, или он нанимал машину, и они отправлялись на пляж. Сам он никогда не входил в воду, – гораздо позже она узнала, что он не умеет плавать и стеснялся в этом признаться, – сидел на песке и смотрел, как она купается. Любил игровые аттракционы, особенно такие, где нужна ловкость – кидать мяч в чучело и тому подобное, – но проигрывать не любил и приходил в дурное настроение, если ничего не выигрывал.

Долгое время ей казалось, что, приезжая в Нью-Йорк, он скучает по дому, но постепенно она поняла, что это вовсе не так. По работе он встречался с очень многими людьми, и от Фаричетти ей стало известно, что если бы он захотел, то каждый вечер мог бы иметь новую девушку.

Иногда он приходил к ней домой, и она готовила ему ужин. Теперь она уже знала, что бифштекс с жареным картофелем его любимое блюдо и он готов его есть пять дней подряд; а потом они сидели и слушали музыку.

Он продолжал рассказывать о своих детях, и хотя она ни разу их не видела, ей казалось, что она знает их лучше, чем собственных братьев.

Иногда он упоминал о жене, но, описывая свои с ней отношения, говорил так, будто рассказывал о каких-то знакомых.

Он не интересовался ночными клубами и пил очень умеренно. В течение первого года она ни разу не видела его пьяным, кроме одного дня в конце августа, то есть примерно через год после вечера их знакомства, когда он, не предупредив, прилетел в Нью-Йорк и явился к ней в три часа ночи, чтобы сообщить, что его выбрали председателем юго-западного комитета.

В эту ночь все изменилось. В эту ночь их отношения вступили в новую эпоху.

Глава тринадцатая

Джордж Моррис Эймс протянул Орманду Феллоузу новую пачку бумаг. Тот, даже не взглянув на них, сказал:

– Прошу свидетеля опознать документы, которые ему вручаются. Это счета, оплаченные лос-анджелесским комитетом ПСТР. Они подписаны казначеем комитета и заверены мистером Рафферти. Датированы они разными годами и выписаны нью-йоркской «АК риэлти компани» на сумму от ста пятидесяти до трехсот десяти долларов. Не будет ли секретарь любезен передать свидетелю эти счета для опознания?

Клерк взял у него папку со счетами и вручил ее Рафферти.

Рафферти открыл папку и стал просматривать ее содержимое. Он проглядел, внимательно перечитывая, наверное, около десятка счетов, прежде чем вернуть папку клерку, который стоял рядом.

– Эти счета знакомы вам, мистер Рафферти? – спросил Феллоуз.

– Вроде да.

– Знакомы или не знакомы?

– Вероятно, мне приходилось видеть некоторые из них. За эти годы я видел немало счетов.

– На этих счетах ваша подпись?

– Наверное, да.

Феллоуз кивнул.

– Счета прикладываются к делу в качестве вещественного доказательства номер... – Он что-то еще говорил, передавая папку клерку, затем повернулся к главному юристконсульту.

– Можете продолжать, мистер Эймс.

Эймс встал и посмотрел на Рафферти. Теперь счета были у него в руках.

– Владельцем квартиры, в которой проживает мисс Харт, является «АК риэлти компани»?

– Да.

– И эти счета погашены в качестве платы за квартиру?

– Более или менее да.

– Другими словами, мистер Рафферти, лос-анджелесский комитет, президентом которого вы состоите в течение последних десяти лет, уже шесть лет оплачивает квартиру, арендуемую мисс Харт. Правильно?

– Да.

– Не можете ли вы объяснить мне, почему лос-анджелесский комитет оплачивает...

Рафферти не дал Эймсу договорить.

– Мисс Харт была сотрудницей комитета, – ответил он. – Оплата стоимости ее квартиры входит в общую сумму ее жалованья.

Эймс иронически улыбнулся.

– Имеет ли лос-анджелесский комитет практику оплачивать квартиры всех своих сотрудников? И иметь сотрудниц в Нью-Йорке?

– На какой вопрос я должен ответить сначала? – спокойно спросил Рафферти.

– Имеет ли комитет практику оплачивать квартиры всех своих сотрудников?

– Не всех, но оплачиваем. Смею вас заверить, что если, как в случае с мисс Харт, квартира оплачивается комитетом, эта сумма вычитается из жалованья сотрудника.

– А за что мисс Харт получала жалованье? – спросил Эймс.

В зале зашумели, и с полсотни голов повернулись в сторону Джил Харт. Председатель Феллоуз громко стукнул по столу своим молотком.

– В случае дальнейших нарушений порядка помещение будет очищено от публики, – заявил Феллоуз. Он заметил, что телевизионные камеры, отвернувшись от Рафферти и юрисконсульта, нацелились в ту часть зала, где сидела Джил Харт.

Дело это становится более сенсационным, чем какой-нибудь процесс по обвинению в убийстве, до которого так охочи первые страницы газет, с неудовольствием подумал Феллоуз. Он немного сожалел, что комиссия согласилась на привлечение к делу материалов, касающихся Джил Харт. Он предвидел, что может произойти нечто подобное. Но как было отказаться? Это часть того большого дела, которое они пытались расследовать до конца.

– Мисс Харт занимала несколько необычное положение в комитете, – спокойно ответил Рафферти. – Она вела организационную работу конфиденциального характера...

– Понятно. Значит, для ведения организационной работы лос-анджелесский комитет нанимает сотрудниц в Нью-Йорке?

– Я не сказал, что мисс Харт работала в Нью-Йорке, – возразил Рафферти, и в его голосе вдруг послышались резкие нотки. – Я сказал только, что она вела организационную работу. Она могла заниматься ею в любом месте: в Нью-Йорке, Кливленде, Лос-Анджелесе...

– Лас Вегасе или Майами, – закончил за него Эймс, даже не пытаясь скрыть иронии.

Морт Коффман вспыхнул и попытался было подняться, чтобы возразить, но Рафферти быстро схватил его за руку и покачал головой.

– Я уверен, – сказал он, – что главный юрисконсульт не настолько наивен, чтобы считать, что деятельность комитета лимитируется границами того города, в котором он находится. Наш комитет, комитет города Лос-Анджелеса, поддерживает контакт со многими городами. А поскольку я одновременно возглавляю и юго-западный региональный комитет, то мои собственные обязанности, естественно, распространяются далеко за пределы Лос-Анджелеса. Я посылаю сотрудников – порой взаимобразно – во многие комитеты в стране. Так обычно практикуется.

– Вернемся к мисс Харт, – сказал Эймс. – Вы утверждаете, что она была сотрудницей лос-анджелесского комитета. Ее фамилия фигурировала в платежной ведомости?

– Нет.

– Почему?

– Мисс Харт выполняла задания конфиденциального характера, как я уже сказал. Наводила справки, кое-что выясняла, словом, делала в самых различных местах то, что предшествует обычно организационной работе среди рабочих. Зачастую было предпочтительнее, чтобы она осуществляла свою деятельность втайне. Следовательно, и жалование она получала по специальной статье расходов.

– А как ей платили?

– Иногда деньгами, иногда чеком.

– А ответственным за эту специальную статью были вы?

– Да.

Секунду-две Эймс оставался в нерешительности, поглядывая на Феллоуза. Затем, сделав шаг назад, он заговорил, и стало ясно, что он намерен бросить бомбу. Голос его вдруг зазвучал высоко и резко.

– Правда ли, мистер Рафферти, что Джил Харт в течение последних восьми или десяти лет была вашей любовницей?

Не успел он договорить, как вскочил Коффман, громко выкрикивая слова протеста, а Феллоуз яростно застучал по столу молотком.

На этот раз прошло несколько минут, прежде чем Феллоузу удалось восстановить порядок. Он бы, наверное, осуществил свою угрозу и очистил помещение, если бы беспорядок наполовину не исходил из ложи прессы.

Все это время Рафферти, плотно закрыв правой рукой микрофон, что-то быстро говорил своему адвокату, который, отрицательно качая головой, явно с ним не соглашался. Однако было ясно, что Рафферти поступит по-своему. Он начал говорить почти сразу же, как только Феллоуз сделал присутствующим вторичное предупреждение.

– Позвольте прежде всего заявить, – начал он, – что я возмущен вопросом юрисконсульта и нахожу его незаконным и неуместным. Тем не менее, я отвечу на него, чтобы не оставлять никаких сомнений у членов комиссии и у тех, кто слушает разбор дела. Мисс Харт никогда не была, не является и не будет моей «любовницей», как вы изволили выразиться. Но поскольку главный юрисконсульт счел необходимым заговорить о моих отношениях с мисс Харт, мне бы хотелось с разрешения председателя несколько расширить свой ответ.

Он повернулся и перевел взгляд на сенатора Феллоуза.

– Говорите, – сказал Феллоуз. – Но пожалуйста, покороче. Следует продолжить разбор дела.

– Спасибо, – кивнул Рафферти. – Мисс Харт выполняла для союза работу конфиденциального характера. В этом, разумеется, нет ничего необычного. Администрация очень часто пользуется услугами тайных агентов, не брезгует этим и правительство Соединенных Штатов. Уважаемая комиссия, заседающая здесь, также располагает штатом секретных осведомителей. Мисс Харт живет в Нью-Йорке, одно время работала в театре и, возможно, за последнее время получила некоторую известность – все это совершенно справедливо. Но никто здесь не удивляется, если какая-нибудь фирма нанимает манекенщиц или актрис присутствовать во время заключения торговых сделок и развлекать покупателей, и я решительно не вижу ничего особенного в том, что мы пользовались услугами мисс Харт. Что же касается личной жизни мисс Харт, то это касается только ее самой. В качестве профсоюзного деятеля мне часто, к сожалению, приходится иметь дело с самыми разными людьми. Я не могу нести ответственность за моральные устои и частную жизнь тех, кто работает на нас. Членам комиссии, наверное, известно, что в союз могут пролезть гангстеры и рэкетиры, бандиты и вымогатели. Они проникают во все союзы в стране, несомненно, нашли дорогу и к нам. Могу только добавить, что, распознав их, мы тотчас же изгоняем их из наших рядов.

Он помолчал минуту, рассматривая свои руки.

– Я, разумеется, не отношу мисс Харт к вышеупомянутой категории, – продолжал он. – Я просто хочу сказать, что не несу ответственности за каждого человека, имеющего отношение к такой большой и сложной организации, какой является ПСТР. И еще одно, чтобы ответить на последний вопрос юрисконсульта: мисс Харт была только нашей сотрудницей. У меня не было с ней никаких личных отношений. С полной ответственностью могу заявить, что, вступая в любой контакт с мисс Харт, я всегда помнил, что нахожусь на службе у союза, что единственное, о чем мне следует заботиться, это моя работа, и что обязанности, которые мисс Харт несла, должны послужить только на благо либо лос-анджелесского, либо юго-западного комитета. Мисс Харт была для меня лишь помощницей в работе, не более того.

Услышав эти слова, Джил Харт почти бессознательно кивнула головой в знак подтверждения.

Да, думала она, да, он, пожалуй, говорит правду. Правду в широком смысле этого слова. Именно этим она была для него – помощницей в работе. Она лишь способствовала осуществлению его целей. Целых десять лет потребовалось, чтобы это понять, а ведь она могла бы догадаться той самой ночью, когда девять лет назад, прилетев в Нью-Йорк после избрания его председателем юго-западного регионального комитета, он без предупреждения ворвался к ней в квартиру.

Она сразу, как только открыла дверь и увидела его, поняла, что что-то случилось. Он был без шляпы – факт сам по себе необычный, – коричневый костюм из твида весь измят, галстук не затянут, воротник рубашки расстегнут. Но не неряшливый вид навел ее на мысль о том, что что-то произошло. Ее поразили горящие глаза и по-новому высокомерно сложенные губы.

От него пахло виски, и стоял он, вытаращив на нее глаза, поэтому она поняла, что он пьян, – уже это одно могло удивить ее. Но, кроме того, нечто еще, какая-то напряженность, чуть не истерия проглядывали наружу, давая понять, что имело место нечто серьезное.

– Джек! – воскликнула она. – Что вы здесь делаете, Джек? Каким образом вы здесь очутились? Сейчас уже больше трех.

Но он лишь стоял неподвижно и улыбался.

– Войдите и закройте дверь, – приказала она, взяв его за руку. – В чем дело? Что случилось? Почему вы не сообщили мне, что вы...

Она закрыла за ним дверь и защелкнула еще один замок. Вдруг он протянул руки и обнял ее.

– Детка! – сказал он. – Детка моя!

Спотыкаясь, он повернул ее, как в танце, и вдруг приник к ее полуоткрытым губам.

Услышав звонок, она вскочила с постели совершенно нагая и выбежала в переднюю, накинув лишь тонкий прозрачный пеньюар. Когда он обнял ее, слегка наклонив назад, она почувствовала у себя на спине прикосновение его коротких квадратных пальцев. Он целовал ее, плотно прижавшись к ней всем телом, а она была так потрясена, что совершенно не могла двигаться. Наконец ей удалось оттолкнуть его голову, но вырваться из его объятий она так и не сумела.

– Что с вами случилось? – спросила она больше удивленно, чем рассерженно, пристально взглянув на него. – Отпустите меня, ради бога. Вы сломаете мне позвоночник.

Он отпустил ее, пошатываясь, добрался до дивана и бухнулся на него.

– Поди сюда, – сказал он. – Поди сюда, детка, я сейчас тебе все расскажу. Я пьян, – добавил он, словно в объяснение.

– Я сейчас сварю вам кофе...

– Нет, нет. Сначала поди сюда. Я не так уж пьян.

Как только она подошла к дивану, он схватил ее за руку и усадил рядом.

– Детка, – сказал он, – ты сейчас разговариваешь с новым председателем юго-западного регионального комитета ПСТР. Подумай только, с председателем юго-западного регионального комитета. Меня выбрали вчера вечером, и только я освободился от дел, я прихватил первый же самолет и примчался рассказать об этом тебе.

– Вы, по-моему, успели прихватить еще кое-что, – усмехнулась она.

Но он не обратил внимания на ее слова.

– Неужели ты не понимаешь? – спросил он. – Неужели до тебя не доходит? Я стал председателем регионального комитета. Наконец-то я на верном пути. Наконец-то добрался до того, о чем мечтал, ради чего работал, чему служил, как раб. Теперь я пошел вперед, пошел по-настоящему. Я самый большой человек самого крупного союза на Западе. И это только начало. Только начало. Поди сюда и поцелуй меня.

Но он не стал ждать, а притянул ее к себе, усадив чуть ли не на колени, и снова прильнул к ее губам. Это был грубый, неуклюжий поцелуй, от которого ее губам было больно, но она не пыталась вырваться. Она была слишком удивлена, увидев его пьяным, чтобы что-либо предпринять. Только почувствовав его руку на своей груди, она вырвалась.

– От вас пахнет, Джек, – сказала она. – Несет, как из винной бочки. Конечно, то, что вас выбрали, просто здорово, и я очень рада. Но кости ломать мне не надо.

Она встала. Он смотрел на нее, глаза его чуть косили.

– Идите в ванную, – сказала она, – найдите там что-нибудь и прополощите себе рот. В шкафчике лежит новая зубная щетка в обертке. Почистите зубы и умойтесь холодной водой. А я пойду сварю вам кофе.

– К черту кофе, – ответил он. – Рот я прополоскаю и помоюсь немного – я, наверное, и вправду, перебрал – но кофе не хочу. Я не пьян или, по крайней мере, не слишком пьян. Дайте мне виски с содовой или что-нибудь еще, что у вас тут есть. Не будем же мы пить кофе за мой успех.

Вглядевшись в него попристальнее, она убедилась, что он не лжет. Он вовсе не был так пьян, как ей показалось.

– Может, вы и действительно не пьяны, – согласилась она, – но вы меня поцеловали. Понимаете? Вы меня поцеловали.

– Мне уже давно хотелось это сделать, – ответил он. – Не считаете ли вы, что мне давно пора действовать?

– Значит, чтобы решиться на это вам пришлось ждать, пока вас выберут председателем? – бросила она уже у двери.

Она наполнила два стакана, хотя ей вовсе не хотелось пить, но она понимала, что он обидится, если она не выпьет вместе с ним, и пошла обратно в гостиную. Он еще был в ванной, тогда она прошла в спальню, надела халат и туфли и уселась в гостиной ждать. Он отсутствовал долго, и когда наконец появился, волосы его были приглажены, а сам он подтянут и выглядел совершенно трезвым. Но глаза горели по-прежнему, и он был весь взвинчен.

Он схватил стакан и поднял его.

– За ваш успех, – сказала она.

Он проглотил виски одним глотком.

Целый час после этого он говорил, не переставая, пил и рассказывал о выборах. Борьба разгорелась не на шутку, и у него не было уверенности в успехе до самой последней минуты. Но теперь все в порядке, он рад до смерти. Он пытался в подробностях объяснить ей, что же произошло, как все это было подготовлено, на каких делегатов он сумел оказать давление и влияние, но многое из того, что он говорил, она не слышала. Она говорила «да» или «нет», стараясь уловить его мысль, но в действительности его рассказ мало ее интересовал. Ее радовало только, что он счастлив.

Странная у него была манера рассказывать: он не то что хвастался, но и не скрывал, как рад; то был искренне удивлен, что ему все это удалось, то принимал все свершившееся как должное.

Пока он говорил, он цепко держал ее руку в своих руках, отпуская только, когда просил налить ему еще.

Через час он встал, снял пиджак и галстук. Она предложила, чтобы он разулся – ему будет легче.

– Джек, как случилось, что вы приехали сюда? – спросила она. – Почему не отправились домой? Вы могли бы телеграфировать мне. Я...

Секунду он пристально смотрел на нее.

– Мне показалось вполне естественным приехать именно сюда, – медленно ответил он.

Он снова взял ее за руки и на этот раз притянул к себе, продолжая смотреть ей прямо в глаза.

– Я хотел, чтобы ты первой узнала об этом. Я хотел, чтобы именно ты поделила эту радость со мной.

Она ощутила его силу, ощутила силу его рук и, сама не зная, что делает, потянулась к нему. На этот раз ее губы нашли его губы.

Эту ночь они впервые провели вместе. Много позже она попыталась проанализировать свое решение, подвергая проверке свои чувства и стараясь выяснить, что лежит за ними. Но этот самоанализ ничего ей не объяснил, она ответила на его страсть, на его пылкое необузданное желание, и только много позже ей стало ясно, что он ординарен в любви, небрежен и нетерпелив. Но, быть может, именно эти качества по какому-то неведомому капризу и привлекли ее. Он был почти жесток в своем всепоглощающем желании, груб и вместе с тем неистощим.

Наконец они уснули, а когда одновременно проснулись и увидели себя в объятиях друг друга, еще не остывших после любовного экстаза, давно уже наступило утро.

Он заговорил, и на этот раз говорил как любовник. Он тотчас понял, что эта ночь изменила очень многое и что с этой минуты их отношения приобрели совсем иные качества. Он говорил так, будто они не были знакомы прежде, будто только ночью он впервые ее встретил.

– Ты именно то, что я искал всю жизнь, – сказал он, не размыкая объятий и глядя ей в лицо своими трезвыми задумчивыми глазами.

Она молча улыбнулась.

– Наверное, это и называется любовью, – добавил он.

– Разве ты никогда не был влюблен раньше? – не могла не спросить она.

Он тотчас понял, почему она спрашивает.

– Я уже рассказывал тебе о Марте, – ответил он. – Мы были тогда совсем юными, и большую роль в наших отношениях сыграл случай. Если бы не ее отец...

– Да, ты мне говорил, – перебила она его. – Но это не меняет положения вещей. Ты женат на ней, и у вас дети.

– Да, я женат на ней, – согласился он. – Но ты должна понять: это привычка. Что-то такое, что я обязан делать. У нас дети, общий дом, – правда, я провожу там не очень много времени, – но, честно говоря, мы никогда не испытывали друг к другу большого чувства. Такого у нас не было никогда, никогда.

Она понимала, что он говорит правду, но разделяет ли эту правду и Марта Рафферти?

– Наши отношения превратились в привычку, – повторил он. – Такую же, как сигареты или кофе. Это уже не зависит от меня самого, это рефлекс. И близость наша тоже стала рефлексом. Традицией.

Она чуть отодвинулась от него.

– Ты хочешь сказать, – спросила она, – что берешь жену, как берешь сигарету?

В голосе ее звучала горечь. Но если она ждала, что он будет протестовать, ей пришлось разочароваться.

– Да, – ответил он. – Именно это я и хочу сказать. Если человек не влюблен в свою жену, – а я почти не знаю таких, кто сохранил бы чувство любви после десяти лет брака, – именно так и бывает.

Он вдруг расхохотался, притянул ее к себе и куснул за мочку уха.

– Черт с ним, с моим браком, – сказал он, – и с сигаретами тоже. Мне нужна только ты. И сейчас же.

Она начала было протестовать, пыталась вырваться, но оказалась беспомощной, когда его сильные руки удержали ее, а губы нашли ее губы, не дав ей договорить.

Потом они приняли душ и сели пить апельсиновый сок и кофе с поджаренным хлебом, и снова, полный сил и живой, как наступающий день, он сидел напротив нее за столом. Пока они ели, он опять со всеми подробностями рассказывал ей про выборы, про то, как стал председателем комитета, смеялся над теми хитроумными сделками и маневрами, которые помогли ему добраться до этого поста.

– Теперь все будет по-другому, – заявил он. – Совсем по-другому. Я ведь теперь буду действовать почти в масштабе страны. И денег у меня будет больше. Гораздо больше.

Странно, но, думая о нем, она никогда не думала о его деньгах. Вроде, ему всегда их хватало, хотя транжирой его никак нельзя было назвать; она считала, что он получает вполне приличное жалованье.

– Я говорю это не потому, что мне хочется иметь много денег, – поспешно добавил он. – Лично для меня деньги ничего не значат. Просто с ними удобнее. От этой должности я бы не отказался и при старом жалованье. Господи, да я сам бы заплатил, чтобы ее получить.

Она поняла, что он имеет в виду. Она уже достаточно давно его слушала, достаточно хорошо знала, чтобы понять. Союз – это его жизнь, его работа. Его терзало непреодолимое желание стать самым большим боссом в профсоюзном движении. И вовсе не благо рабочих его заботило. Рабочий давно перестал интересовать Рафферти; он превратился для него в символ. Его интересовал сам союз или, скорее, собственное положение в союзе, и это было для него делом первостепенной важности.

Он признался, что деньги иметь удобно. Но богатство ему было не нужно, ему хотелось стать самой большой спицей в профсоюзной колеснице. Он был похож на школьника, который, стараясь получать только отличные отметки, делает это не из желания стать умнее или овладеть знаниями, а только для того, чтобы выделяться из толпы одноклассников.

Она подсознательно поняла это, и тот факт, что, хотя постель ее еще не остыла от их объятий, он принялся рассуждать о своей работе, доказывал, что работа для него важнее всего на свете.

– Это самая счастливая ночь в моей жизни, – наконец сообразил сказать он. – Самая счастливая.

Много лет спустя, когда она вспоминала эти слова, она часто задумывалась, имел ли он в виду их любовь или его избрание председателем комитета. В конце концов она решила, что оба эти события настолько слились в его мыслях, что он не отделял их одно от другого.

Они допивали вторую чашку кофе, когда он, не поднимая на нее глаз, сказал:

– Нужно подумать, не снять ли тебе квартиру побольше. Здесь очень уж тесно. Мне теперь придется чаще бывать в Нью-Йорке...

Он заметил ее удивленный взгляд и остановился.

– Разве мы будем жить вместе? – спросила она.

– Ты меня любишь?

– Люблю, – кивнула она. – Думаю, что люблю. Но мне кажется, Джек, ты несколько забываешь о доме.

Он не покраснел и не запнулся.

– Нет, – ответил он, – не забываю. Я об этом всегда помню. Ты только пойми меня правильно. Развестись я не могу. Во всяком случае, сейчас. Во-первых, это не очень красиво будет выглядеть и помешает моей работе. Во-вторых, есть дети. Я их люблю, ты знаешь. Поэтому я не сделаю ничего такого, что могло бы их обидеть или огорчить. Нет, все должно остаться, как есть. По крайней мере, некоторое время. В таких делах не следует поступать опрометчиво. Но об этом тебе не стоит задумываться. Ты же знаешь, как я отношусь к Марте, как редко бываю дома.

– Знаю, – ответила она, стараясь изгнать горечь из своих слов. – Как к сигарете.

Он кинул на нее раздраженный взгляд, но тут же рассмеялся.

– А я и не затягиваюсь, – сказал он. – Ладно, детка, хватит об этом. Не будем портить себе настроение. Мне слишком хорошо, чтобы...

Он вскочил, и в ту минуту, когда он обнял ее и стал целовать, она, забыв свою досаду и злость, уступила его неподдельному восторгу. Все произошло слишком быстро, решила она, и рано или поздно само собою выяснится. Ему нужно время; им обоим нужно время.

Он ушел от нее часов около двенадцати дня и перед уходом снова долго уговаривал снять квартиру побольше, но тут уж она была непреклонна. Она будет жить, где живет. Она не в состоянии платить столько денег, сказала она, а когда он, приводя в качестве основного довода намерение принимать в ее квартире своих деловых знакомых, принялся уверять, что был бы рад помочь и что это было бы только справедливо, ни за что не пожелала с ним согласиться.

– Все должно остаться, как есть, – упрямилась она. – Ты же сам это предложил.

Так все и оставалось более года. Каждые две-три недели он прилетал в Нью-Йорк и снимал номер в отеле. Но никогда там не ночевал. Как только работа заканчивалась, как только наступал конец его бесчисленным совещаниям и встречам, он приходил к ней.

Может, так продолжалось бы и дальше, но театры вдруг стали прогорать, и Джил оказалась без работы. К этому времени ей было ясно, что певицы из нее не выйдет. Для этого у нее не хватало голоса. К тому же она разленилась, бездельничала, перестала репетировать, поэтому когда она потеряла работу и не сумела устроиться в другое место, ей пришлось истратить последние свои сбережения, и она было совсем отчаялась в поисках занятий. К этому времени она уже более двух лет была любовницей Рафферти.

Будь это не Рафферти, а другой человек, он бы давным-давно знал об этом, потому что интересовался бы тем, как она живет. А Рафферти никогда не задавал ей вопросов и был уверен, что она продолжает работать. Только когда она сказала ему, что ей придется съехать с квартиры, он узнал о том, что произошло.

– Вот и хорошо, – заявил он. – Теперь мы сделаем то, что я предлагал с самого начала. Ты переедешь. Найди себе квартиру побольше.

– Чудеса, – заметила она. – Я эту не могу...

– В том-то и дело, – ответил он. – За квартиру буду платить я или, точнее, союз. А ты с сегодняшнего дня будешь работать на меня. Я уже давно твержу тебе, что мне нужно в Нью-Йорке место, где я мог бы принимать. А теперь, когда мы пытаемся сделать Сэма Фарроу председателем всего союза, нам еще больше, чем прежде, требуется несколько неофициальных штаб-квартир в Нью-Йорке, где можно было бы принимать нужных людей и беседовать с ними. Поэтому...

– Умная мысль пришла тебе в голову: предать гласности, что ты используешь квартиру твоей любовницы...

– Ты просто не понимаешь, – возразил он. – Многое из того, что имеет место в профсоюзной политике, происходит, так сказать, за ее кулисами. Мне очень часто приходится встречаться с людьми, с самыми разными людьми, в неофициальной обстановке и негласно. И частная квартира для этого гораздо лучше, чем номер в отеле, где могут подслушивать и

подсматривать. Вот что мы сделаем. Узнай, нельзя ли в этом же доме снять квартиру побольше: две спальни, по крайней мере, большую гостиную, – а я беру на себя ее оплату и прочие расходы. И не ищи больше работу. Я найду, чем тебя занять. Будешь выполнять для союза кое-какие секретные дела. А главной твоей заботой будет содержать квартиру, куда я смогу приводить людей для тайных переговоров.

В конце месяца она переехала на другую квартиру, в том же доме, только двумя этажами выше и побольше. И с тех пор за квартиру платил Рафферти. Иногда он давал деньги ей, чтобы она заплатила, иногда прямо посылал хозяину чек. Так началась в ее жизни и в ее отношениях с Джеком Рафферти новая эпоха.

Она знала, что, по крайней мере, до тех пор, пока не вырастут и не окончат школу дети, он ни за что не уйдет из семьи. Ей пришлось довольствоваться положением постоянной любовницы, утешаясь только тем, что она единственная женщина, которая что-либо для него значит. Если эти мысли слишком часто беспокоили ее и угнетали, она уговаривала себя, что только ее он любит и только с ней спит. Это было, конечно, не все, но хоть кое-что.

Ей лично Рафферти давал сто долларов в неделю.

– Ты будешь работать у нас в комитете, – объяснял он, – получать деньги на квартиру плюс еще сотню в неделю. И на расходы. По специальной статье.

– А что я должна за это делать? – спросила она, добавив насмешливо: – Я ведь не совсем в курсе.

Он с серьезным видом взглянул на нее, укоризненно покачав головой.

– То, что ты делаешь, – ответил он. – Любить меня. А уж я позабочусь о том, чем тебя занять. Как я уже сказал, мне нужно принимать в этой квартире гостей. Ты должна быть вроде хозяйки. Но будут и другие дела. Есть места, где у нас не все гладко, где нам приходится бороться за то, чтобы организовать рабочих. Тут ты можешь оказать нам большую помощь. Никто не знает, кто ты и с кем связана. И мы сумеем тебя использовать. Пошлем туда, где у нас неприятности. Ты устроишься там на временную работу и будешь снабжать нас информацией. Будешь сообщать, кто выступает против союза, кто из рабочих подкуплен хозяевами и так далее. Найдутся и еще задания.

Может, тебе придется поехать в какой-нибудь город и познакомиться там с определенными людьми. С женами рабочих. Женщины любят болтать. Ты сможешь узнать для нас много ценного. Кто за нас, кто против. Вот такие вещи.

Она задумчиво кивнула.

– Значит, я буду чем-то вроде шпионки? – спросила она.

Он посмотрел на нее.

– Нет, – раздраженно ответил он. – Нет, вовсе не вроде. Нам, так же как администраторам, приходится иметь тайных агентов. Должны же мы знать, кто есть кто и что есть что. Существуют и другие вещи. Будут случаи, когда мне придется узнать, кто мои друзья, кто со мной и кто против меня. Болтают не только женщины; мужчины тоже любят поговорить. И гораздо охотнее они вступают в разговор с красивой женщиной.

– Но не затруднит ли мою деятельность то, что наши имена упоминались в газетах вместе? – спросила она. – И очень многие знают, что мы...

Он покачал головой.

– У нас в союзе никто не интересуется нью-йоркскими сплетнями. А тебе в основном придется работать вне Нью-Йорка. Не беспокойся об этом. Пусть думают что хотят: правды-то никто, кроме нас с тобой, не знает.

В его словах была доля истины. Конечно, за последние годы произошло немало перемен, но все равно их отношения он старался держать в тайне. Сам Рафферти стал гораздо солиднее, привык к своим длительным пребываниям в Нью-Йорке, круг его друзей и его привычки весьма изменились. Она научила его обращаться только к хорошему портному, покупать и носить солидные вещи. Обедать они ходили не только в маленький ресторанчик на Ист-сайд, но и в более изысканные заведения. Посещали они и ночные клубы и бродвейские ревю, а прежние дни поездок на Кони-Айленд или на бейсбольные матчи канули в вечность. Но очень редко они появлялись на публике вдвоем. Обычно их сопровождали трое-четверо мужчин, а нередко – и женщины.

Первый год после переезда на новую квартиру он часто посылал ее с заданиями в другие города. Она ненавидела эти поездки: нужно было втереться в доверие к людям, а потом доносить об их намерениях. Она никогда не жаловалась, но он, по-видимому, заметил ее недовольство и понял ее неприязнь к такого рода работе. Постепенно эти задания стали все реже и реже, и наконец только в особых случаях ей приходилось выезжать из Нью-Йорка.

Именно в это время Фарроу стал председателем союза, и она знала, что поддержка Рафферти сыграла большую роль в его выдвижении на эту должность.

Квартира ее стала местом неофициальных встреч профсоюзных деятелей из самых различных округов, и Рафферти, бывая в городе, часто собирал гостей. Она тоже порой присутствовала на этих приемах, и несколько раз ей даже пришлось подыскивать девушек для развлечения особо влиятельных друзей.

У нее было много знакомых среди актрис и манекенщиц, поскольку она с ними работала, и для нее не составляло труда найти подружек для важных приятелей Рафферти. Ей было известно, что девушки, которых она приглашала на вечера и встречи, были практически обычные проститутки, и эта мысль часто беспокоила ее и огорчала. Она сказала об этом Рафферти, но он лишь отмахнулся.

– Ну, и что? – спросил он. – Разве мои ребята не люди? Не будут спать с одной, так будут с другой. Какая разница-то?

– Разница в том, – упорствовала она, – что я выступаю в роли сводни.

– Чепуха, – сердился он. – Я же не прошу тебя быть с ними. Я прошу лишь подыскать девушек. А что они и ребята будут делать, не твоя забота. Не можем же мы стоять на страже морали у всего мира. Ты что, думаешь, эти ребята из профсоюзов чем-нибудь отличаются от других? Половина сделок крупного бизнеса, большие контракты и так далее – все это заключается только тогда, когда продавцу или представителю фирмы удастся подыскать подходящую постель для нужного им человека.

– И оправдание этому только то, что здесь замешан крупный бизнес? – спросила она.

– Ничего ты не понимаешь, – покачал он головой. – Что, ты думаешь, представляет собой профсоюз? Это тот же крупный бизнес. Если организация располагает двумя миллионами долларов и больше, значит, это крупный бизнес. Во всяком случае, тебе беспокоиться нечего. Такое случается не первый раз. Ты ищешь девушек для профсоюзных воротил и помни, что одновременно ты участвуешь в подборе девушек и для воротил из политики, для тех, кто сидит в законодательных органах в Вашингтоне. В нашей жизни нужно смотреть на вещи реально.

Так оно и было.

Глава четырнадцатая

С годами их связь приняла заведенный порядок, в некотором роде напоминая брачные отношения. У него не возникало никаких сомнений по поводу того, что к ней он может являться, как к себе домой. С годами пыл его не остыл, но он больше не говорил о жене и детях и не строил планов по поводу развода. Спустя некоторое время она поняла, что он никогда этого не сделает, да, собственно, никогда он и не собирался менять свою жизнь.

Если он подолгу не мог приехать в Нью-Йорк, как, например, в тот раз, когда ему пришлось провести два месяца на Юге, он вызывал ее к себе, и она жила в одном с ним отеле. Он всегда устраивал так, что она останавливалась под чужим именем, но имя это было не вымышленным, а законным.

Она останавливалась под именем, например, миссис Джон Шмидт, и всегда при этом существовал мужчина с таким же именем – близкий друг Рафферти из другого города. Он снимал номер для себя и своей жены. Когда Джил приезжала, номер уже был снят, человек, который его снимал, исчезал, а вместо него появлялся Рафферти. Обычно он занимал номер в том же отеле, и нужно было лишь пересечь холл либо подняться на два лестничных пролета.

Очень многие из приятелей Рафферти были посвящены в их тайну. Даже газеты сотни раз намекали на их связь. Но доказательств ни у кого не было.

Однако после неприятностей, случившихся с Сэмом Фарроу, начались и некоторые изменения в их отношениях. Фарроу фактически был диктатором в ПСТР, и Рафферти стоял к

нему ближе, чем председатель какого-либо другого комитета, входящего в этот союз. Рафферти немало способствовал продвижению Фарроу, и о нем говорили как о возможном преемнике старика. И вдруг около года назад Фарроу обвинили в неуплате подоходного налога. За этим последовало образование конгрессом так называемой комиссии по борьбе с рэккетом, что явилось зловещим предвестником дальнейших неприятностей.

Рафферти, ссылаясь на неотложные дела, виделся с ней все реже и реже, но постоянно поддерживал контакт.

– Наступило время, когда ты мне по-настоящему нужна, – говорил он. – С Фарроу покончено, его уже ничто не спасет. Настала моя очередь. Я должен рискнуть. А для этого нужно проверить все городские и региональные комитеты и подобрать людей. У меня есть свои ребята во всех организациях, но я должен быть уверен. Ты мне очень можешь помочь.

Он упросил ее устраивать приемы для его друзей, приезжавших в Нью-Йорк, и тогда, когда его самого в городе не было, а вскоре она убедилась, что он хочет, чтобы особо нужных людей она развлекала лично.

– Они слышали о тебе, – говорил он, – и хотят с тобой познакомиться. Ты же сама понимаешь, детка. Женщина ты очаровательная. Все, что от тебя требуется, это быть с ними любезной. Ничего дурного они тебе не сделают; им ведь известно про нас с тобой. Своди их куда-нибудь и полюбезничай с ними.

Таким образом ей и довелось повстречаться с Карлом Оффенбаком, и только после этой встречи она решительно отказалась развлекать друзей Рафферти. Заявила, что с нее хватит, что, если понадобится, она найдет себе работу и что без него она ни за что не будет принимать его приятелей и единомышленников.

Оффенбак был председателем одного из южных местных комитетов ПСТР. Он никогда не был особенно дружен с Рафферти и в прошлом даже выступал против него. Этот рослый краснорожий голландец выдвинулся из рядовых и не очень жаловал окружение Сэма Фарроу. Особенного значения в ПСТР он не представлял, но собственным комитетом правил железной рукой и имел немалое влияние на делегатов, приезжающих на выборные конференции с Юга. Рафферти давно мечтал заручиться его поддержкой.

Однажды он позвонил Джил из Сан-Франциско.

– Я хочу, чтобы ты поехала в Новый Орлеан, – сказал он. – Остановишься в отеле «Южный». Под именем миссис Карл Оффенбак. Карл там большой человек...

– Я знаю, – перебила она. – Ты мне о нем рассказывал.

– Вылетай нынче же, – попросил он, – чтобы завтра быть на месте. Поедешь в отель. А я прилечу вечером. Карл встретит тебя. Будь с ним поприветливей. Он мне нужен, поэтому, прошу тебя, будь с ним поприветливей. Понятно?

– Джек, – сказала она, – нельзя ли на этот раз мне не ехать? Я хочу попробовать в новой роли и...

– Нельзя, детка, – ответил он. – Этот Оффенбак мне страшно нужен. К нему пытается подобраться Клайн, да и другие тоже непрочь. Сделай, как я тебя прошу. Кроме того, мне хочется с тобой повидаться, вот я и прошу тебя приехать. Сделай это для меня. Приезжай завтра. Карл встретит тебя в аэропорту, ты приедешь в отель вместе с ним и там подождешь меня.

Она хотела было ответить, но он уже повесил трубку.

Она позвонила в аэропорт и заказала билет.

На следующее утро в десять тридцать она прибыла в Новый Орлеан. Спускаясь по трапу, она посмотрела на лица толпящихся внизу и сразу выделила человека, который мог быть только профсоюзным деятелем. Он смотрел на нее, и широкая улыбка расплывалась по его толстой кирпично-красной физиономии.

Оффенбаку было лет за пятьдесят. Рослый и тучный, в цветастой гавайке, расстегнутой так, что оставалось лишь любоваться его сплошь заросшей седыми волосами грудью, в белых брюках на широком ремне и белых замшевых туфлях, он в одной руке держал веер, а в другой дымящуюся сигару.

Кроме нее и двух пожилых дам, похожих на учительниц-пенсионерок, больше среди пассажиров самолета женщин не было, поэтому он подошел прямо к ней.

– Джил? – дотронувшись до ее руки, спросил он.

Улыбнувшись, она кивнула. Из-под седых бровей на нее смотрели маленькие выпуклые глазки. Она заметила также, что зубы у него желтые и сломанные и что лицо его, несмотря на бодрое, добродушное выражение, выдержало когда-то немало ударов и ранений. Волосатые руки напоминали ножки рояля, а сам он был очень высокий, более шести футов ростом. И хотя живот у него выпирал, тело, казалось, состоит из одних мускулов.

– Машина на стоянке, – махнул он рукой, указывая, куда идти. – Дай мне чемодан.

Сунув сигару в рот, он выхватил у нее чемодан и, поддерживая под локоть, повел к выходу. Они не разговаривали, пока не уселись в явно взятую напрокат двухцветную машину с откидным верхом.

– Я сам прилетел всего два часа назад, – сказал он. – И только что снял нам номер в отеле. Во сколько Джек появится?

– Вечером, – ответила она. – Я...

– Значит, придется как-нибудь убить день. Что ты предпочитаешь: поехать на бега или посидеть где-нибудь и подремать?

– Мне... Мне бы хотелось сначала позавтракать. А затем, если вы не против, поехать на бега.

– Отлично, – отозвался он. – Джек сказал, чтобы до его приезда я о тебе заботился. – Он повернулся и посмотрел на нее. – Что же, это доставит мне только удовольствие, – добавил он. – Истинное удовольствие, мисс.

Она вспомнила, что ей следует улыбнуться, и сказала:

– Ну, конечно. И мне тоже.

Он не остановился возле администратора, и повел ее прямо к лифту. У него уже был ключ от номера.

– Освежись, – сказал он, пропуская ее вперед, – а я тем временем приготовлю нам выпить.

Войдя в спальню, Оффенбак бросил чемодан на кровать. Повернувшись, он усмехнулся и подмигнул ей, а когда она проходила мимо, вдруг легонько ее шлепнул.

Она была так удивлена, что секунду стояла неподвижно, слишком удивленная, чтобы возмутиться.

Но он, не обращая на нее внимания, вышел в гостиную.

Пожав плечами, она закрыла дверь.

Что же, ей приходилось встречаться со многими друзьями Джека, и удивить ее уже ничем было нельзя. Этот невежда более бестактен, чем большинство других, но он как будто человек добродушный.

По его настоянию они выпили по две рюмки, затем спустились в ресторан и заказали завтрак. Он ел с такой жадностью, будто боялся, что больше никогда в жизни ему не дадут поесть.

Потом они сели в ту же, взятую напрокат, машину и поехали на бега. Правил Оффенбак одной рукой, а вторую положил на спинку сиденья и обнял Джил, а когда она съежилась, был искренне удивлен.

– В чем дело? – спросил он. – Щекотно?

– Нет, просто жарко, – заставив себя улыбнуться, ответила она, стараясь не показывать ему своей неприязни. Она решила не обращать внимания на его выходки и быть как можно любезнее. В конце концов нужно провести с ним всего полдня, а там приедет Джек, и ее заботы об этом придурке кончатся.

Оффенбак был человеком азартным, на каждый заезд он накупал билетов долларов на двести – триста. Он обладал феноменальной способностью выискивать аутсайдеров и, несмотря на то что несколько раз ставил чуть ли не на всех лошадей подряд, ни разу не выиграл. Каждый заезд он насильно всучал Джил половину купленных билетов и, хотя этот день обошелся ему чуть ли не в состояние, отнюдь не утратил присущего ему расположения духа.

– Таков уж я, – беззаботно твердил он, мусоля во рту очередную сигару. – Мне всегда не везет. Как говорится, кому везет в любви, тому не везет в игре.

У него была с собой фляжка с виски, и он, не смущаясь, в течение дня несколько раз к ней прикладывался, но виски, по-видимому, не оказывало на него никакого действия. Джил

пыталась разделить его веселье, но пить из фляжки решительно отказалась. Ей и так было тошно с ним: он был груб, шумлив, сыпал какими-то похабными и примитивными анекдотами, и при этом то и дело щипал ее за ляжку. О себе он говорил очень мало, ей тоже не задавал никаких вопросов ни о ней самой, ни о Рафферти и казался вполне довольным тем, что может пить, играть и рассказывать свои глупые шутки.

Они дождались последнего заезда, а потом вернулись в отель. Она несколько удивилась, когда он поднялся на лифте вместе с ней.

– Джек, наверное, вот-вот придет. Мне бы хотелось отдохнуть немного и принять душ. Я вся мокрая от этой жары и шума.

– Я зайду к тебе. Пошлем вниз за льдом и выпьем чего-нибудь холодненького, – сказал он.

Ключ так и остался у него, он сам открыл дверь.

Она остановилась в нерешительности.

– Может, чуть попозже, – предложила она. – Сейчас хорошо бы отдохнуть.

– Послушай, – весело заговорил он, чуть ли не силой вталкивая ее в комнату, – послушай, давай выпьем. Старина Джек сказал мне, что пока мы ждем его, ты меня будешь развлекать и...

Он затворил дверь, и она прокляла в душе Рафферти. Одно – сказать ей, чтобы она была любезна с Оффенбаком, и совершенно другое – пообещать Оффенбаку, что она будет «развлекать» его.

– Я нужен Джеку, малютка, – добавил он. – Он это знает.

Впервые его хриплый голос зазвучал серьезно, и она быстро взглянула на него.

Он сразу же заулыбался.

– Не бойся Карла, котеночек, – сказал он. – Садись отдыхай, а я закажу выпивку.

Он подошел к телефону и попросил соединить его с рестораном.

Джил взглянула на часы и увидела, что уже больше шести. Кончив заказывать, он уселся на диван рядом с ней. Но в это время зазвонил телефон, и он знаком показал ей, чтобы она сняла трубку.

Звонил Рафферти.

– Джил?

– Где ты? – вместо ответа спросила она. – Я только что вернулась из...

– Послушай, Джил, – перебил ее Рафферти, – я задерживаюсь и сумею приехать, вероятно, лишь поздно вечером.

– О, Джек... – начала она, но он снова перебил ее:

– Оффенбак тебя встретил?

– Да, – ответила она. – Он сейчас здесь. Хочешь...

– Нет, нет, – заспешил он. – Помни только, что я тебе сказал. Будь с ним поприветливей. Если он пригласит тебя куда-нибудь убить время, пока я не приеду, пойдись с ним. Понятно, детка? Это очень важно.

– Но, Джек...

– Без всяких «но», детка. Делай, что я говорю. Он очень мне нужен.

– Ладно, – пожала она плечами. – Как хочешь. Только ты обязательно приезжай сегодня же...

– Обязательно, – повторил он и повесил трубку.

Оффенбак смотрел на нее, в глазах его прыгала насмешка. Потом она вспомнила, что в этот момент ей показалось, будто он слышал весь разговор.

– Это звонил Джек, – сказала она. – Он придет только поздно вечером.

– Отлично, – обрадовался Оффенбак. – Отлично. А я вот что придумал. Пока еще не принесли выпивку, давай позвоним официанту и скажем, чтобы он захватил и меню. Ты устала, говоришь? Можем поужинать в номере. Тут очень уютно.

Она хотела было возразить, но он уже снял трубку.

Когда принесли виски с содовой и лед, она выпила немного вместе с ним, потом извинилась, сказав, что хочет пойти перед ужином принять душ, и встала.

– А вы не пойдете к себе переодеться? – спросила она.

Он сначала даже не понял ее.

– Чего это я буду переодеваться? – захохотал он. – Я не грязный. Иди купайся, если хочешь, а я лучше посижу, выпью еще, пока принесут ужин.

Она вошла в спальню, заперев за собой дверь. По дороге в ванную она вдруг остановилась в удивлении: на полу рядом с кроватью стоял чей-то чемодан из свиной кожи. Она подошла и рассмотрела его. На замке были выгравированы инициалы: «К. О.».

Лицо ее горело от гнева, когда она рывком распахнула дверь спальни.

– Это ваш чемодан? – спросила она.

Он воззрился на нее в удивлении.

– Мой, – ответил он. – А как же мне было получить этот номер? Ведь без вещей сюда не пускают...

– Я знаю, – холодно остановила его она. – Но разве вы не сняли еще один номер для себя? Разве вы...

– Послушай, милочка, – возразил он, – я сделал то, что велел Джек. Он сказал, сними номер для мистера и миссис Оффенбак, я так и сделал. Он велел мне ждать его приезда, а когда он приедет, я пойду в его комнату, а он сюда. Чего ты злишься-то?

Секунду она пристально смотрела на него, потом пожала плечами. И правда, чего она вдруг взбеленилась? Этот человек не врет. Так оно обычно и делалось. Просто она расстроена звонком Джека, его опозданием.

Она заставила себя улыбнуться. Во всяком случае, Оффенбак тут не при чем.

– Ладно, – сказала она. – Налейте мне еще, только послабее. Я вернусь минут через десять.

Она быстро разделась и встала под душ. Но после душа ей не стало прохладнее. Она надела шорты и белую мужского покроя рубашку. С чулками ей не хотелось возиться, и она просто сунула ноги в домашние туфли. До приезда Джека, решила она, она никуда не пойдет, к чему тогда одеваться?

Виски, которое он ей дал, было очень крепким, но, скривившись, она залпом проглотила его. Пускай неразбавленное, ей все равно. Вечер предстоит скучный-прескучный.

К ужину он заказал шампанское и настоял, чтобы она выпила вместе с ним. Джил еще не отдохнула от своего перелета и от поездки на бега, и быстро опьянела. Еще не закончили они ужинать, как у нее уже закружилась голова.

За ужином он молчал, засовывал в рот огромные куски и усердно жевал. Она только удивлялась, куда это все влезает.

Покончив с едой, он налил в рюмки ликер из новой фляжки, которую принес из спальни.

– Крем де мент, – объявил он. – Купил в Нью-Йорке. Еда сразу укладывается на место.

Она запротестовала, но он был настойчив, и, чтобы не спорить, она выпила. У ликера был странный, горьковатый привкус.

И только когда у нее закружилась голова, она сообразила, что ликер был непростой. Она ощущала слабость, ей трудно было сосредоточиться на каком-либо предмете; она только смутно помнила, как он ей что-то сказал, и она, спотыкаясь, побрела в спальню. Она скинула туфли и улеглась прямо на белое покрывало, уставившись в потолок и понимая, что совсем опьянела.

Она слышала, как в соседней комнате открылась и закрылась дверь, слышала стук посуды и поняла, что приходит официант убирать. Странное она испытывала ощущение: все сознавала, понимала, что происходит, но ей казалось, будто все это во сне.

Она, должно быть, закрыла глаза и уснула, потому что очнулась вдруг от того, что хлопнула дверь. Она открыла глаза и увидела, что возле постели стоит Оффенбак и смотрит на нее.

Не сказав ни слова, он подошел к окну и опустил шторы. Она хотела было встать, но он плюхнулся на кровать прямо рядом с ней.

– Куда ты, малютка? – спросил он. – У тебя и так неплохой вид.

Голова у нее кружилась, она чувствовала слабость, но все же попыталась сесть.

Он потянулся к ней и толкнул ее обратно на подушку.

– Послушай, в чем дело? – спросил он. – Ты что, считаешь, что слишком хороша для меня? Будь умницей.

– Убирайтесь, – крикнула она. – Сейчас же убирайтесь. Если бы Джек...

– А чем я хуже твоего Джека, малютка? – спросил он. – Если ты думаешь, что хуже, тогда тебя ждет немалый сюрприз.

– Если вы сию же минуту не уберетесь отсюда, – закричала она, – я позвоню вниз и вас вышвырнут вон!

– Вот как? – захохотал он. – Ты ведь прибыла сюда как моя жена, не так ли? А чем, по-твоему, занимаются мужья с женами? Думаешь, они там, внизу, не знают? А теперь будь умницей и...

И вдруг он схватил ее за рубашку.

Она еще раз попыталась сесть, но Оффенбак ударил ее по лицу, и Джил, удивленная, испуганная, упала на подушку.

– Я сказал, будь умницей, – повторил он.

– Когда придет Джек... – начала она, но ее остановил его хриплый смех.

– Дешевка твой Джек, – плюнул он.

И вдруг он бросился на нее.

Она сделала попытку сопротивляться, но он ударил ее ребром ладони по горлу. Удар почти парализовал ее. Она поняла, что сопротивляться бесполезно.

– Джек вас убьет, – прошептала она. – Слышите? Он убьет вас, когда придет.

– Рафферти никого не убьет, – хрипло рассмеялся Оффенбак. – А вот ты, малютка, при твоих достоинствах, действительно способна меня прикончить, прежде чем я тебя отпущу.

Сотни раз взывала она к богу, моля, чтобы он прислал Рафферти, но Рафферти так и не приехал. Около трех часов Оффенбак встал и оделся. В комнате царила полная тьма, но она слышала, как он шарит по стульям и натягивает на себя одежду. Опрокинув стул и кляня все на свете, он вышел, и входная дверь захлопнулась за ним.

Целых полчаса после этого ее рвало в ванной. Потом, собравшись с силами, она вышла в гостиную, подошла к двери и спустила собачку замка. Затем села на диван и заплакала.

Рафферти позвонил только на следующий день к вечеру. Но не успела она что-либо сказать, заявил:

– Извини, Джил, за вчерашнее. Наш самолет посадили в Канзасе. Я пытался тебе дозвониться, но мне сказали, что никто не отвечает. Все равно, я сейчас звонил к нам в комитет, и мне велели немедленно лететь в Кливленд. Что-то очень важное. Ты возвращайся в Нью-Йорк, я позвоню тебе туда.

– Джек, – начала она. – Джек, послушай, я...

– Делай, что я говорю, детка. Возвращайся в Нью-Йорк.

Он повесил трубку, и она заплакала прямо в телефон.

Она провела в отеле еще сутки, потому что у нее не было ни сил, ни желания двигаться, потом собрала свой чемодан, вызвала такси, поехала в аэропорт и вернулась в свою нью-йоркскую квартиру.

Только через три недели ей удалось поймать Рафферти. Когда бы она ни звонила, его не было, и сам он ей не звонил, хотя она всякий раз говорила, кто его просит.

Когда он наконец появился в Нью-Йорке, она не сразу рассказала ему о том, что произошло. К этому времени ей уже больше всего на свете хотелось забыть о происшедшем. Он сидел и молча слушал, пока она, опуская наиболее мрачные подробности, рассказывала ему, что же случилось в Новом Орлеане.

– Он тебе ничего не сделал? – спросил он наконец, когда она кончила. – Не нанес тебе никаких увечий, а?

Она взглянула на него в изумлении.

– И это все, что ты хочешь сказать?

– А что я могу сказать? – спросил он. – Этот человек – мерзавец. Его следует арестовать и засадить в тюрьму. Но что мы можем сделать? Ничего.

– Я считаю, что ты...

Он наклонился и взял ее за руку.

– Послушай, детка, – сказал он, – что случилось, то случилось. Мне от этого не менее горько, чем тебе. Но такие вещи иногда случаются. Что я могу сделать? Заявить на него? Но тогда выяснится, что я сам послал тебя туда и велел остановиться в отеле под именем его жены.

Нет, я не могу этого позволить. Ты хочешь, чтобы я взял пистолет и отправился искать его? Что ж, это...

Она отвела от него взгляд.

– Нет, – ответила она. – Нет, ничего подобного я не хочу. Просто... – Она не решилась договорить и снова посмотрела на него.

– Джек, – сказала она, – ты должен был приехать. Ты должен был приехать, раз сказал, что приедешь.

– Послушай, детка, – принялся убеждать он ее, – ты же знаешь, что, когда я на работе, я сам себе не принадлежу. Ты знаешь, я своим временем не располагаю. Сначала союз, а потом уж...

И вдруг она перестала его слушать, перестала слышать его слова, хотя он продолжал что-то говорить. Фразы, которые он произносил, были ей слишком знакомы. Она уже слышала их сотни раз. Нет, прежде к ней они не имели никакого отношения, не в этом дело. И тем не менее, она уже их слышала. И вдруг Джил поняла, в чем дело. Те же самые слова и фразы она довольно часто слышала от него, когда он оправдывался, рассказывая о своих единомышленниках. Пытался объяснить, почему предал их.

Впервые за всю их близость она начала в нем сомневаться. Не лжет ли он? Действительно ли его самолет посадили в Канзасе? Старался ли он дозвониться?

Она тряхнула головой. Нет, она начинает фантазировать. Разве не всегда он рассуждал так, как сейчас? И что из того, что она не могла поймать его целых три недели? Такое бывало и прежде.

С ума она сошла, что ли, не верить ему? Она же всегда ему верила; вынуждена была верить. На мгновение ей стало стыдно за свои сомнения. Она подумала о том доверии, какое он ей оказывал: сто тысяч долларов в купюрах и ценных бумагах лежали в стенном сейфе ее квартиры уже более трех лет. В сейфе, шифр к которому знала только она одна. Разве человек, который так ей доверяет, не заслуживает и ее полного доверия?

Что случилось, то случилось. Задержался самолет, вот Рафферти и не смог прилететь вовремя. Не мог же он знать, что произойдет.

Морт Коффман встал и повернулся к Феллоузу.

– Сенатор, – сказал он, – мне хотелось бы заявить решительный протест, прежде чем будет представлена в качестве доказательства запись, произведенная при помощи звукозаписывающего устройства. Верховный суд Соединенных Штатов считает подслушивающую аппаратуру противозаконной и заявил, что она не может быть использована в качестве свидетельства против...

– Хочу напомнить адвокату, – перебил его сенатор Феллоуз, – что здесь не уголовный суд. Хочу также напомнить, что эта запись была произведена до того дня, когда в штате Нью-Йорк было запрещено подслушивание, и поэтому является совершенно законной. Далее, суд присяжных штата Нью-Йорк разрешил рассматривать данную магнитофонную запись как доказательство и заявил, что...

– Но, сенатор, – в свою очередь прервал его Коффман, – решение суда сейчас находится на кассации. Применение магнитофона для подслушивания было запрещено федеральным правительством, которое представляет здесь уважаемая комиссия. Я не могу спокойно реагировать на то, что эту запись используют против...

Феллоуз ударил по столу молотком.

– Ваш протест, если вы желаете его заявить, будет занесен в протокол.

– Желаю.

– Протест отклоняется, – сказал Феллоуз. – Можете продолжать, мистер Эймс.

– Я прошу, чтобы проголосовали все члены комиссии, – вспыхнул Коффман. – Я вижу...

Феллоуз окинул его безразличным взглядом.

– Голосование состоится, – сказал он и подозвал клерка.

Члены комиссии зашевелились, и через две-три минуты сенатор Феллоуз снова повернулся к Коффману.

– Протест отклоняется, – повторил он. – Продолжайте, мистер Эймс.

– Прошу заслушать показания сержанта полиции О’Брайена, – сказал Эймс.

– Принял ли сержант О’Брайен присягу?

– Да.

– Хорошо. Приступайте. – Феллоуз повернулся к Рафферти. – Можете оставаться на своем месте. Сержант О’Брайен сядет рядом.

Эймс обратился к худому сутулому человеку с венчиком седых волос вокруг лысины.

– Ваше имя?

– Сержант Уоллес О’Брайен из департамента полиции города Нью-Йорка.

– В каком отделе вы работаете, мистер О’Брайен?

– В отделе, который занимается борьбой с рэкетом.

Эймс передал полицейскому несколько машинописных страниц.

– Это содержание телефонного разговора, который был записан вами на магнитофонную ленту около года назад, – сказал он. – Взгляните на текст и расскажите членам комиссии, где и при каких обстоятельствах была произведена вами эта запись.

Полицейский бегло просмотрел страницы.

– Эту запись я произвел в комитете номер 1610, входящем в состав ПСТР. Подслушивающее устройство было вмонтировано в телефон секретаря комитета Томми Фаричетти. Разговор шел между...

Эймс предостерегающе вскинул руку.

– Вы опознаёте голоса после прослушивания, сержант, – сказал он. – А пока все.

Он снова повернулся к Рафферти и заговорил, но слова его были обращены в зал.

– Эта запись говорит сама за себя, – сказал он. – Искажения и пропуски были сделаны только в тех местах, когда собеседники употребляли нецензурные выражения, которые не могут быть приведены в общественном месте. Прошу включить запись.

Рафферти, рывком отодвинув стул, вскочил на ноги.

– Господин председатель, – заговорил он, и в голосе его послышалось волнение, – господин председатель, прошу сделать перерыв на несколько минут, чтобы я мог проконсультироваться с моим адвокатом.

Сенатор Феллоуз взглянул на Эймса, тот кивнул утвердительно.

– Вам дается пятнадцать минут, – объявил Феллоуз и ударил по столу молотком. – Разбор дела откладывается, чтобы свидетель имел возможность побеседовать со своим адвокатом.

Рафферти схватил Морта Коффмана за руку и быстро стал пробираться через толпу в маленькую приемную, предназначенную для бесед. Заговорил он только тогда, когда они вошли в комнату и заперли за собой дверь.

– Морт, – сказал он, – Морт, ты не должен этого допускать. Я не знаю, что записано на ленте, но все равно не хочу, чтобы ее слушали.

Морт Коффман посмотрел на своего клиента и медленно покачал головой. Впервые за все время разбора дела, понял он, Рафферти теряет свою самоуверенность, начинает нервничать.

– Что я могу сделать? – спросил он. – Ты ведь был там, слышал, как я заявил протест и что из этого получилось...

– Черт побери, Морт, – настаивал Рафферти, – они не имеют права этого делать. Это незаконно. С какой стати федеральное правительство обвиняет меня в применении у себя в комитете подслушивающей аппаратуры, а себе позволяет делать то же самое да еще использует это в качестве улики против меня. Говорю тебе...

– Это делает не правительство, – возразил Коффман, – а нью-йоркская полиция. И запись произведена до того, как доказательства, полученные при помощи подслушивания, были объявлены незаконными.

– Какая разница, черт побери! Какое они имеют право сначала обвинять меня в том, что я использую подслушивающую аппаратуру, а потом сами используют запись в качестве доказательства...

– Послушай, Джек, – сказал Коффман, – ради бога, постарайся смотреть на вещи реально. Мы заявили протест. И рано или поздно сумеем использовать его в наших интересах. Но здесь же не уголовный суд. Остановить их сейчас мы ничем не можем. Когда ты решился давать показания, ты должен был понимать, что тебе придется столкнуться с подобным

обстоятельством.

– Я решил давать показания, потому что хотел содействовать работе комиссии, – возразил Рафферти. – Откуда я мог знать, что эти сукины дети вздумают...

– Послушай, Джек, – положил ему на плечо руку Коффман, – приди в себя. Сейчас не время злиться. И обманывать самого себя. Ты прекрасно знаешь, почему ты решил давать показания, знаю это и я. Ты хочешь сесть на место Фарроу, а чтобы это место заполучить, ты должен был говорить. Ты считал, что риск оправдан, и рискнул, но обстоятельства обернулись против тебя. Если бы ты побольше доверял мне, может быть, я сумел бы помочь...

– Ты можешь сделать, чтобы эту ленту не прослушивали?

– Я этого не сказал.

– Нечего тогда и рассуждать. Я доверяю тебе столько, сколько считаю необходимым. Я просто не хочу, чтобы все слышали этот разговор. Но если ты не можешь этому помешать, не надо. Мне беспокоиться не о чем, говорю я тебе. Комиссия старается подорвать мою репутацию, посорить меня с друзьями и единомышленниками. Но это ей не удастся. Нет, сэр, клянусь богом, это ей не удастся. Американцы, по-моему, достаточно сообразительны, они поймут, что здесь происходит.

– Разумеется, – иронически подтвердил Морт Коффман, – разумеется. А твои друзья и единомышленники тоже сообразительны – вот в чем вопрос?

Рафферти секунду мрачно смотрел на него.

– Пойдем, – сказал он наконец, – пойдем в зал. Но, Морт, если есть еще какие-нибудь записи, постарайся от них избавиться. Сделай так, чтобы их не прослушивали, сделай так, чтобы этот проклятый Эймс их не зачитывал. Придумай что-нибудь. Дай взятку кому-нибудь, в конце концов, или...

Морт Коффман печально взглянул на своего клиента.

– С этой компанией никаких сделок быть не может, Джек, – сказал он. – Тебе бы следовало знать об этом.

Отмахнувшись от него, Рафферти вышел из комнаты. Через пять минут они снова сидели на своих местах за столом, лицом к членам комиссии. Заседание возобновилось.

– Прошу включить запись, – повторил Эймс.

Техник склонился над магнитофоном, и зал затих.

Что-то зашипело, зашуршало, а потом послышался женский голос:

«– Да, мистер Фаричетти?

– Соедини-ка меня с 4-34-42 в Новом Орлеане. Мне нужен Карл Оффенбак.

– Минутку, пожалуйста».

Опять послышался какой-то шум и треск, затем заговорил второй женский голос:

«– 4-34-42 слушает.

– Говорит Нью-Йорк. Можно попросить мистера Карла Оффенбака?

– Подождите, пожалуйста.

– Карл Оффенбак у телефона, – раздался хриплый мужской голос.

– Карл, это Томми.

– Кто?

– Томми. Томми Фаричетти из Нью-Йорка. Это ты, Карл?

– Я. Как (шипение) поживаешь, приятель?

– Прекрасно. А у тебя как дела?

– Лучше не бывает, приятель. В чем дело?

– У меня здесь сидит один парень. Он хочет с тобой поговорить.

– Дай ему (шипение) трубку».

Опять шум и треск, потом новый голос:

«– Карл?

– А я думал, ты уже дома, мальчик. Что ты делаешь в Нью-Йорке с этим разбойником?»

Смех.

«– Карл, как дела?

– Какие дела?

– Ты знаешь. Насчет ребят. Все в порядке? Все предусмотрено?»

Долгое молчание, затем:

«– Я уже говорил тебе. Ты же знаешь, гарантировать я не могу...

– Черта с два ты не можешь, Карл. Мне лучше знать. Помнишь, что я тебе сказал? Старик Сэм кончился, ставь на нем крест. Он-то и не догадывается, но ничего не поделаешь. На выборах я рассчитываю на тебя. Что ты хочешь за это дело? Говори, я все сделаю. Мне нужны твои (шипение) делегаты, я должен их заполучить. Говори, что ты хочешь.

– Ты мне этого не дашь, приятель.

– Я сказал: говори. Ты меня знаешь, я всегда держу свои обещания.

– Ты ведь не дашь мне то, что я попрошу, приятель.

– Говори.

– Может, ты не сумеешь дать.

– Что с тобой? Сумею, сумею. Что, черт побери, тебе надо? Ты же знаешь, мне твои делегаты позарез нужны. Я на все пойду, чтобы их заполучить. Давай выкладывай.

– Ладно, приятель. Смотри только, не упади. Я хочу твою красотку.

– Чего?

– Твою красотку. С которой ты спишь. Такова цена, приятель.

– Ты что, спятил? Или я не расслышал?

– Расслышал, приятель, расслышал. Я сказал – хочу твою красотку. Тебе нужны мои делегаты, а мне нужна она. Ты сказал, что я могу просить все, что захочу. Так как насчет нее?

– Ты шутишь, Карл.

– Я никогда не шучу.

– Но, Карл, даже если я соглашусь, она-то сама может заартачиться.

– Чепуха! Она сделает то, что ты ей скажешь. Понимаешь, мне она давно нравится. Вот и цена, приятель. Ты спрашиваешь, я называю».

Снова долгое молчание, а потом женский голос:

«– Три минуты кончились, сэр, и...

– Катись к дьяволу!

– Слушай, Карл, если ты серьезно, то как, черт побери, уговорить ее на такую идиотскую...

– А зачем тебе ее уговаривать, Джек? Пришли ее сюда. Пусть остановится в отеле „Южный“ как миссис Оффенбак. Всем известно, что ты таким манером возишь ее по стране. Пусть едет сюда, я ее встречу. А уж когда мы будем вместе в номере, можешь не беспокоиться. Ты только держись подальше. Остальное я беру на себя.

– Карл, ты, правда, не шутишь?

– Ничуть. Тебе нужны делегаты, вот я и называю их цену».

Снова долгое молчание.

«– Ладно, Карл, я это организую. Дай только знать, когда. Позвони мне во вторник. Я все устрою.

– Умник. И не беспокойся насчет выборов. Мои ребята проголосуют как надо.

– Я на это и рассчитываю. Только вот что, Карл: она остановится в отеле под твоим именем, но дальше ты должен действовать сам.

– А как же иначе, приятель? Все будет в порядке. Значит, я звоню тебе во вторник?

– Звони».

Техник выключил магнитофон, и Эймс попросил О’Брайена опознать голоса. Полицейский тотчас заявил, что первый мужской голос принадлежит Томми Фаричетти, второй – Карлу Оффенбаку, а третий – Джеку Рафферти. Эймс отпустил его и снова повернулся к Рафферти.

– Мистер Рафферти, – сказал он, – припоминаете ли вы этот разговор?

– Нет.

– Но вы признаете, что это ваш голос?

– Ничего я не признаю. Я не помню, когда я был в Нью-Йорке в прошлом... – Он задумался, опустив глаза на листок бумаги, на котором раньше что-то записывал, – в августе прошлого года. Сейчас я точно сказать не могу, мне надо посмотреть сначала мою старую

записную книжку. Тогда я могу сказать точно. Во всяком случае, я решительно отказываюсь признать, что у меня состоялся подобный телефонный разговор.

– Но вы разговаривали по телефону с мистером Оффенбаком?

– Часто. Я разговариваю со многими профсоюзными деятелями.

– Но этот разговор вы не помните?

– Не только не помню, я утверждаю, что это не мой голос. Наверное, сержанту О’Брайену хорошо известно – ведь вы привели его сюда в качестве эксперта по подслушиванию, – что по телефону голос точно опознать нельзя.

– Пусть будет так, мистер Рафферти, – пожал плечами Эймс, – однако мне хотелось бы напомнить вам, что в процессе следствия установлено, что второго сентября прошлого года мисс Харт действительно останавливалась в отеле «Южный» в Новом Орлеане под именем миссис Карл Оффенбак. Ее опознали коридорный и официант. Мы также установили, что в минувшие годы мисс Харт несколько раз останавливалась в различных отелях под именем жен некоторых профсоюзных деятелей и что во всех случаях счет, предъявленный отелем, был оплачен лос-анджелесским комитетом за вашей подписью. Продолжаете ли вы и сейчас утверждать...

Рафферти перебил его, не успев даже подняться на ноги. Голос его звучал резко, несмотря на то, что он старался сдерживаться.

– Я уже объяснял, – сказал он, – что счета мисс Харт оплачивались в тех случаях, когда она находилась при исполнении служебных обязанностей. Считала или не считала мисс Харт возможным проживать в отелях под именем жены своего спутника, это вопрос ее собственной морали или аморальности. И задавать подобные вопросы следует либо самой мисс Харт, либо тем мужчинам, которые ее сопровождали. Как я уже говорил, я не могу нести ответственность за поведение каждого, кто имеет отношение к ПСТР. Если я обнаруживаю – считаю своим долгом напомнить членам комиссии, что я уже об этом заявлял, – что деятельность или поведение моего сотрудника пятнает репутацию союза, я делаю все возможное, чтобы избавиться от услуг такого сотрудника.

Как только Рафферти сел, поднялся сенатор Эрли. Он посмотрел на председателя, испрашивая разрешения говорить.

– Слово имеет сенатор Эрли, – сказал Феллоуз.

Эрли явно был рассержен.

– Мистер Рафферти, – начал сенатор, – от себя лично я хочу извиниться за привлечение к расследованию такого средства, какое мы были вынуждены слушать в течение нескольких последних минут. Я всегда считал, что расследование должно состоять только в поиске сведений, касающихся противозаконной деятельности профсоюзов или администрации, которые могли бы в дальнейшем помочь правительству в борьбе с подобными нарушениями. Наша комиссия учреждена не для того, чтобы наказывать профсоюз или подрывать репутацию отдельных профсоюзных деятелей. – Он помолчал, а потом холодно взглянул на Джорджа Морриса Эймса. – Я предлагаю, чтобы главный юрисконсульт продолжал разбор дела.

Когда он уселся, председатель Феллоуз посмотрел на часы и увидел, что уже больше четырех. Вдохнув, он поднялся и, несколько раз стукнув по столу молотком, сказал:

– Было бы желательно к субботе закончить слушание показаний свидетеля. А сейчас сделаем пятнадцатиминутный перерыв.

Глава пятнадцатая

В заполненном до отказа помещении царила полная тишина, когда сенатор Орманд Феллоуз, пригласив членов комиссии занять места, предложил главному юрисконсульту продолжать.

Джордж Моррис Эймс медленно поднялся на ноги.

– На этот раз, мистер Рафферти, – начал он, – мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, касающихся деятельности так называемых «бумажных комитетов». Я говорю о тех комитетах, которые представляют фактически не существующие союзы, и во главе которых находятся в большинстве своем люди с богатым уголовным прошлым. Эти комитеты

используются либо как средство для вымогания денег у владельцев небольших предприятий, угрожая им забастовками, либо для сбора взносов с тех членов, которые были вовлечены в организацию вопреки своей воле и не видят в ней никакого для себя прока, либо, наконец, для посылки на региональные и общесоюзные выборные конференции делегатов, которым дается наказ голосовать за определенных кандидатов.

Мистер Рафферти, вы засвидетельствовали, что не имеете понятия о таких союзах, что, следовательно, вам не известны цели их создания и что у вас нет никаких деловых связей с людьми, – он остановился и указал на доску позади него, на которой был написан длинный список имен, а рядом – занимаемые должность и статья, по которой отбывалось наказание, – с людьми, которые, получив полномочия от ПСТР, хозяйничали в этих занимающихся рэкетом «бумажных комитетах».

– Я уже заявлял, что понятия не имею о тех методах, какими пользуются подобные организации, – холодно и не спеша перебил его Рафферти. – Но я не говорил, что у меня нет никаких деловых связей с людьми, которые ими заправляют. Разумеется, я с ними встречался. Иногда я сам вручал им мандаты. Я знаком с отдельными сотрудниками этих комитетов, виделся со многими из тех, чьи имена написаны на доске за вашей спиной.

– Значит, вы признаете...

– Ничего я не признаю. Я просто говорю, что знаю некоторых из них. Я знаком с сотнями, тысячами членов союза и сотрудниками комитетов. Если мне становится известно, что они, используя служебное положение, злоупотребляют оказанным им доверием, я делаю все возможное, чтобы от них избавиться.

– А если это бандиты и уголовные преступники в прошлом?

– Человек может быть в прошлом уголовным преступником, а сейчас отличным профсоюзным работником, – отпарировал Рафферти. – Закон нашей страны гласит, что, отбыв срок наказания за содеянное преступление, человек расплатился с обществом. И если возвратившись в общество, он ведет скромную, честную жизнь, я убежден, он имеет право попробовать себя заново. Я не позволю какому-нибудь жулику или рэкетиру проникнуть в ряды рабочего движения, но готов предоставить бывшему преступнику возможность исправиться.

– Не сомневаюсь, мистер Рафферти, – сказал Эймс, и в его голосе явно зазвучала ирония. – Не сомневаюсь, что вы именно так и поступали. Однако, вернемся к некоему Томми Фаричетти. Насколько мне известно, мистер Фаричетти является секретарем комитета номер 1670 ПСТР в городе Нью-Йорке.

– Был секретарем, – поправил Рафферти. – Сейчас он уже не секретарь.

– А когда...

– Комитет 1670 распущен примерно два месяца назад, – не дал ему договорить Рафферти. – Одновременно мистер Фаричетти перестал быть сотрудником и членом ПСТР.

– Комитет был распущен тогда, когда началось расследование, не так ли мистер Рафферти?

– Возможно. В ваших протоколах это точно указано.

– Совершенно справедливо. А теперь, мистер Рафферти, прошу вас изложить членам комиссии сущность ваших отношений с мистером Фаричетти.

Но не успел еще Рафферти открыть рот для ответа, как Эймс поднял руку.

– Видите ли, – быстро добавил он, – вопрос этот очень важный, поскольку в распоряжении комиссии уже имеются сведения, что мистер Фаричетти был не только секретарем в комитете 1670, но и силой за спиной нескольких так называемых «бумажных комитетов» в городе Нью-Йорке, а также организатором и негласным боссом полдюжины других таких же комитетов в Нью-Джерси и Пенсильвании. Все эти комитеты, могу добавить, входили в состав ПСТР.

– Что вам угодно знать?

– Мне хотелось бы знать, в чем состояла и состоит сущность ваших отношений с мистером Фаричетти?

Рафферти откашлялся и отпил воды из стакана.

– Я знаком с Томасом Фаричетти много лет. Как вам известно, я прослушал показания всех свидетелей, которые выступали перед уважаемой комиссией, и слышал, то, что говорилось о нем. Его называли преступником, рэкетиром, вымогателем, сводником, – всеми бранными словами, которые существуют в словаре. Может, это и правда, а может, и нет. Но когда я

впервые встретился с Томми Фаричетти, он был сотрудником комитета в Бруклине, и мне тогда казалось, что он предан профсоюзной работе и обладает хорошими организаторскими способностями. Было это где-то в сорок пятом или в сорок шестом году, сразу после окончания войны, и...

Томми Фаричетти был один в номере мотеля, расположенного по другую сторону реки от Вашингтона. Ссутулившись, он сидел в кресле и не сводил глаз с экрана маленького портативного телевизора. Он был без пиджака и держал в руке незажженную сигарету.

Он приподнялся и усилил звук.

Сорок пятый год. Да, правильно. Сразу после окончания войны. Сорок пятый. Он помнил не только год, но и месяц и день. Время, место и все прочие обстоятельства. Даже людей, которые находились в комнате, когда Коротыш привел к нему Джека Рафферти.

Он даже помнил, что сказал Коротыш за десять минут до появления Рафферти.

– Томми, – говорил Коротыш, – этот малый не из наших. Он один из тех фанатиков, что борются за дело рабочих. Но он кое-что собой представляет, а со временем станет еще большей силой. Он пойдет вверх, и мы должны с ним сотрудничать. Несмотря на его честность, тебе, Томми, он придется по душе.

Он и вправду понравился Томми с первого взгляда, когда протянул руку, чтобы поздороваться. Он понравился Томми, который с самого начала понял, что в один прекрасный день Рафферти будет большим боссом в профсоюзном движении. У него это прямо было написано на лице.

– Сэм Фарроу велел мне встретиться с вами, когда я буду в Нью-Йорке, – сказал Рафферти.

– Вас прислал мистер Фарроу?

Томми знал, что Фарроу занимает большой пост в ПСТР, знал, что его власть и влияние распространяются далеко за пределы его собственного района.

– Совершенно верно. Он сказал, что вам только что вручили мандат и что мне следовало бы зайти познакомиться с вами. Я из лос-анджелесского комитета.

– Вот как? Садитесь. Коротыш, ну-ка принеси нам пару холодного пива.

Комната, в которой они сидели, находилась позади кондитерской. Томми снял ее всего за две недели до этого. Это было временное помещение, но оно вполне его устраивало. В то время его союз состоял лишь из пяти человек – он сам да еще четверо – все старые приятели, которые решили вместе с ним участвовать в этом новом рискованном предприятии. Томми совсем недавно разнюхал о возможностях профсоюзного бизнеса.

Они сидели, пили пиво, и Томми завел разговор. Он почуял, что если сам не начнет, то от Рафферти этого не дождешься.

– Вы друг мистера Фарроу? – спросил он.

– Некоторым образом, – ответил Рафферти. – Он мой босс.

– А как получилось, что он...

– Он случайно узнал, что вы получили мандат, – ответил Рафферти. – Его вам вручили на конференции?

– Да.

– Вот он и хотел вас поздравить, – сказал Рафферти. – Между прочим, вы уже выбрали делегата?

– Делегата? – Томми не понял, о чем спрашивал Рафферти.

– Ну да, делегата. Поскольку вы самостоятельная организация, то имеете право послать одного делегата на осеннюю общесоюзную конференцию, на которой он будет голосовать за кандидатов в региональные и общесоюзные комитеты.

– Вот как? – удивился Томми. – Что ж, в таком случае можете считать делегатом меня.

Рафферти внимательно посмотрел на него.

– Из скольких членов состоит...

– Сейчас трудно сказать, – быстро ответил Томми. – Видите ли, мы только что получили мандат и находимся в стадии становления, но мы надеемся...

– Вы давали обещание кому-нибудь из кандидатов?

На этот раз Томми, в свою очередь, внимательно посмотрел на Рафферти. Он знал, что его ждет.

– Понимаете, – начал он, – мандат мне устроил Кэтсмен. Поэтому я, наверное, должен...

– Мистер Фаричетти, – перебил его Рафферти, – Кэтсмен сейчас не очень популярен в верхах. А после очередных выборов, вряд ли он будет вообще иметь какое-либо влияние.

– Вот как? Что ж, очень жаль. Но видите ли, мандат мне устроил он, а я бы не хотел, чтобы его отобрали.

– Могу вам пообещать это. И также...

– Это обещание даете вы лично или от имени мистера Фарроу?

– Давайте сформулируем так: я выражаю мысли мистера Фарроу. И вот что я вам скажу: если вы согласитесь, на осенних выборах выступить в поддержку наших кандидатов, ваш мандат, могу вас заверить, останется при вас.

– Рад слышать, – отозвался Томми.

Так состоялась их первая, но далеко не последняя встреча. Дружба, которая завязалась потом, началась, конечно, не сразу и не через год или два. Рафферти большую часть времени проводил у себя на юго-западе, трудясь на благо своего комитета и во имя собственной славы. Томми же мало интересовался собственным комитетом, у него было множество других дел, и союз для него был лишь побочным занятием, приносившим время от времени небольшой доход. Реальная ценность его состояла в том, что он обеспечивал солидное, уважаемое положение. Как профсоюзный работник Томми пользовался некоторой неприкосновенностью в отношениях с полицией – за последние годы она проявляла к нему больший интерес, чем ему бы хотелось.

Только года через три-четыре они с Рафферти стали друзьями. Случилось это, когда Томми зарвался и попал в беду. Дело на сей раз было поднято не полицией, а вышестоящим региональным комитетом, куда начали поступать жалобы от рабочих, которых он силой принудил вступать в союз, и от мелких предпринимателей, ставших его жертвами.

Председатель регионального комитета, человек на редкость честный, ветеран профсоюзного движения, ознакомившись с деятельностью Томми, решил призвать его к ответу.

– Фаричетти, для нашего движения было бы гораздо лучше, если бы в его рядах не было таких людей, как ты. Поэтому я постараюсь сделать все возможное, чтобы избавиться от тебя. – Такими словами закончил он свою беседу с Томми.

Выйдя от него, Томми вспомнил, что угрожавший ему профсоюзный деятель принадлежал к группе, которая выступала против руководства союза в целом и Сэма Фарроу в частности, и что Джек Рафферти уже сетовал на этих людей.

Он позвонил в Лос-Анджелес.

Рафферти отказался вести разговор по телефону и предложил Томми приехать. Томми выехал в Лос-Анджелес, и Рафферти встретил его в ресторане аэропорта. Томми сразу выложил карты на стол.

Рафферти слушал молча, пока он не кончил, а затем сказал:

– Ты можешь потерять свой мандат.

Томми ничего не ответил.

Наступило долгое молчание, а затем Рафферти сказал:

– Ты, наверное, не слышал, но у меня тоже неприятности. Правда, совсем другого плана. У нас большая забастовка в Сан-Педро.

– Ну и что же?

– Дела там довольно сложные. Администрация привезла из Фриско и Сиэтла отъявленных головорезов. Им дали право, и они здорово подкинули нашим. Флойду Кэмерону выбили глаз, и он до сих пор в тяжелом состоянии.

Томми кивнул, хотя не понимал, куда клонит Рафферти.

– Мы можем проиграть эту забастовку, – продолжал Рафферти. – Наши ребята не выдержат. В основном это люди, привыкшие сидеть в конторах. Их можно быстро уговорить.

Томми снова кивнул, так и не сообразив, какое это имеет к нему отношение.

– Нам нужно несколько по-настоящему крепких парней, – продолжал Рафферти, – которые умели бы, пустить в ход кулаки, а то и что-нибудь другое.

– А разве вы не можете нанять...

– Если бы мог, я бы это сделал, – ответил Рафферти, не дослушав вопроса.

– Что ж, я, конечно, могу подослать вам несколько парней. Немного, разумеется, зато мои ребята не боятся ни бога, ни черта. Возможно, действовать они будут без большого энтузиазма, но что от них требуется, сделают, можешь быть уверен.

– Вот это было бы кстати, – кивнул Рафферти.

– Только им надо заплатить.

– Они получают пятнадцать долларов в день плюс расходы, – сказал Рафферти. – Такова цена. Пятнадцать плюс расходы.

Томми смотрел на него во все глаза.

– Пятнадцать? Господи, да они заработают больше.

Рафферти встал.

– Я просто так, к случаю, рассказал тебе об этом. Очень сожалею по поводу того, что случилось у тебя в Нью-Йорке, но...

– Подожди, – сказал Томми. – Подожди минуту. Когда тебе нужны мои люди?

– Сейчас. Сразу, как сумеют добраться.

– Они будут здесь. Постараюсь дозвониться в течение получаса. Но пятнадцать монет в день! – Он свистнул. – А на залог деньги найдутся, если понадобится? – спросил он.

– Найдутся, не беспокойся. А насчет этого дела с Мэлли, который угрожает забрать у тебя мандат, забудь. Мэлли ни у кого мандата отобрать не может. По правде говоря, он и сам скоро слетит. Возвращайся в Нью-Йорк и не вспоминай про него.

Томми кивнул.

– Рад слышать, – сказал он. – Хотелось бы поблагодарить...

– Чепуха, – отмахнулся Рафферти. – Только я хочу дать тебе один совет. Действуй полегче. Не знаю, чем ты занимаешься, и, по правде говоря, не хочу знать, но не горячись. Нас не очень заботит Нью-Йорк, но в ПСТР немало довольно ответственных деятелей, которые не желают и слышать о неприятностях. Где бы то ни было.

– Не беспокойся, – заверил его Томми. – А когда в следующий раз будешь в Нью-Йорке, обязательно зайди. Мне бы хотелось сводить тебя кое-куда и показать кабаки.

Когда Рафферти в очередной раз приехал в Нью-Йорк, Томми познакомил его с Джил Харт.

С тех пор Томми все чаще и чаще встречался с Рафферти. Рафферти ему нравился, он восхищался им, но до конца так и не раскусил. Не мог понять, что в нем есть особенное. В общем, это была довольно странная дружба, основанная не на общности интересов и не на сходстве характеров. Ее цементировали лишь услуги, которые они поочередно оказывали друг другу, и тем не менее, дружба эта обладала определенными, присущими только ей, свойствами.

Рафферти казался Томми человеком необычным. С самого начала не приходилось сомневаться, что это не гангстер и не рэкетиер. Рассуждал он и действовал как человек, который всем сердцем верит в то, что делает. В его разговор то и дело вплетались фразы, вроде «благо рабочих», «доходы», «коррупция среди административного персонала», «обсуждение условий».

Томми знал, что Рафферти много раз предоставлялась возможность продать своих и извлечь из этого немалую выгоду, однако ни разу он на это не пошел. По отношению к работе он, казалось, был неподкупен.

С другой стороны, Томми был уверен, у Рафферти нет никаких иллюзий в том, что он, Фаричетти, прикрываясь своей должностью в комитете, занимается рэкетом, вымогая деньги и у членов союза, и у мелких предпринимателей, доходы которых зависят от находящихся у него под контролем рабочих.

А потом ему стало известно, что знакомство Рафферти с преступным миром не ограничивается только им, Томми. В добром десятке городов у него были связи с бывшими преступниками, нечестными политиками, аферистами и прочим сбродом. Много прошло времени, прежде чем Фаричетти подобрал ключ к явным противоречиям в жизненных принципах Рафферти. Но наконец он начал соображать.

Рафферти действительно был предан делу профсоюзов, но при этом считал, что конечная цель оправдывает все средства. Для того чтобы делать то, что ему хотелось, чтобы стать тем, кем ему хотелось стать, он должен был обрести власть, и ради завоевания этой власти ни перед

чем не отступал.

Осуществляя поставленную перед собой цель, Рафферти испытывал постоянную нужду в людях, подобных Фаричетти, и Фаричетти это вскоре понял. Он оказал Рафферти немало услуг. Десятки раз он фальсифицировал выборы, заполняя избирательные урны фальшивыми бюллетенями, угрозой и силой заставлял людей голосовать за Рафферти. Снабдил Рафферти подслушивающей аппаратурой, когда тому вздумалось узнать, что происходит в его собственном да и в других комитетах. Поставлял людей, которые умели действовать силой: взрывников, поджигателей и телохранителей.

Разумеется, услуга оказывалась за услугу. Когда Томми приходилось туго, Рафферти, в свою очередь, поддерживал его. И при этом всегда держал слово, неизменно выполняя свои обещания.

Пару раз Томми всерьез призадумывался, не бросить ли ему свою преступную деятельность и сделать карьеру профсоюзного деятеля. Он знал, что те, кто стоят во главе союза, зарабатывают неплохие деньги. Причем законно. При прочих равных условиях Фаричетти вовсе не возражал зарабатывать деньги законным путем. Зарабатывать, ничем не рискуя и не боясь очутиться на скамье подсудимых.

Он помнил, как однажды сказал об этом Рафферти и что тот ответил.

Они вместе были в гостях и вернулись к себе в номер, где жили вдвоем, уже ночью. Томми был слегка пьян, что с ним случалось крайне редко. Рафферти решил перед сном еще раз выпить, и тут-то Томми и заговорил с ним.

– Знаешь, Джек, – сказал он, – меня все время мучает один вопрос. Что бы ты сказал, если бы я решился баллотироваться в региональный комитет, ну, скажем, не в качестве председателя, а в качестве секретаря или чего-нибудь вроде этого?

Рафферти поставил свой стакан на стол и уставился на него во все глаза.

– Я бы сказал, что ты спятил, Томми, – ответил он.

– Почему? – нахмурился Фаричетти. – Почему бы мне этого не сделать? Я работаю в союзе уже...

– Послушай, – сказал Рафферти, – приди в себя. За тобой целый список уголовных дел. Всю свою жизнь ты занимался рэкетом. Неужто ты действительно полагаешь...

– У многих из тех, кто сидит в комитетах, уголовное прошлое, – возразил Томми.

– Знаю, – отмахнулся Рафферти. – Но не в солидных комитетах. И еще одно. За ребятами с уголовным прошлым, которые занимают действительно высокие посты, числятся совсем не такие дела, как за тобой. Они влипли в драках, в пикетах или на других профсоюзных делах. Вот в чем разница.

– Ты хочешь сказать, что у меня нет никаких шансов, что меня не поддержат...

– Хочешь знать правду? – спросил Рафферти. – Пожалуйста, скажу. Не тебе вершить дела в профсоюзном движении. Я тебя люблю и могу сказать по секрету, что люди, которые сидят наверху и занимают посты повыше меня, слышали про тебя и считают, что ты нам вполне подходишь. Но чтобы заправлять региональным комитетом, об этом и речи быть не может. В ту минуту, когда ты поднимешь голову, найдется, по меньшей мере, с полсотни людей, готовых тебя свалить. Пока ты сидишь на своем месте и вершишь свои дела, как вершил до сих пор, все в порядке, и в нужных местах у тебя есть друзья, сам знаешь. Но если ты сотворишь что-нибудь такое, что придется твоим друзьям не по вкусу, – не хотелось бы мне говорить этого, – тебя ждет конец.

С тех пор он знал свое место и не питал больше никаких иллюзий в отношении карьеры, во всяком случае в ПСТР. Он смирился, но если бы не та беда, что стряслась вскоре, отношения с Рафферти после их разговора у него определенно бы охладились. Тут же Рафферти представилась возможность раз и навсегда доказать свою дружбу.

Случившееся произошло по вине Томми, и он это знал. Конечно, ему не повезло, но он сам был виноват. Он пожадничал. В Куинзе у одного человека была небольшая мойка для машин, и, угрожая науськать против него рабочих, Томми регулярно вытряхивал из него пятьдесят долларов в неделю. А когда, проверив, выяснил, что предприятие это процветает, повысил требования. Он захотел сто пятьдесят долларов, но владелец запротестовал, и Томми послал к нему парочку подходящих молодцов, которые устроили там настоящий погром. Тогда

этот человек пришел и предложил заплатить. Он заплатил, но мечеными деньгами.

Томми взяли прямо с полицным. Его обвинили в вымогательстве и как следует прижали. Один из тех, кого он послал громить станцию, оказался заячьей душой и раскололся. Прокурору даже не пришлось особенно стараться. Томми нанял хорошего адвоката, но тот ничем не смог ему помочь. Он получил очередной нокдаун – третью судимость в штате Нью-Йорк.

Его отправили в Синг-Синг с приговором от двух до пяти лет, и он отсидел три года. Он вышел конченным человеком. Шайка его распалась, он был в отчаянии. И вот тут Рафферти нашел ему работу коммивояжера, чтобы те, кто его освободил досрочно, заткнулись. А потом сам приехал в Нью-Йорк, и они встретились.

Рафферти выложил ему все, что он о нем думал.

– Ты сделал глупость, Томми, – сказал он. – Страшную глупость. И мы, твои друзья, были очень огорчены. Да ты и сам, наверное, жалеешь. Но сделанного не воротишь. Подумаем лучше о будущем. Вот что мы придумали. Комитетом 1670 правит один парень по имени Стив Калек. Работник он слабый, но за его спиной можно держаться. Ты влезешь в этот комитет – будешь там штатным сотрудником – и постепенно приберешь его к рукам. Калек будет знать, что ты от нас. Я хочу, чтобы ты всех там объединил и как следует сцементировал. Но только никаких глупостей. А через год-другой, если все будет в порядке, сделаем тебя секретарем. – Он помолчал, а потом спросил:

– А как у тебя с деньгами?

– Никак, – ответил Томми. – Если бы не мой адвокат, то у меня конфисковали бы и дом, и...

– Знаю, – перебил Рафферти. – Вот возьми, пока не устроишься. – Он вытащил пачку денег, отсчитал несколько купюр и сунул их Томми. – Здесь пять тысяч, – сказал он. – Если понадобится еще, свисти.

Томми принялся было что-то говорить, благодарить, уверять, что обязательно вернет деньги, как только у него поправятся дела, но Рафферти опять перебил его.

– Это не займы, – сказал он. – Это в знак признательности. И забудь о них.

Таковы были их отношения и по сей день. Рафферти помогал ему, поддерживал его, а он, в свою очередь, оказывал ему разные услуги. Он всегда чувствовал себя как бы в долгу, ему постоянно хотелось чем-нибудь отплатить Рафферти, и вот наконец такая возможность представилась.

Случилось это около семи месяцев назад. В ту же минуту, когда Рафферти поздно вечером позвонил ему домой из Лос-Анджелеса, он сразу понял, что произошло что-то важное.

– Завтра я прилетаю в Нью-Йорк, – сказал Рафферти. – Нам нужно повидаться, Томми.

– Хорошо, – согласился Фаричетти. – Где мы встретимся? У меня в комитете?

– Нет, Томми, не в комитете. Давай в «Коммодоре».

– В какое время, Джек?

– Я не собираюсь там останавливаться, – пояснил Рафферти. – Встретимся в баре. Повидаюсь с тобой и сразу же лечу обратно.

– Хорошо, Джек. А что-нибудь...

– В пять тридцать в баре «Коммодора», – сказал Рафферти и положил трубку.

И тогда он убедился, что это действительно нечто очень важное.

Томми уже сидел в баре и ждал, когда вошел Рафферти.

– Пойдем погуляем, – сказал Рафферти. – Нам нужно поговорить.

Они вышли и пошли вверх по Мэдисон-авеню.

– Дело вот в чем, – начал Рафферти. – Ты, наверное, слышал, что у старика неприятности. С налогом, В последний раз кое-что не сработало, и, по слухам, вот-вот начнется правительственное расследование. Может, как раз начнут с ПСТР.

– Вот как?

– Да. Но я не об этом хочу с тобой говорить. Ты знаешь Клода Мэркса?

– Только с виду, – ответил Томми.

Он знал Мэркса. Это был сотрудник самого большого комитета ПСТР в Нью-Йорке, активный член профсоюза с незапятнанной репутацией, но его подозревали в том, что в последние годы он спознался с коммунистами.

– Он доставляет нам много хлопот, – объяснил Рафферти. – И уже давно выступает против нас. Он всегда был смутьяном. А последнее время мы прямо измучились с ним. Заигрывает с людьми, которые нам не по душе, и старается спихнуть Фарроу с председательского кресла еще с тех пор, когда старик в него уселся. Много болтает, причем не думает, с кем болтает. Ищет популярности, и если начнется широкое расследование, держу пари, будет играть на руку правительству. Нужно заткнуть ему рот, пока он чего-нибудь не натворил.

Фаричетти остановился и повернулся к Рафферти.

– Заткнуть ему рот?

– Ну да. Мэркс опасен. Пока он умел только надоедать, а теперь становится опасным.

– Это мнение мистера Фарроу? – спросил Томми.

Рафферти секунду холодно смотрел на него.

– Это мое мнение, – наконец сказал он. – Не знаю, что думает старик, да это и не имеет значения. Я говорю тебе, что я думаю.

– Ты хочешь сказать, Джек, – начал Томми, тщательно подбирая слова, – что с ним нужно что-то сделать? Что нельзя быть уверенным...

– Я что, должен разжевать и вложить тебе в рот, Томми?

Несколько секунд оба молчали.

– Дело это крайне деликатное, – наконец сказал Рафферти. – Мэркс – человек непростой. По крайней мере, прессе и общественности он известен. Поэтому тебе придется самому заняться им. Больше никому я бы не стал доверять.

Фаричетти смотрел на него во все глаза.

– Ты просишь лично меня взяться за пистолет...

– Не будь дураком, Томми, – раздраженно перебил его Рафферти. – При чем тут пистолет? Я имею в виду, что ты лично должен все организовать и нести за это полную ответственность.

– Понятно, – сказал Томми.

Опять наступило молчание.

– Ты ведь знаешь, Джек, у меня уже три судимости, – сказал Фаричетти. – Если я еще раз засыплюсь, мне не сдобровать. А чертовски не хочется, чтобы произошло нечто подобное...

– Ты не ребенок, – перебил его Рафферти, – и знаешь, как делать дела.

– Разумеется, – кивнул Томми. – Разумеется, я знаю, как делать дела. И еще один вопрос, Джек. Давай говорить откровенно. Ты хочешь, чтобы этого парня прикончили...

– С ума сошел! – возмутился Рафферти. – Господи боже, конечно, нет! Я никогда ничего подобного не говорил. Я просто сказал тебе, что он проклятый смутьян и надоел мне до смерти. Он уже начал болтать, где надо и где не надо, а будет болтать еще больше, если ему не заткнуть пасть. Кстати, имей в виду, он ничего не боится. Его уже пытались пугать, не вышло. И подкупить его нельзя. Тоже пытались.

– Значит, он не из пугливых и денег не берет, и все-таки ты хочешь заткнуть ему рот. Верно?

– Верно, Томми.

– Ладно, Джек, – медленно кивнул Фаричетти. – Если ты этого хочешь, я устрою...

– Меня не интересуют подробности, Томми. И хватит об этом говорить. Я знаю, что могу на тебя рассчитывать, приятель.

– Можешь на меня рассчитывать.

И Рафферти уехал.

Фаричетти это дело было не по душе; таких занятий он уже давно старался избегать. Но услуга за услугу, и он решился. Он действовал с особой осторожностью и умением. Он дал задание своему двоюродному брату, человеку, которому, он знал, можно доверять.

– Не хочу знать, кто это сделает, – принялся он объяснять. – Но сделать нужно как следует. Деньги вы получите немалые, поэтому не скупись, заплати побольше тому, кто плеснет кислоту. Мэркса требуется припугнуть, но не приканчивать. Ни в коем случае. И еще одно. Я уже сказал, что не хочу знать, кто это сделает. Но я должен быть уверен, что этот человек не трус и не заячья душа. Чтобы не получилось по пословице: не рой другому яму, сам в нее попадешь.

Брат уверил его, что сумеет выполнить задание. И выполнил. Все прошло, как было задумано, за исключением одного немаловажного обстоятельства. У Клода Мэркса оказалось

больное сердце, о чем ни он сам, ни окружающие не подозревали, и через две минуты после того, как ему плеснули в лицо кислотой, он упал на тротуар мертвым. Может, кислота напугала бы его на всю жизнь, но он не сумел прожить столько, чтобы в этом можно было убедиться.

Газеты подняли шум, крыли почем зря департамент полиции. У полиции то и дело возникали новые идеи, однако они ни к чему не привели. Случилось все очень просто. Человек вышел из кино после позднего сеанса и шел к своей машине. Кто-то загородил ему дорогу, выплеснул в лицо целую фляжку кислоты, повернулся и ушел. Свидетелей не оказалось, поблизости никого ее было.

Допросили сотни людей, Томми Фаричетти тоже попал в число допрошенных. Его подозревали, но вместе с тем подозревали и сотни других. У Клода Мэркса было немало врагов.

А потом все улеглось, газеты забыли о происшествии, как забыли и все остальные, кроме, конечно, вдовы погибшего да Томми Фаричетти.

А когда и Томми начал забывать, вдруг, ни с того ни с сего, об этом опять заговорили. Месяц назад нью-йоркская полиция арестовала двоюродного брата Фаричетти и предъявила ему обвинение в преднамеренном убийстве. Этот арест и сам по себе ничего хорошего не сулил, а тут еще оказалось, что арестован и его двадцатичетырехлетний сообщник, который занимался сбором денег на поддержание игорного дома в нижней части Ист-сайда. Его пока не обвинили в том, что кислоту плеснул он, но газеты на это ясно намекали. Полиция предъявила ему множество других претензий, но из различных заявлений прокурора можно было сделать далеко идущий вывод о том, что его считают виновным. Быстро установили, что он связан с братом Фаричетти. И наконец арестовали самого Фаричетти.

Его продержали сорок восемь часов как подозреваемого, а затем предъявили обвинение. Потом его выпустили под залог, но он понимал, что влип основательно. Прокурор уже объявил, что передает в суд дело двадцатичетырехлетнего вымогателя как прямого и косвенного соучастника, но, когда репортеры попытались выяснить, сознался тот или нет, говорить отказался. Заключение тоже молчал; у него не было денег, чтобы внести залог, поэтому никто не знал, что он способен сказать.

Рафферти же сказал Томми только одно:

– Не беспокойся! – и все. Только: – Не беспокойся!

А он беспокоился и даже очень.

И вот теперь, сидя в мотеле и глядя на изображение Джека Рафферти на телевизионном экране, он ничуть не сомневался в своем друге и благодетеле, но тем не менее очень беспокоился.

Было уже больше шести, и Фрэнсиз Макнамара, приехавший около часа назад, все это время, пока Томми смотрел телевизор, взволнованно ходил по комнате.

– Скоро конец, – заметил Макнамара. – Еще несколько минут, Томми, и все будет кончено.

Томми только хмыкнул.

– Скоро-то скоро, – отозвался он, – но этот подлец Эймс опять начал расспрашивать его обо мне. Какого черта он привязался? Меня ведь уже допрашивали.

– Но ты же сослался на пятую поправку и отказался говорить. А Рафферти говорит, вот его и спрашивают.

– Говорит, – подтвердил Томми, – но, слава богу, не все. И все-таки мне бы хотелось с ним повидаться. Не понимаю, почему он отказался. Не понимаю...

Сенатор Феллоуз еще раз взглянул на часы, встал, перебив Эймса, который как раз собирался задать очередной вопрос, и громко стукнул по столу своим молотком.

– Боюсь, нам сегодня не удастся дослушать свидетеля, – сказал он. – Сделаем перерыв в заседаниях на субботу и воскресенье, а в понедельник прошу свидетеля снова быть здесь. – Он помолчал, а потом добавил: – Поскольку наше сегодняшнее заседание закончилось поздно, в понедельник слушание дела начнется в два часа дня.

Глава шестнадцатая

В субботу утром в начале восьмого Марта Рафферти нашла записку, которую Энн оставила на большом кухонном столе. Спала Марта в эту ночь плохо, почти непрерывно металась, не находя себе места, и заснула только на рассвете. Но проснулась, как всегда, ровно в семь и сразу же встала. Минут пятнадцать – двадцать ушло на умывание и одевание, и к тому времени, когда она спустилась в кухню, чтобы приготовить завтрак, решение было принято. Найденная записка ничего не изменила.

Прочитав несколько коротких строчек, она несколько минут стояла неподвижно, не выпуская листок из рук и не зная, что предпринять. Потом вернулась в комнату, отыскала свою сумку, аккуратно свернув записку, положила ее туда, подошла к телефону и позвонила своему брату в Сиэтл.

Стив Деэни прилетел в конце дня. Они обсудили случившееся, поспорили немного, но в конце концов пришли к согласию. В полицию они звонить не будут, Рафферти в Вашингтон тоже. Но Эбботам они позвонили. Никто не ответил.

В восемь часов вечера Марта сложила чемодан. Стив позвонил к себе домой и сказал жене, что задержится на несколько дней в Лос-Анджелесе. На следующее утро в шесть часов он отвез сестру в аэропорт, где она села в самолет, летевший в Чикаго. Там ей предстояла пересадка, откуда она направилась прямо в Вашингтон и прибыла туда в воскресенье поздно вечером.

Шофер такси, когда она спросила у него совет, предложил отвезти ее в небольшой отель недалеко от центра города. В отеле она сказала администратору, что остановится у них всего на одну ночь.

В десять утра в понедельник она подъехала к отелю, в котором жил ее муж, спросила, в каком номере он остановился, и когда ей сказали, не стала звонить снизу из вестибюля, а прямо направилась к лифту, назвав лифтеру нужный этаж.

Пять минут спустя она уже стояла перед дверью номера, в котором жил Джек Рафферти. Она подняла руку и постучала.

Через два часа после окончания заседания в пятницу Джек Рафферти на комитетском кадиллаке выехал из Вашингтона. Машину он вел сам. Он остановился возле отеля, только чтобы взять чемодан, который предусмотрительно уложил еще накануне. Принести чемодан он послал Морта Коффмана, а когда адвокат спросил у него, куда он едет и где его можно в случае нужды отыскать, ответил, что хочет эти два дня как следует отдохнуть и побыть один.

– Не беспокойся, – добавил он, – я вернусь вовремя. Ровно в восемь в понедельник я буду в отеле. Мне нужно отдохнуть, а сделать это я могу, только уехав куда-нибудь.

– Тебе, говорят, звонили десятки раз, – сказал Коффман. – Разве ты не хочешь...

– Нет. Не хочу знать, кто звонил. Сейчас мне все безразлично. Я хочу побыть один.

Он уехал, так ни с кем и не повидавшись и не поговорив. Направился он на Виргиния-бич и под чужим именем остановился в курортном отеле. В пятницу лег спать сразу после ужина, не просмотрев газет и не послушав радио. В субботу и воскресенье большую часть дня пробыл на пляже. Он не забыл натереться лосьоном, чтобы избежать ожога, и лежал на песке, порой в полусне, и отдыхал.

Впервые за последние двадцать с лишним лет он был совершенно один в течение целых двух суток; впервые за двадцать лет целых сорок восемь часов он совершенно ничего не делал.

Пока он лежал на песке, нежась под горячими лучами солнца, одна и та же мысль сверлила ему мозг. Он старался прогнать ее, но она не уходила.

«Я должен повидаться с ними, повидаться и поговорить», – повторял он себе. Но не раньше, чем все кончится. Не раньше, чем наступит конец. Марта. Марта и дети. Придется выдумать какую-нибудь историю, чтобы они успокоились. Эта задача не из слишком трудных. Ему всегда удавалось находить объяснения для Марты. А уж она как-нибудь сама объяснится с детьми.

Что же касается Джил, то ему было известно, что она, уйдя с заседания, сразу же уехала в Нью-Йорк. Когда он ждал возле отеля, пока Морт вынесет ему чемодан, его поймал репортер из «Ньюс». Сказал, что разговаривал с Джил, но она, отказавшись давать какие-либо объяснения по поводу их отношений, велела со всеми вопросами обращаться к Рафферти. Заявила, что

возвращается в Нью-Йорк, потому что ее лично разбор дела больше не интересует. Рафферти поверил репортеру и был благодарен Джил за то, что она не стала откровенничать с прессой.

Да, с ней тоже нужно повидаться и поговорить. Но и это не очень его беспокоило. Джил знала его, понимала и любила. Она всегда с ним, что бы ни случилось.

Еще Босуорт. Но нет, с Босуортом встречаться не придется. Босуорт умер.

Фаричетти. Вот с Фаричетти потрудней. По правде говоря, он еще не совсем решил, что делать с Фаричетти.

Он, разумеется, знал, что Томми в Вашингтоне, сидит и ждет его звонка. Да, рано или поздно, а повидаться с ним придется. Но чем он может помочь Томми? Решительно ничем. Абсолютно ничем. Томми сознательно пошел на риск, однако дело не выгорело. Что ж, бывает. Теперь это вопрос времени. Пройдет время, и о Томми Фаричетти позабудут. Нужно только сидеть тихо, не лезть, куда не следует, и все станет на свои места.

Еще Сэм Фарроу. Со стариком встретиться надо обязательно. Он и сейчас фигура. До сих пор в силе. Следовало бы позвонить ему до отъезда. Поговорить с ним. Незачем ждать, когда закончится расследование.

С минуту, пока он лежал на песке, думая и стараясь не думать, его терзало желание встать и пойти звонить. Но потом он отмахнулся от этой мысли. Сэма, наверное, тоже нет в городе эти два дня. Вот как следует поступить. В понедельник утром, едва он вернется в отель, сразу же позвонит Сэму. Старик, наверное, расстроен и огорчен, не так уж трудно позвонить ему и успокоить.

Наконец все мысли исчезли, и важные, и те, которые не имели столь большого значения. Он прогнал их, забыл о них и просто лежал на горячем песке и ни о чем не думал. Господи, до чего хорошо лежать, отдыхать и ничего не делать! Даже не думать. Может, во вторник – к этому времени уже все кончится – он сумеет приехать сюда и провести здесь неделю. Одному лишь богу известно, как ему требуется отдых. После всего, через что пришлось пройти.

Да, еще несколько часов, и все будет кончено. И вот тогда он начнет решать собственные проблемы. Знает бог, проблем у него немало. И не только в отношениях с людьми; с деньгами тоже не все в порядке. Морт Коффман стоит недешево. Да и все, что касается расследования, влетело ему в копеечку. С деньгами у него туго, по-настоящему туго. Слава богу, что он оказался дальновидным в отношении «М–Д дисберсмент компани». Хотя в этом ему повезло. И, конечно, еще те сто тысяч долларов в ценных бумагах и купюрах, что лежат в стенном сейфе у Джил. Но их, разумеется, трогать нельзя. Это неприкосновенный запас на тот случай, если положение действительно станет отчаянным.

Да, проблем у него хоть отбавляй. Но решить их можно. Все в конце концов приходит в порядок.

Филипп Хант, прикрыв рукой микрофон, опустил трубку и повернулся к старику, который, казалось, весь ушел в большое красной кожи кресло.

– Опять Джек, – сказал он. – Третий раз за это утро. Снова сказать, что вас нет, Сэм?

Сэм Фарроу медленно поднял голову. Он смотрел на Ханта, но не видел его, слышал слова, но не вполне понимал их значение.

– Звонит Джек Рафферти, – повторил Хант. – Нас уже соединили. У телефона он сам. Сказать, что вас нет?

Фарроу собрался было кивнуть, но вдруг выпрямился и решительно замотал головой.

– Нет, Филипп, – ответил он. – Не нужно говорить, что меня нет.

– Значит, вы будете разговаривать с...

Фарроу снова покачал головой.

– Не нужно говорить, что меня нет, – повторил он. – Скажи ему, что я не хочу с ним разговаривать. Да, так и скажи. Скажи, что я не хочу с ним разговаривать и не хочу его видеть. Ни сейчас, ни потом. Скажи ему это, Филипп.

Он отвернулся и устался на пушистый ковер у себя под ногами, по-видимому, совсем не слушая, что говорит по телефону Хант. Но, наверное, кое-какие слова все-таки дошли до него, потому что, когда Хант положил трубку, он снова поднял голову.

– Я думал, что научил этого мальчика всему, что знаю сам, – сказал он усталым, старческим голосом. – Да, я думал, что научил его всему.

– Разумеется, сэр, – подтвердил Хант. – Я уверен, что...

– Но одному я, по-видимому, не сумел его научить, – продолжал Фарроу, не обращая внимания на Ханта. – Одному. Верности. Может, этому нельзя научить? Этим качеством либо обладаешь, либо нет. А Джек Рафферти...

Он замолк и снова уставился невидящими глазами на ковер у себя под ногами.

– Посмотри, Морт, кто там, – попросил Рафферти, – скажи, пусть уходят. Господи, я же предупредил внизу, чтобы ко мне никого не пускали.

Он потянулся к зазвонившему в этот момент телефону, а Морт Коффман пошел к двери. Пока он открывал, Рафферти говорил:

– Нет. Нет, черт побери. Я же сказал вам, что ни с кем не хочу разговаривать. Вы что, не понимаете? Плевать мне, что это из Калифорнии и что свой звонок они считают важным. Я разговаривать не буду.

Он швырнул трубку на рычаг и обернулся к двери, которую широко распахнул Коффман. В дверях стояла Марта.

– Здравствуй, Джек, – сказала она.

Она сделал шаг вперед, и Коффман, не сводя с нее взгляда, отступил.

– Марта! Зачем ты приехала? – вскочил Рафферти.

Она молча прошла в глубину комнаты. Мгновение царил тишина, потом он опомнился.

– Моя жена – миссис Рафферти, – сказал он, поворачиваясь к Коффману. – Марта, это мой адвокат Морт...

Коффман что-то пробормотал, кивая и кланяясь, и двинулся к двери.

– Я должен на несколько минут зайти к себе, Джек, – сказал он. – Жду звонка из Нью-Йорка. Рад познакомиться с вами, миссис Рафферти, – довольно неуклюже закончил он, и дверь за ним затворилась.

– Лучше присядь, Джек, – посоветовала Марта. Она прошла по комнате и, взяв стул, устроилась возле заваленного бумагами стола.

– Марта, Марта, зачем ты приехала? – повторил он. – Где дети? Как ты очутилась здесь?

– Садись, Джек, – тоже повторила она.

– Марта, – говорил он, – зачем ты...

– Я приехала повидаться с тобой, Джек. Мне нужно тебе кое-что показать и поговорить с тобой.

– Ты с ума сошла! Что ты натворила? Ты оставила ребят...

Но, взглянув ей в лицо, он замолчал. Она смотрела на него, как на чужого, и, казалось, не слышала его слов. И тут впервые он понял, что все это значит для нее.

Как он глуп, если до сих пор этого не понимал, не задумывался, как она воспримет. Привык считать, что она ничего не знает и ни во что не вмешивается, – вот в чем беда. Наверное, услышала про Джил Харт и примчалась сюда. Обязательно нужно что-то придумать, успокоить ее.

Он подошел к ней, и прежняя милая улыбка засияла на его лице.

– Не нужно быть такой мрачной, девочка, – начал он. – Я чертовски рад тебя видеть. Рад, что ты приехала. Просто я никак не мог опомниться от удивления. Я не ждал...

Он наклонился, взял ее за руки и привлек к себе, чтобы поцеловать, но она отвернулась.

– Не нужно, Джек, – сказала она.

– В чем дело, Марта? – обиженно отступил он. – Что случилось? Надеюсь, ты не поверила всему, что обо мне говорили? Нечего из-за этого расстраиваться. Ты же знаешь, как мои враги стараются меня очернить и опозорить. Но с этим уже покончено, и...

– Верно, Джек, – сказала она, – с этим уже давно покончено. Для тебя это, наверное, старая история...

– Послушай, Марта, – перебил он ее, – тебе хорошо известно...

Она подняла на него печальный взгляд и покачала головой.

– Не надо, Джек, – сказала она, – не старайся. Я ничем не огорчена, не волнуйся. И ничего из сказанного не явилось для меня новостью. Я, наверное, знала об этом и раньше, знала уже много лет. Просто я была слишком беззаботна или слишком занята детьми и хозяйством, чтобы пошире открыть глаза. Но, как я уже сказала, значения это не имеет.

– Подожди, девочка, – быстро сказал он, – успокойся и выслушай меня. Я все тебе объясню. Я знаю, ты должна поверить...

– Не важно, поверю я или нет, – перебила она. – Важно, что мне это все безразлично. Правда, безразлично, Джек. Может, тебе это и обидно, но я хочу, чтобы ты понял. Поэтому не старайся мне лгать и меня очаровывать. Мне теперь все равно. И приехала я сюда совсем по другому делу.

Она открыла сумку и достала сложенный вчетверо листок.

– Насчет детей, – сказала она. – Постарайся взять себя в руки, Джек. Эдди ушел из дому. Он ушел несколько дней назад и вступил в армию. Я не знаю, где Марти. В последний раз он сообщил мне, что едет домой. Из лагеря он уехал.

– В армию? – переспросил Рафферти. – Господи боже мой! Он же еще не достиг призывного возраста. Что с ним? Почему ты не отговорила его? А где Энн? Ты приехала сюда, оставив Энн дома одну?

С тем же безразличием на лице Марта Рафферти протянула ему листок, который она вынула из сумки.

– Прочти это, – сказала она. – Ты получишь ответ на свой вопрос.

Не сводя с нее взгляда, он взял листок и медленно развернул его. А когда начал читать, то раза два помотал головой, словно не понимая, что там написано.

«Мама!

К тому времени, когда ты получишь это письмо, я буду уже далеко. Мы с Баддом Эбботом решили пожениться. Я знаю, ты расстроишься, но ведь мне уже почти семнадцать и пора поступать так, как хочется. Пожалуйста, не старайся нам помешать, это бесполезно. Папа ведь всегда поступает так, как ему хочется, и, по-моему, он прав. Он поймет меня, я уверена. Обо мне не беспокойся, я знаю, мы с Баддом хорошо устроимся. У него в семье меня любят, они нам помогут. Вам я дам о себе знать, как только мы вернемся из свадебного путешествия.

Энн ».

Рафферти побледнел, пальцы его разжались, и листок упал на пол. Неверящими глазами он уставился на жену.

– Ты что-нибудь сделала? – наконец спросил он. – Что ты сделала? Ты позвонила в полицию? Связалась с семьей этого мальчишки? Почему ты здесь? Ты должна быть дома и стараться...

– Я ничего не делала, Джек.

Секунду он смотрел на нее, открыв рот.

– Ничего не делала? Господи, боже мой! Что значит ничего не делала? Ты же знаешь, что представляет собой этот сопляк Эббот. Ты что, с ума сошла? Ничего не соображаешь и...

– Нет, Джек, я не сошла с ума. И соображаю. Наоборот, я впервые за все эти годы пришла в себя.

– Марта! Марта, ради бога, что с тобой? Моя дочь...

– Она написала в своем письме, Джек: «Папа всегда поступает так, как ему хочется». И это правда, Джек. Поэтому Энн поступит так, как ей хочется, и я не могу помешать ей, как не сумела помешать тебе.

– Как ты можешь сравнивать меня с Энн? – чуть не закричал Рафферти. – Мы обязаны этому помешать, причем немедленно. Я заставлю полицию найти эту маленькую негодяйку и...

– Они уехали два дня назад, Джек, – перебила его Марта. – То, что должно было случиться, уже случилось. На твоём месте я ее стала бы звонить в полицию.

– Хорошо. Хорошо, я не буду звонить в полицию. Но я обращусь к частному детективу. Я все равно их найду. А когда найду, постараюсь, чтобы этот мальчишка...

– А если они уже женаты?

– Мы аннулируем их брак. Энн еще ребенок, она меня послушается. Она выполнит мою просьбу.

– Нет, Джек, – медленно покачала головой Марта. – Не думаю. По-моему, Энн больше не будет тебя слушаться. После того, что ей стало известно за эти дни, сомневаюсь, чтобы она когда-нибудь послушалась тебя. Как и все мы, мне думается. – Марта медленно поднялась со стула. – А теперь, – добавила она, – я объясню тебе, зачем я приехала.

Он быстро взглянул на нее, склонив набок голову.

– Зачем приехала?

– Да, Джек, зачем я приехала в Вашингтон. Я хотела видеть тебя, когда я скажу тебе, зачем.

– Скажешь? О чем, черт побери, ты болтаешь, Марта? Разве ты приехала сюда не для того, чтобы рассказать мне об Энн? Я...

– Нет, совсем не из-за Энн. Я приехала сказать тебе...

– Марта, ты можешь говорить прямо? Ты, наверное...

– Я приехала сказать тебе, Джек, что между нами все кончено. Все. Я уйду от тебя.

Секунду он испытующе смотрел на нее.

– Уходишь? – переспросил он. – Как это уходишь?

– Вот так, Джек, – ответила она. – Между нами все кончено. Все. Я...

Он вскочил на ноги. Лицо его покраснело от гнева.

– Ты совсем спятила! – закричал он. – У меня столько волнений, эта дурацкая комиссия, Эдди со своей армией, Энн с этим идиотом, которого давно пора выпороть, а тут еще ты...

– Я не спятила, – возразила Марта. – По правде говоря, я никогда в жизни не мыслила так ясно, как сейчас. Я только никак не могу понять, почему мне понадобилось столько времени, чтобы во всем разобраться.

– Марта, подожди, Марта. Ты расстроена, я знаю. Ты расстроена из-за детей и наслушалась всякой ерунды во время этого проклятого расследования. Но, девочка, я сейчас тебе все объясню.

– Мне нечего объяснять, – сказала Марта. – Абсолютно нечего. Да, я расстроена из-за детей, но это больше не имеет значения. Дети такие же, как ты, Джек. Они сумеют сами о себе позаботиться. Нет, дело не в детях. И не в расследовании. Правда, должна признаться, кое-что из услышанного действительно меня поразило. Но в этом есть и моя собственная вина. Нечего удивляться, совершенно нечего. После таких двадцати лет. Нет, дело не в детях и не в расследовании. Просто меня больше нет. Между нами все кончено. Уже давно между нами все было кончено. Только я этого раньше не понимала. А теперь понимаю. Вот я и приехала сказать тебе об этом.

Она помедлила секунду, затем пошла к двери.

– Я уйду, Джек, – сказала она.

– Вернись, Марта! – воскликнул он. – Ты не можешь так уйти. Что заставляет тебя думать... Послушай, перестань прикидываться душой! Уходишь? Пожалуйста. А что ты будешь делать? Как будешь жить? Что...

Она подошла к двери, повернула ручку и обернулась. На лице ее играла слабая улыбка.

– Как-нибудь устроюсь, Джек, – ответила она. – Не беспокойся. Устроюсь. Видишь ли, в субботу из Сиэтла прилетел Стив. Он подтвердил, что когда ты давал показания на днях, то сказал правду, и я действительно владею тремя четвертями акций в его фирме. Он сказал, что они все зарегистрированы на мое имя и что я могу делать с ними все, что хочу. Поэтому можешь обо мне не беспокоиться. Я устроюсь неплохо.

Она открыла дверь и еще раз обернулась.

– Прощай, Джек, – сказала она.

– Марта! Подожди, Марта. Я...

Дверь тихо затворилась, и слова его упали в пустоту.

Секунду он стоял, борясь с искушением побежать за ней вслед. Он даже сделал шаг-другой, но вдруг остановился. Он понял. Понял, что это бесполезно.

Через пять минут в комнате снова был Морт Коффман.

– Садись на телефон, – сказал Рафферти, – и разыщи лучшее в Калифорнии сыскное агентство. Пусть займется этим делом. Только скажи им, чтобы они помалкивали и держались подальше от репортеров. Пусть их найдут. Не важно, где они. Я хочу, чтобы их нашли. А если

этот бездельник увез ее за границу, я...

– Подожди, Джек, – остановил его Коффман. – Ты представляешь, во что тебе это обойдется? Они, наверное, уже где-нибудь в Мексике, и если мы пошлем туда людей...

– Черт с ними, с деньгами! – ответил Рафферти. – Плевать мне, сколько это будет стоить. Садись на телефон и...

– Я буду звонить из своего номера, – сказал Коффман.

Когда дверь за ним закрылась, Рафферти посмотрел на часы и увидел, что уже второй час. А ровно в два ему снова предстоит отвечать перед Объединенной комиссией по расследованию.

– Деньги, – сказал он про себя. – Вечно эти проклятые деньги.

Он постоял секунду, подумал и нахмурился. Черт побери, он хотел подождать, пока закончится следствие, но теперь ждать нельзя. Его принуждают действовать. И действовать быстро. Лучше бы, конечно, подождать и повидаться с ней лично, но ничего не поделаешь. Сыскное агентство потребует платы наличными, да и Коффман уже раза два заикался об авансе. Начинают поджимать со всех сторон. Конечно, можно позвонить Сэму. Но Сэм отказался с ним говорить. Оставался еще Стив. Стив всегда может... И тут он вспомнил о встрече Марты с братом.

Он выругался и снял телефонную трубку.

Прошло несколько минут, пока его соединили с Нью-Йорком. Услышав ответ телефонистки, он быстро назвал номер Джил.

Телефонистка набрала номер, раздались гудки, но никто не подходил. Он уже собрался повесить трубку, когда услышал мужской голос.

– Мисс Харт, пожалуйста.

– К сожалению...

– Это квартира мисс Харт?

– Да, но мисс Харт больше нет. Она...

– Кто говорит? – спросил Рафферти. – Это Джек Рафферти. Мне нужна...

– Моя фамилия Фридмэн, я управляющий домом, – ответил голос на другом конце провода. – Очень сожалею, мистер Рафферти, но мисс Харт здесь больше нет. Она отказалась от квартиры, и я пришел сюда, чтобы...

– Нет? Что значит нет? Послушайте...

– Здесь горничная мисс Харт, – сказал Фридман. – Хотите поговорить с ней?

– Давайте.

Наступило минутное молчание, а затем раздался приятный женский голос с южным акцентом.

– Да, мистер Рафферти?

– Это вы, Джейн?

– Я, мистер Рафферти.

– Джейн, где мисс Харт?

– Не знаю, мистер Рафферти. Она вернулась в пятницу вечером и сказала, что отказывается от квартиры. Вся мебель она отдала мне, и я сейчас...

– Куда она делась? Вы должны...

– Я ничего не знаю, мистер Рафферти. Я помогла ей сложить вещи и в субботу утром снесла ее чемоданы в машину, которую прислала авиакомпания. Вот и все, что я знаю.

Рафферти выругался.

– Сожалею, мист...

– Послушайте, Джейн, – быстро перебил ее Рафферти, – вы знаете, где в спальне стенной сейф? Мне нужно...

– Знаю, мистер Рафферти.

– Пойдите и проверьте, заперла ли его мисс Харт перед отъездом?

– А зачем мне туда идти, мистер Рафферти? Сейф заперт как следует.

– Отлично, Джейн, – облегченно вздохнул Рафферти. – Тогда все...

– Сейф заперт, мистер Рафферти, – повторила Джейн. – Я сама заперла его после того, как мисс Харт вынула оттуда все бумаги и сложила их в саквояж. Конечно, вообще-то незачем было запирать пустой сейф, но...

Рафферти уронил трубку и сел, глядя на телефон невидящими глазами.

Он даже не поднял голову, когда минуту спустя дверь с грохотом отворилась и в комнату ворвался Морт Коффман. В лице его не было ни кровинки, а губы тряслись, когда он попытался заговорить.

Сержант Хэролд Комиски из автоинспекции штата Калифорния положил трубку и повернулся к лейтенанту, который сидел напротив него за столом.

– Никак не удастся с ним связаться, – сказал он. – С отелем-то соединился, но то ли Рафферти нет, то ли он не берет трубку. Телефонистка говорит...

– Что ж, ждать больше нельзя, – перебил его лейтенант. – Хотелось бы, конечно, сперва поговорить с ним, но эти репортеры внизу творят бог знает что. Придется им сказать. Они спешат сообщить об этом по радио и в вечерних выпусках газет.

– Ошибки нет? – спросил сержант. – Это точно дочка Рафферти? А то вдруг ошибемся...

– Точно, – ответил лейтенант. – Только что Фини подтвердил. Он заходил, пока ты звонил по телефону. Он был с отцом Эббота на опознании. Точно дочка Рафферти. Получилось-то странно: ветровым стеклом, когда она летела через него, ей чуть не снесло голову, а вот лицо осталось почти не поцарапанным. Фини говорит, что отец Эббота, когда увидел, что осталось от парня, упал замертво, но потом пришел в себя и опознал девочку. Они, наверное, шли со скоростью больше ста миль в час, когда вылетел этот грузовик...

– Да, не хотел бы я быть на месте Рафферти, когда он узнает об этом, – перебил его сержант. – По-моему, именно родителям приходится...

Глава семнадцатая

Взглянув на плоские золотые часы у себя на левом запястье, Джордж Моррис Эймс убедился, что до начала заседания осталось десять минут. Он обернулся к сенатору Феллоузу, который как раз вошел в зал из маленькой комнатки в глубине.

– Дэниэл говорит, что видел, как Рафферти только что прошел в здание, – сказал он. – Должен признаться, я удивлен.

– Я и сам удивляюсь, – кивнул Феллоуз. – Однако хорошо, что он решил прийти. Надеюсь, мы сегодня закончим, по крайней мере, с его показаниями.

– Должны закончить, – подтвердил Эймс. – Осталось совсем немного. В основном насчет Фаричетти. Боюсь, мистеру Рафферти придется выслушать еще кое-что малоприятное...

Подошел Эллисон и, уловив последние слова, вмешался в разговор.

– Вот ужас-то, – сказал он. – Только что передавали по радио. Может, отложим заседание? Просто зверство заставлять Рафферти сидеть здесь в то время, как его дочь лежит в морге в трех тысячах миль отсюда. Надо же, сколько досталось человеку за один день! У меня тоже пятнадцатилетняя дочь. Представляю, как бы я себя чувствовал. Как только отцу...

– Я разговаривал с Рафферти четверть часа назад, – прервал его сенатор Феллоуз. – Он только что узнал. Я, конечно, заверил его, что мы готовы отложить...

– И он отказался?..

– Он ответил, что придет. Не знаю, то ли он не соображает, то ли до такой степени хладнокровен, но он сказал, что придет, чтобы сегодня же со всем покончить.

– Все равно, лучше бы нам отложить заседание, – настаивал Эллисон. – У Рафферти, наверное, временное затмение рассудка. Он не понимает...

– Он хочет, чтобы мы продолжали, – подтвердил Эймс. – Сенатор Феллоуз говорил с ним, а я беседовал с Коффманом, его адвокатом. Они настаивают, чтобы заседание состоялось. Коффман говорит, что Рафферти потрясен и убит горем, но требует завершения разбора. Сразу после заседания он едет на Запад. Однако пора. Приступаем, сенатор?

Орманд Феллоуз утвердительно кивнул. Да, он был бы рад покончить с этим. Увидеть конец Джека Рафферти. Он устал и испытывал смутное чувство неудовлетворения и поражения. Ибо сознавал, что все оборачивается вовсе не так, как он предполагал. Его раздражало и бесило, когда Фарроу, Фаричетти, Харт и прочие садились на свидетельское место и, ссылаясь на пятую поправку, отказывались говорить. Сенатора охватывало чувство беспомощности, ему казалось,

что происходит явное злоупотребление и извращение самой сути этого конституционного положения. А потом сел Рафферти и заявил, что готов давать показания. Готов отвечать на вопросы Эймса и всех остальных.

Несмотря на свою молодость и некоторую неопытность, Эймс превосходно вел дело. Люди, участвовавшие в расследовании, сумели добыть много компрометирующих материалов. И тем не менее, окончательный результат не сулил особых надежд. Да, Рафферти ответил на все вопросы. И ответы его зачастую были изобличающими. Но дело венчает окончательный результат. А Рафферти, фактически не нарушая присяги, все время, казалось, куда-то ускользал. Его откровенность обернулась в некотором роде реабилитацией его деятельности. В конце каждого дня после показаний Рафферти, несмотря на выявленные факты, возникало какое-то чувство симпатии к самому Рафферти – главному отрицательному персонажу в драме.

И наконец, этот трагический случай, происшедший в крайне неподходящее время. Пресса, конечно, пытается на этом играть. Как бы ни была преступна его деятельность, однако публика, прочитав о смерти его дочери, все ему простит, нечего и сомневаться. Человек, предавший свою любовницу, изменявший своей жене, нечестный в отношениях с начальством и друзьями, будет забыт, а вместо него появится другой, которого будут считать добрым, нежным отцом, тяжело переживающим внезапную смерть любимой дочери. Сенатор и сам глубоко сочувствовал горю Рафферти, но стыдился этой слабости теперь, в столь неподходящую минуту.

Да, многое не нравилось сенатору. Он устал гораздо больше, чем мог бы себе представить. Телевизионные камеры, публика, магниевые вспышки и всеобщее смятение – все это начало оказывать на него свое действие.

Пробираясь через публику, Рафферти быстро шел по проходу в сопровождении Морта Коффмана, и если бы не разлитая по его лицу бледность, он выглядел бы точно так, как и трое суток назад, когда впервые переступил порог этого зала. Он сохранял вид человека сдержанного, уверенного в себе и, не глядя по сторонам, прошел к своему месту за широким дубовым столом. Он придвинул к себе графин с водой, достал из портфеля пачку каких-то бумаг и положил их на стол.

Его молоджавое лицо было непроницаемым, и только квадратные мускулистые руки, трогавшие то один предмет, то другой, выдавали его волнение.

Пока члены комиссии размещались и усаживались за столом напротив, он не обращал внимания на вспышки ламп фотографов и направленные на него телевизионные камеры.

Прикрыв рот рукой, Коффман наклонился поближе.

– Джек, ты уверен, что чувствуешь себя хорошо? – спросил он. – И настаиваешь на продолжении...

Не поворачивая головы и не меняя выражения лица, Рафферти коротко кивнул.

Хорошо? Конечно, хорошо. Так хорошо, как может быть человеку, которому только что без наркоза удалили сердце.

В то мгновение, когда адвокат наклонился к нему, его охватило внезапное почти непреодолимое желание повернуться и дать ему по физиономии. Почему он не может, черт бы его побрал, заткнуться? Заткнуться и оставить его в покое!

Чего они тянут? Сидят и смотрят на него. Как будто знают, что он думает и чувствует. Как будто, если бы и знали, могут или хотят помочь ему.

Какое им дело? Какое Коффману или кому-нибудь другому дело до него?

Они жаждут его крови, не так ли? Что ж, может, он и будет исходить кровью, но не в том виде, в каком им бы хотелось, и, черт бы их побрал, они не получают того, чего хотят.

Да, он уже изошел кровью и до сих пор кровоточит. Но к ним это не имеет никакого отношения. Пусть занимаются своим делом, пусть начинают заседание, пусть заканчивают свой разбор, им не удастся с ним расправиться. Он выйдет сухим из воды. Еще ни разу в своей жизни он не сдавался, не собирается сдаваться и на этот раз. Ни теперь, ни после.

Через час-другой, еще сегодня вечером, когда притупится боль от внезапно нанесенного удара, быть может, наступит оцепенение, и он сумеет...

Он замотал головой и сам повернулся к Коффману.

– Я чувствую себя хорошо, – зачем-то вновь повторил он. – Давай поскорее с этим покончим.

Было уже четыре часа, и впервые с тех пор, как начался допрос Джека Рафферти, у Эймса появился усталый вид. Его очки в роговой оправе были подняты на лоб, и он несколько раз пытался оттянуть тугой ворот рубашки. И когда он заговорил, голос его тоже звучал устало.

– Хорошо, мистер Рафферти, еще два вопроса и все. Просто нужно выяснить кое-что. Итак, вы утверждаете, что в течение более шести месяцев не виделись и не разговаривали с мистером Фаричетти?

– Да.

– Вы утверждаете, что вам неизвестна деятельность мистера Фаричетти в течение этого периода?

– Да, но до известной степени. Узнав из газет о его аресте в связи с делом Мэркса, я понял, что мистер Фаричетти не может больше оставаться в рядах ПСТР. Поскольку его комитет находится вне моей компетенции, я мог только посоветовать руководству отобрать у него мандат, так как всегда выступаю против тех, кто может нанести вред репутации нашего союза.

– Но вы лично продолжали испытывать к мистеру Фаричетти дружеские чувства?

– Да. Томми Фаричетти мой друг и всегда им останется. Я могу не одобрять его настоящих или прошлых поступков, но я не бросаю друзей в беде. Если я вижу, что тот или иной человек не подходит для нашего союза, я прямо говорю об этом и стараюсь избавиться от него. Но дружба и верность – это совсем другое. Может быть, я неправ, но я так считаю.

– Спасибо, мистер Рафферти. – Эймс снял очки, положил их на стол и повернулся к сенатору Феллоузу.

– У меня нет больше вопросов к мистеру Рафферти, – сказал он.

Сенатор Феллоуз медленно поднялся на ноги.

– А сейчас, – сказал он, – мы намерены представить в качестве доказательства две записи, произведенные при помощи магнитофона, вмонтированного в телефон мистера Рафферти в его кабинете в Лос-Анджелесе. Сразу же после прослушивания мы сделаем перерыв. Первая запись...

– На этот раз, – вскочил Коффман, и голос его зазвенел от гнева, – я решительно протестую. Федеральное правительство твердо установило, что подслушивание при помощи магнитофона...

– Мистер Коффман, – перебил его сенатор Феллоуз, – мы уже говорили об этом, и члены комиссии не нуждаются в ваших лекциях о том, что можно и что нельзя. Здесь не уголовный суд, я уже неоднократно об этом заявлял.

– Позвольте, сенатор, – не унимался Коффман, – использование записей, произведенных при помощи противозаконных средств...

Феллоуз поднял руку.

– Протест отклоняется, – устало сказал он. – Передаю свидетелю машинописный текст записи. У членов комиссии также есть текст. Если присутствующие утихомируются и позволят нам расслышать записанное на ленте, мы можем приступить. Прошу вас, мистер Эймс.

Эймс встал.

– Пригласите в зал Эверета Бартона.

К свидетельскому месту прошел тяжеловесный мужчина в строгом сером костюме.

Эймс кивнул председателю, и сенатор Феллоуз тотчас приступил к принятию присяги.

– Ваше имя, адрес и место работы? – спросил он.

– Эверет Бартон, Лос-Анджелес штат Калифорния. Я частный детектив.

Сенатор Феллоуз передал ему экземпляр текста.

– Прошу главного юрисконсульта задавать вопросы, – сказал он.

– Мистер Бартон, вы установили подслушивающую аппаратуру, при помощи которой были произведены эти записи?

– Да.

– Где и когда была установлена эта аппаратура?

– В кабинете Джона Кэрола Рафферти в Лос-Анджелесе. Аппаратура была вмонтирована в его телефон около двух месяцев назад. – Он помолчал, посмотрел в листок бумаги, который держал в руке, и продолжал: – Первый разговор состоялся девятого июня в одиннадцать пятнадцать утра. Второй – в тот же день в два часа дня.

– Прошу вас прослушать запись этих бесед и сказать членам комиссии, те ли это записи, которые вы произвели, и точно ли они воспроизводят беседы, которые были вами подслушаны.

– Хорошо.

Эймс кивнул сидящему рядом технику, и тот включил магнитофон.

Послышался телефонный звонок, затем заговорил мужской голос:

«– Да?

– Мистер Рафферти, вас вызывает Вашингтон. Будете разговаривать?

– А кто звонит?

– Не говорят. Сказали, что по личному делу. Мужской голос, и я думаю...

– Не думайте, давайте».

Молчание, а потом третий голос:

«– Джек?

– Да. Как дела? Я...

– Джек, с тобой можно говорить?

– Конечно. Что-нибудь случилось...

– Джек, события мне не нравятся. Ты читал утренние газеты?

– Да. А что...

– Насчет Мэркса. Опять стали копать, и там порядком завоняло. Мое мнение тебе известно. Случай этот страшный, его следовало избежать. Нам такие испытания не под силу, и, честно говоря, хоть Мэркс мне никогда не нравился, дело это плохое. Насколько мне известно, полиция уже допрашивала Фаричетти.

– Да, допрашивала. Но он вне подозрения. Томми ни за что...

– Нужно избавиться от него, Джек. У нас и без того хватает неприятностей, чтобы еще возиться с убийцами и бандитами. Ты знаешь, как я всегда относился...

– Фаричетти не имеет никакого...

– Меня это не интересует, Джек. Его допрашивала полиция, значит, у нее есть для этого основания. Во всяком случае, тебе известно, что он собой представляет. Мы не можем себе позволить иметь дело с такими людьми. А теперь, когда о нас и так плохо говорят да и комиссия по расследованию приступила к работе, самое время от него избавиться. Раз и навсегда.

– Но Фаричетти...

– Не верти, Джек. Это твой человек. Ты всегда старался его отстоять, но пришла пора с ним расстаться. Надо, чтобы он вышел из игры, понятно, Джек? Как ты это сделаешь, мне безразлично, но о нем следует забыть».

Долгое молчание и потом:

«– Понятно. Но ты помнишь, сколько он нам сделал?

– От его дел остаются только самые плохие воспоминания. Одному богу известно, сколько у нас неприятностей и без Мэркса...

– Фаричетти не имеет к этому отношения, я повторяю. Вышла осечка, но...

– Делай, что я говорю, Джек. Ради собственной шкуры, да и моей тоже. Избавься от него. Ты не имеешь права иметь дело с людьми типа Фаричетти. Ты это знаешь. Подумай как следует. Сделаешь, как я прошу?»

Снова долгое молчание.

«– Я сделаю, как ты просишь».

Запись кончилась. Эймс встал.

– Мистер Бартон, – сказал он, – в состоянии ли вы опознать голоса?

Бартон почесал голову.

– Человек, которому звонили, Джек Рафферти. Это я могу сказать точно. Я слышал его по телефону десятки раз. Насчет другого голоса я не уверен.

– Хорошо, мистер Бартон. А теперь мы прослушаем вторую запись.

Он снова кивнул технику.

На этот раз сначала послышался шум и треск, а потом раздался мужской голос, который Бартон опознал как голос Рафферти.

«— Соедините меня с междугородной.

— Какой номер, мистер Рафферти?

— Без номера, просто соедините меня с междугородной. И чтобы никто не подслушивал. Понятно? И еще одно, мисс Харкорт. Если телефонистка перезвонит и захочет выяснить, кто делал заказ, вы не знаете. Понятно?

— Понятно, мистер Рафферти. Минутку».

Короткая пауза.

«— Междугородная слушает.

— Дайте Нью-Йорк Спринг 7-1000.

— Ваш номер?

— Франт 5-5200.

— Кого вызвать?

— Не нужно никого вызывать. Я буду говорить с тем, кто ответит.

— Минутку, пожалуйста».

Во время последовавшего за этими словами короткого молчания в ложе прессы поднялся шум. Там, по-видимому, узнали номер телефона.

«— Дежурный департамента полиции города Нью-Йорка.

— Записывайте. Если вас интересует...

— Кто говорит?

— Неважно, кто. И не старайтесь узнать, иначе я повешу трубку. Записывайте. Если вас интересует, кто убил Клода Мэркса, разыщите человека по имени Пэтси Фармер. И еще Джузеппе Морелли. Это двоюродный брат Томми Фаричетти. Кислоту плеснул Фармер, и он не откажется говорить, если вы как следует над ним поработаете. А заплатил ему Морелли. По заказу Фаричетти.

— Не будете ли вы любезны повторить...»

Раздался звук брошенной на рычаг трубки, и запись закончилась в мертвой тишине.

Томми Фаричетти поднялся на ноги. Двигаясь по-стариковски медленно, он прошел по комнате, наклонившись к телевизору, выключил его, потом повернулся и посмотрел на своего адвоката, который стоял у окна.

Старый, усталый, измотанный, Томми молчал. Лицо его застыло, глаза были тусклыми.

— Мне очень жаль, Томми, — начал Френсиз Макнамара. — Я просто не знаю, что...

Но Фаричетти покачал головой, и Макнамара замолк. Фаричетти еще раз наклонился и, выдернув провод из электрической розетки, поднял телевизор. Подошел к кровати, положил на нее телевизор, затем, все так же молча, открыл его и вытащил пачку денег, которая была прикреплена к задней стенке телевизора с внутренней стороны. Выпрямившись, он протянул деньги Макнамаре.

— Мне они больше не понадобятся, — сказал он. — Передай их моей старухе...

— Подожди, Томми, — перебил его Макнамара. — Зачем сразу сдаваться? Мы еще можем...

— Мы ничего не можем, — ответил Томми. — Ничего. Возьми деньги и передай их.

— Но Томми...

— Делай, что я говорю, Френсиз.

Он сказал это, не повысив голоса, и Макнамара тотчас шагнул вперед и взял деньги.

— Томми, я сделаю все, что ты сочтешь нужным, но зачем...

— Твоя машина здесь, Френсиз?

— Да, но...

— Отлично. Тогда делай то, что я скажу. Сейчас же садись в машину и отправляйся в Нью-Йорк. Поезжай в Бруклин и отдай деньги старухе. Ей они понадобятся. Не возражай, нельзя терять время. Мне нужно, чтобы ты ехал. И немедленно.

— Но, Томми, что с тобой будет? Что...

— Френсиз, ты мне друг?

— Конечно, я тебе друг. Я просто...

– Тогда молчи. Не нужно даже прощаться. Лезь в машину и делай, что я прошу.

Макнамара с минуту оставался в нерешительности, потом вздохнул, взял шляпу и направился к двери, но у двери снова остановился. Он повернулся, обнял Томми, снова повернулся и исчез.

Спустя три минуты Томми Фаричетти тоже выехал из мотеля. На нем была нахлобученная на лоб серая фетровая шляпа с широкими полями и темные очки. Он взял напрокат черный седан и теперь направлялся в нем по Арлингтонскому мосту в Вашингтон. Кургузый черный автомат, прикрытый аккуратно сложенной газетой, лежал на сиденье рядом.

У подножья высокой гранитной лестницы, ведущей в здание, где только что кончила заседать Объединенная комиссия конгресса по расследованию деятельности профсоюзов, прислонившись к колонне, стоял Джейк Медоу и, не вынимая изо рта окурка, болтал с Картрайтом Минтоном, репортером из «Ассошиэйтед пресс». Было уже больше пяти.

– Какого черта ты здесь околачиваешься, Карт? – спросил Джейк. – Ведь все уже кончено. Больше ничего не будет.

– Жду жену, – ответил Минтон, – она должна за мной заехать.

Достав из нагрудного кармана тонкую сигарету, он сунул ее в рот, но не закурил.

– Вот так-то, – сказал он. – Много шуму и страстей, а в результате ничего. Говорить-то он говорил, но ничего не сказал.

– Да, говорил, – подтвердил Джейк. – Но еще больше не сказал. Если когда-нибудь человеку удавалось доказать, какой он подонок, то этому сукину сыну Рафферти...

– Ты с ума сошел! – воскликнул Минтон. – Рафферти вышел из этого дела сильнее прежнего. Допустим, Фаричетти действительно выдал он, но, черт возьми, он же на службе.

– Конечно, конечно. Но это доказывает, что он знал...

– Ничего это не доказывает. Как на это дело смотреть. Может, ему стало известно про Мэркса уже после случившегося. Тут ничего не докажешь. В телефонном разговоре об этом не упоминалось. Его можно презирать только за донос, но после этого доноса Фаричетти и его шайка отправятся либо на электрический стул, либо сядут за решетку на весьма длительный срок. Во всяком случае, готов держать пари, что этот разбор ни чуточки не повредил Джеку Рафферти. Его движению вперед ничто не помешает. Он будет очередным председателем ПСТР.

– Держим пари?

– Не люблю спорить, – ответил Минтон.

– Может, ты и прав, – задумался Джейк. – Но у меня есть предчувствие...

– Подожди, а ты-то что здесь крутишься? – вдруг насторожился Минтон. – Можно подумать, что ты был бы только рад...

– Рафферти еще не вышел, – заметил Джейк. – Он вот-вот должен появиться.

– Ну и что? – спросил Минтон. – Ты ведь уже передал информацию в газету, а из Рафферти, сам знаешь, и слова не выжмешь. Рафферти говорить не будет. А сегодня – в особенности. Пожалей человека. Он едет к дочери.

– Верно, – небрежно подтвердил Джейк. – Между прочим, – добавил он, – это не твоя жена ждет вон там, на другой стороне улицы?

Минтон посмотрел, куда указывал Джейк, и увидел у обочины тротуара черный седан.

– Ты что, спятил? – спросил он. – Разве женщина сядет в такую машину? Там мужчина. Мужчина в широкополой шляпе и темных очках. Придется тебе пойти к окулисту. Ты что-то стал плохо видеть.

– Да, – подтвердил Джейк. – Придется.

Повернувшись, он взглянул на отворяющуюся наверху лестницы дверь.

– А вот идет сам Рафферти, – сказал он.

